

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 9/2022

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2022.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2022.

Latinskaya Amerika N 9/2022

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2022.

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА

- 6** В.А.Магур. **Китайские смартфоны в Латинской Америке. Географические и институциональные основы производства**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 19** В.А.Дмитриева. **Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе**

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

- 36** О.В.Аверина. **Государство и личность. Политика гендерного разнообразия в странах Латинской Америки**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 54** А.С.Андреев. **Уругвай и СССР в 1945—1991 гг.: двусторонние отношения в контексте левого движения**
- 68** И.Ю.Веселова. **Мексиканский университетский антикоммунистический фронт (1955—1973). Влияние католической церкви и борьба за контроль университетской среды**

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

- 83** Н.А.Мязин. **Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки**

КУЛЬТУРА

- 98** Л.В.Ростоцкая. **Советское кино 1920—1930-х годов и новое кино Латинской Америки: особенности влияния**

SUMARIO

ECONOMIA

- 6** Vladimir Matsur. **Los teléfonos inteligentes chinos en América Latina. Las bases geográficas e institucionales de la producción**

RELACIONES INTERNACIONALES

- 19** Valentina Dmítrieva. **Las peculiaridades de la diplomacia humanitaria moderna de México**

SOCIEDAD DEL SIGLO XXI

- 36** Olga Avérina. **El estado y el individuo. La política de la diversidad de género en los países de América Latina**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 54** Antón Andréev. **Uruguay y la URSS en los años 1945—1991: relaciones bilaterales en el contexto del movimiento de izquierda**
- 68** Irina Veselova. **El frente universitario anticomunista de México (1955—1973). La influencia de la iglesia católica y la lucha por el control del ambiente universitario**

FACTOR RELIGIOSO

- 83** Nikolay Miazin. **La difusión del pentecostalismo en los países de América Latina**

CULTURA

- 98** Lidia Rostótskaya. **El cine soviético de los años 1920—1930 y el nuevo cine de América Latina: peculiaridades de la influencia**

CONTENTS

ECONOMY

- 6** Vladimir Matsur. **Chinese smartphones in Latin America. Geographical and institutional bases of production**

INTERNATIONAL RELATIONS

- 19** Valentina Dmitrieva. **The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico**

THE SOCIETY OF 21ST CENTURY

- 36** Olga Averina. **The state and the individual. The politics of gender diversity in Latin America**

HISTORY PAGES

- 54** Anton Andreev. **Uruguay and the USSR in 1945—1991: bilateral relations in the context of the left movement**
- 68** Irina Veselova. **The Mexican university anti-communist front (1955—1973). The influence of the Catholic Church and the struggle for control of the university environment**

RELIGIOUS FACTOR

- 83** Nikolay Miazin. **The spread of Pentecostalism in Latin America**

CULTURE

- 98** Lidia Rostotskaya. **Soviet cinema of 1920—1930 years and new cinema of Latin America: features of influence**

В.А.Мацур

Китайские смартфоны в Латинской Америке

Географические и институциональные основы производства

В последние два десятилетия в Латинской Америке наблюдается устойчивый рост рынка смартфонов за счет «догоняющей цифровизации» населения. На фоне этого процесса, минуя классические стадии развития телекоммуникационных систем, в регионе расцвели финансовые технологии, активно внедряется стандарт 5G. Низкая покупательная способность населения и национального бизнес-сообщества влечет за собой рост привлекательности китайских брендов смартфонов и производственных цепочек с участием КНР. Так, Латинская Америка является важнейшим поставщиком традиционных металлов для китайских производителей смартфонов и их компонентов. В последние годы наблюдается тенденция размещения производства смартфонов непосредственно в латиноамериканских странах (Аргентина, Бразилия) в целях конкуренции с брендами из Японии, Республики Кореи, США и Европы. Проникновение китайских производителей на новый рынок из-за серьезной конкуренции требует новой территориальной организации производства. Анализ размещения сборочных фабрик китайских смартфонов в Латинской Америке за последние десять лет выявил две географические модели производства. Бразильская модель предполагает появление производственных мощностей в густонаселенных промышленных кластерах с акцентом на использование квалифицированной рабочей силы и организации полного цикла производства непосредственно китайским брендом. Аргентинская же модель ориентируется на преференции свободных экономических зон и только на конечную сборку смартфонов местными фирмами без эксклюзивного договора подряда.

Ключевые слова: смартфоны, электронная промышленность, Китай, высокотехнологичный кластер, свободная экономическая зона.

DOI: 10.31857/S0044748X0021675-1

Статья поступила в редакцию 22.06.2022.

Владимир Александрович Мацур — научный сотрудник Центра экономических исследований Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, <https://orcid.org/0000-0002-4227-3029>, m1434@yandex.ru).

Для Латинской Америки характерен динамично растущий рынок телекоммуникационной продукции, прежде всего, смартфонов. Количество граждан, обладающих доступом к мобильному Интернету, последние двадцать лет быстро увеличивается. При этом в регионе наблюдаются две волны распространения мобильного Интернета. В основном массиве стран среднегодовой прирост числа граждан, имеющих к нему доступ, превышал 5% в период с 2001 по 2010 г. В Коста-Рике, Гайане, Суринаме, Боливии, Гаити и на Кубе эти показатели были достигнуты лишь в 2010-х годах [1]. Такой несбалансированный рост можно объяснить «догоняющей цифровизацией» населения, свойственной большинству стран региона. Она обусловлена мощным социальным расслоением, при котором доступ большей части населения с низким доходом к высокотехнологичным товарам на ранних этапах продаж ограничен, и технологическим разрывом между крупнейшими городами и обширной сельской местностью, в которой продажа данной продукции не осуществляется. Экономисты С.Ю.Ревина и Д.П.Чаварри Гальвес также отмечают, что продолжающийся процесс цифровизации стран Латинской Америки во многом зависит от инфраструктурного фактора, вследствие которого в сельских районах отсутствует доступ к Интернету, и институциональной среды, отличающейся низким уровнем финансовой и технологической грамотности [2]. Сокращение технологического разрыва стимулируется растущим объемом онлайн-торговли, активным развитием финансовых технологий как альтернативы традиционным. Российский финансист В.Е.Гаврилова подчеркивает роль финансовой цифровизации стран региона: в частности, криптовалюты превратились в популярный финансовый инструмент среди населения Латинской Америки [3]. Необходимым атрибутом цифровизации региона стало распространение смартфонов среди широких слоев населения. В силу относительно низкого уровня доходов основной части населения в странах Латинской Америки на рынке смартфонов особую популярность завоевали бюджетные модели азиатских брендов, прежде всего, японских (*Sony*), корейских (*Samsung*, *LG*) и в последние несколько лет китайских — *Huawei*, *ZTE*, *Xiaomi* и др. Так, доля последних на южноамериканском рынке в апреле 2022 г. составила 19,9% и продолжает увеличиваться [4].

Активное проникновение китайских товаров на относительно высокотехнологичный рынок стран региона заслуживает пристального внимания. Поверхностный анализ состояния отрасли в регионе выявляет два основных подхода китайских производителей: прямой экспорт на новый рынок и размещение производства на территории нового рынка. Однако многоукладность отрасли, разнообразие законодательной базы и специфика рынка в каждой из стран Латинской Америки, а также их вовлеченность в производственные цепочки смартфонов на разных технологических стадиях не позволяют ограничиваться подобной интерполяцией. Бразильский политолог М.Санторо в качестве основного сдерживающего фактора китайских инвестиций в латиноамериканскую промышленность указывает на политическую волю современного правительства стран региона: так, администрация президента Бразилии Ж.Болсонару (2019 — н/в), наблюдая за процессом охлаждения отношений между Пекином и Вашингтоном, занимает

выжидательную позицию, не предоставляя значительных льгот потенциальному китайскому инвестору [5].

Сокращение технологического разрыва в странах региона сопровождается устранением территориального неравенства, а размещение производства высокотехнологичной продукции, к которой относятся смартфоны, теоретически способно усилить этот процесс. Рост активности высокотехнологичных китайских компаний на мировом рынке обуславливает актуальность статьи: латиноамериканский рынок для них является новым и неосвоенным. В научной литературе еще отсутствует анализ поведения в регионе китайских производителей электроники, в частности смартфонов. Поэтому автор заострил внимание на основных механизмах размещения производства смартфонов компаниями из КНР на территории стран Латинской Америки и эффекте, который они оказывают на состояние их экономики и общества. Целью статьи является ответ на вопрос: как китайские компании размещают производство в латиноамериканских государствах?

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА СМАРТФОНОВ

Производство смартфонов как отдельная крупная отрасль входит в состав электронной промышленности. В производственной цепочке смартфонов выделяют три основных технологических этапа: добыча сырья, производство компонентов, конечная сборка. Сырье включает в себя широкий набор материалов: от лития для производства батарей до титана и железа, образующих сплавы, необходимые для корпуса смартфона. В числе основных компонентов выделяются печатная плата, антенна, батарея, ЖК-дисплей, динамик, микрофон, камера. По уровню технологической сложности лидирует именно производство компонентов, требующее значительных вложений в *R&D (Research and Development)* и высококвалифицированной рабочей силы. В то же время конечная сборка смартфонов обычно относится к низкотехнологичным стадиям производства и выносятся на аутсорсинг, как правило, в развивающиеся страны с более выгодными факторами производства. Каноничный пример — сотрудничество корпорации *Apple* с тайваньской *Foxconn* в вопросах конечной сборки и производства отдельных компонентов американских смартфонов.

Российский географ А.П.Горкин, изучая промышленность стран с постиндустриальной экономикой, пришел к выводу, что вынос низкотехнологичных стадий производства электронной продукции в развивающиеся страны является закономерной частью модернизации экономики развитых государств с постиндустриальной экономикой. Постиндустриализация экономики вовсе не означает ее деиндустриализацию: развитие высокотехнологичных отраслей является неотъемлемой частью модернизации экономики. Снижение количественных характеристик промышленного производства в таком случае компенсируется его качественным преобразованием, ростом добавленной стоимости производимой продукции [6]. Как отметили российские экономисты В.Н.Борисов, К.Г.Почукаев, О.В.Почукаева, именно модернизация промышленности часто становится драйвером роста экономики и благосостояния развивающихся стран [7]. Модернизация промышленности Китая, активно продвигаемое правительством эколо-

гическое законодательство, повышение уровня жизни и среднего уровня зарплат мотивируют китайские компании по аналогии с западными выносить низкотехнологичные стадии производства за пределы страны. Это относится и к сборке смартфонов.

Другой важной причиной интеграции китайских производителей смартфонов в глобальные производственные цепочки стала их зависимость от сырья для производства ключевых компонентов смартфонов: несмотря на то, что Китай является одним из крупнейших мировых производителей меди, железа, алюминия, молибдена и других металлов, для удовлетворения спроса национальных технологических гигантов объемов добычи недостаточно. Серьезным ограничением добычи ресурсов на территории страны также оказывается и новая безуглеродная экологическая политика, анонсированная председателем КНР Си Цзиньпином (2013 — н/в) в 2020 г. [8].

Ряд стран Латинской Америки соответствует стратегическим интересам китайских компаний. В регионе есть все условия для размещения каждой из трех стадий производства смартфонов. Однако практика показывает, что только в редких случаях китайские производители смартфонов решаются на капитальные инвестиции в страны Латинской Америки. Одним из важных лимитирующих факторов стали особенности латиноамериканского рынка смартфонов и роль Китая на нем.

МИРОВОЙ РЫНОК СМАРТФОНОВ

В последние пять лет современный рынок смартфонов стабильно поделен между американским высокотехнологичным гигантом *Apple*, корейской *Samsung* и сложным конгломератом китайских компаний, в числе которых особенно ярко выделяются *Xiaomi*, *OPPO* и *Vivo* (рисунок 1).

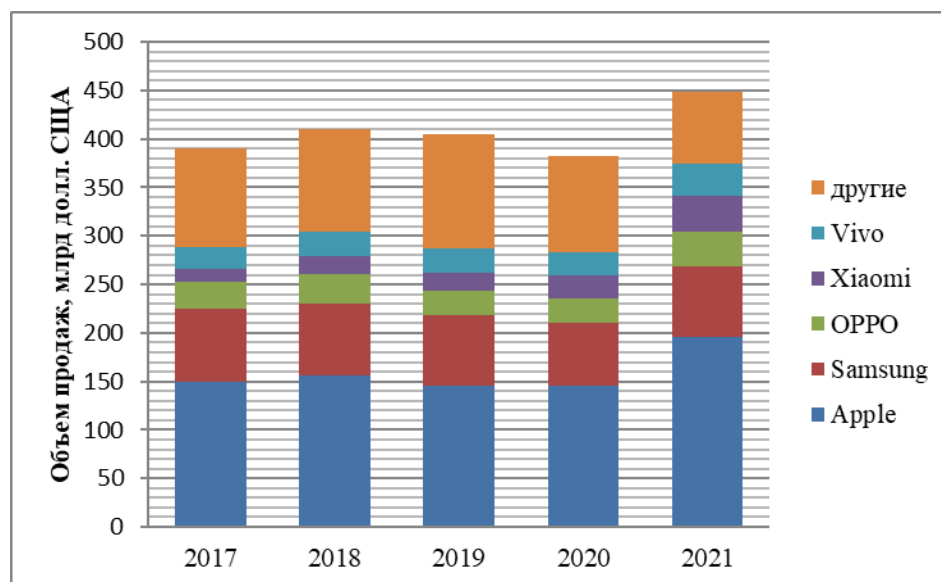
Рост продаж смартфонов продолжается по всему миру, несмотря на спад в пандемический 2020 г. В настоящий момент около 4 млрд человек пользуются смартфонами, и дальнейшее увеличение этих значений зависит от отложенного спроса в развивающихся странах, в том числе в Латинской Америке. Так, Бразилия и Мексика занимают в мире пятое (119 млн ед.) и восьмое (75 млн ед.) места соответственно по объему рынка смартфонов [1]. 2022 г. ознаменовался резким снижением объема продаж вследствие нарушения поставок полупроводниковых компонентов в Восточной Азии.

Корпоративная структура продаж не отражает реальной степени распространения того или иного бренда из-за разницы средней цены на единицу продукции. Дороговизна продукции *Apple*, возросшая в силу внедрения новой технологии *5G*, привела к тому, что несмотря на глобальное доминирование в стоимостном выражении, в большинстве развивающихся стран смартфоны *Apple* из расчета на единицу продукции менее распространены, чем дешевые смартфоны из Республики Корея и Китая. Рост доли китайских брендов на рисунке 1 с учетом их более низкой удельной стоимости, а также поддержкой технологии *5G* фактически означает глобальную экспансию, не лишенную технологических оснований.

С 2005 г. Китай вышел в лидеры по объему производимой электронной продукции, прежде всего, за счет производства компьютерного и телекоммуникационного оборудования [9]. В настоящий момент мировой экспорт

смартфонов в значительной степени сконцентрирован в восточноазиатском макрорегионе. Так, один Китай экспортирует почти половину смартфонов в мире (в единицах продукции) [10].

Рис. 1. МИРОВОЙ РЫНОК СМАРТФОНОВ В 2017—2021 гг.

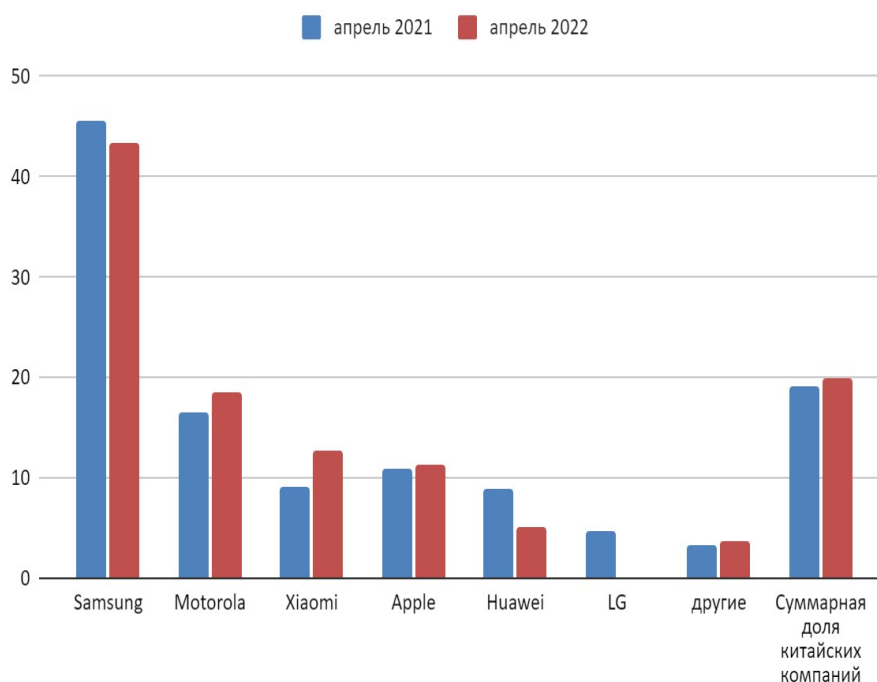
Источник: [1].

Ценовой фактор оказывает сильное влияние на популярность корейских и китайских моделей среди населения Латинской Америки. В 2015 г. китайский производитель смартфонов *Xiaomi* выбрал Бразилию в качестве первого крупного рынка сбыта продукции за пределом Китая [11]. В настоящий момент в Южной Америке доля восточноазиатских брендов на рынке смартфонов превышает 70% (рисунок 2). При этом присутствие китайских брендов растет за счет снижения доли крупнейшего производителя смартфонов в регионе — корейской компании *Samsung*. Дальнейшее проникновение китайских смартфонов на рынки латиноамериканских стран ограничено рядом факторов — от сложности логистики до тарифных барьеров, установленных в странах региона. Совокупность ограничений, в том числе приведенных выше, делает страны Латинской Америки привлекательными для размещения производства китайских смартфонов на их территории. Исследование показало, что пионерами в этом процессе стали Аргентина и Бразилия.

Изучение территориальной организации производства китайских смартфонов потребовало следования ряду методологических принципов. Во-первых, автор исследовал локализацию основных производственных центров, благодаря этому удалось определить основные факторы производства. Во-вторых, были выявлены корпоративная организация производства, ее взаимоотношение с государственными институтами, что позволило

оценить сложность выхода китайских брендов на латиноамериканские рынки. В-третьих, учитывался технологический цикл производства смартфонов — от добычи сырья до конечной сборки.

Рис. 2. ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЙ РЫНОК СМАРТФОНОВ

Источник: [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Размещение китайскими компаниями производства смартфонов на той или иной стадии в Латинской Америке жестко ограничено технологическими рамками. Сборка большей части компонентов смартфонов регулируется строгим патентным законодательством как Китая, так и латиноамериканских стран. Китайские производители не заинтересованы в передаче технологий латиноамериканским партнерам. В большинстве стран Латинской Америки в силу технологического отставания банально отсутствуют производства компонентов смартфонов необходимой сложности. В случае наличия подобных производств, как, например, в Бразилии и Мексике, препятствием является национальная политика технологической безопасности: местные власти и производители опасаются стремительной технологической экспансии Китая. Поэтому Латинская Америка в настоящий момент участвует только в низкотехнологичных стадиях производства китайских смартфонов — в добыче сырья для их производства и их конечной сборки разного уровня сложности.

Добыча сырья для производства смартфонов. Дополнительную значимость Латинской Америке в добыче сырья для производства смартфонов добавляет наличие крупных месторождений лития. Он является основным сырьем для производства аккумуляторов смартфонов, более половины его мировых запасов сконцентрированы в так называемом литиевом треугольнике на стыке границ Аргентины, Боливии и Чили. С учетом месторождений в Перу и Мексике доля Латинской Америки в мировой добыче лития и вовсе составляет две трети. Китайские компании в последние годы фактически доминируют на мировом рынке добычи лития и производства аккумуляторов на их основе. 56% китайских инвестиций в добычу полезных ископаемых (9 млрд долл.) за рубежом сконцентрировались именно в «литиевом треугольнике» [13]. Однако не во всех странах для китайских инвестиций созданы равные условия.

Месторождения лития в Мексике и Боливии разрабатываются государственными компаниями: участие частного капитала, в том числе китайского, ограничено. В обеих странах большая часть (не менее 51%) разработки месторождений должна осуществляться государственными компаниями. В 2019 г. Боливия заключила контракт на 2,3 млрд долл. США с китайским консорциумом *Xinjiang TBEA Group* по организации производства карбоната лития на месторождениях Коипаса и Пастос-Грандес [14]. Государственный переворот, произошедший осенью 2019 г., в результате которого к власти пришла оппозиционерка Жанин Аньес, стал причиной временного замораживания всех заключенных соглашений. Лишь в 2022 г. власти Боливии снова отобрали шесть иностранных претендентов на разработку литиевых месторождений, среди которых оказалось уже четыре китайские компании: *Xinjiang TBEA*, *Citic Guoan*, *CATL*, *Enertech* [15].

Из-за усиленного государственного регулирования в описанных выше странах Аргентина и Чили наиболее привлекательны для китайских инвестиций в добычу лития. В 2021 г. китайский литиевый гигант *Ganfeng Lithium* приобрел контрольный пакет акций проекта Мариана по добыче лития на солончаке Льюльяйльяко в аргентинской провинции Сальта [16]. Эта компания также обладает долей на месторождении Каучури-Оларос. В том же году в провинции Катамарка китайская компания *Zijin Mining Group* приобрела канадскую компанию *Neo Lithium*, которой принадлежит крупный проект 3Q по производству карбоната лития [17]. В июне 2022 г. *Zangge Mining* купила долю в 65% в канадской *Ultra Lithium*, занимающейся разработкой лития в озере Лагуна-Верде [18].

В Чили китайский производитель лития *BYD Chile SpA* в 2022 г. выиграл тендер на разработку месторождений в солончаке Атакама с квотой объемом 80 тыс. тонн [19]. Другая китайская литиевая корпорация *Tianqi Lithium* уже имеет долю в данном месторождении, купив 23,77% акций чилийской компании *SQM* [20].

Добытый в Южной Америке литий экспортируется в континентальный Китай, где на его основе производятся литий-ионные аккумуляторы, активно используемые в смартфонах и электромобилях. Стремительное проникновение китайских компаний в «литиевый треугольник» во многом связано с политической конъюнктурой в Аргентине, Боливии и Чили, где в настоящее время у власти находятся левые правительства, выступающие за диверси-

фикацию международного присутствия на национальных месторождениях. Однако сдерживающим фактором может являться политическая нестабильность в данных странах, как показал пример Боливии, где в 2019—2021 гг. сменилось два радикально настроенных друг против друга правительства.

Сборка смартфонов. Несмотря на рост объема продаж, в настоящий момент компании из КНР осуществляют сборку смартфонов в Латинской Америке только в Аргентине и Бразилии. Практика показала, что даже в этих государствах в ходе организации производства китайских смартфонов возникают значительные сложности, причем в этих странах сложились собственные модели китайского высокотехнологичного присутствия.

Аргентинская модель. Сборка всех китайских смартфонов сконцентрирована в главном центре электронной промышленности Аргентины — Рио-Гранде на Огненной земле. Развитие электронной промышленности в регионе стимулируется функционированием свободной экономической зоны Огненной земли (Тьерра-дель-Фуэго), предоставляющей налоговые и тарифные льготы для поставки сопутствующих компонентов из Китая и других стран [21]. Производство смартфонов в Рио-Гранде представляет собой конечную сборку на производственных мощностях местных компаний-подрядчиков, среди которых выделяются *Solnik* и *Mirgor*. Услугами данных фирм пользуются *Samsung*, *Nokia*, *LG*. Использование национальных подрядчиков является частью аргентинской протекционистской политики в высокотехнологичных отраслях, что долгое время сдерживало китайских производителей смартфонов. Причем основным лимитирующим фактором тут являлся вовсе не риск утечек технологий, а загруженность существующих производственных мощностей аргентинских подрядчиков. *Xiaomi* смогла организовать производство на заводе *Solnik* только после ухода южнокорейского бренда *LG* с рынка смартфонов [22].

Бразильская модель. Технологическое законодательство Бразилии более жесткое, чем в Аргентине. В целях защиты технологического суверенитета, включающего в себя поддержку национальных производителей, Бразилия установила высокие таможенные тарифы на ввоз электроники иностранной сборки. Поэтому для выхода на крупнейший рынок электроники в Латинской Америке и снижения издержек, связанных с длительной транспортировкой и высокими таможенными пошлинами, китайские компании организуют собственное производство как конечной продукции, так и компонентов к ним с обязательным участием в производственной цепочке бразильских компаний. Капитальные инвестиции китайских компаний в Бразилию требуют создания сложной инфраструктуры с подготовкой кадров, строительством распределительных центров и непосредственно сборочных фабрик. Однако это компенсируется присутствием на рынке более широкой линейки товаров — как электроники, так и электротехники. Так, *Huawei* открыл первую фабрику в Кампинасе еще в 2001 г., однако среди ее продукции смартфоны отсутствуют. Производство смартфонов было организовано лишь в 2022 г. после открытия фабрики в Жундиаи. Инфраструктура бразильского подразделения *Huawei* включает в себя сеть обра-

зовательных учреждений для подготовки высококвалифицированных кадров, а также распределительный центр в Сорокабе [23].

По аналогии с *Huawei ZTE* организовало производство смартфонов в 2014 г. на фабрике в Ортоландии, которое также завязано на поставках бразильских компаний-производителей отдельных комплектующих. В качестве перспективы отмечается возможность строительства дополнительной фабрики в Манаусе [24].

Другие китайские производители смартфонов *Realme* (дочерняя структура *Орро*) и *Xiaomi* только изучают бразильский рынок на предмет возможности организации локального производства. Сильная сторона этого рынка заключается в активном внедрении технологий 5G в стране. Из-за высокой стоимости продукции *Apple* и *Samsung*, поддерживающей стандарты 5G, именно китайские модели имеют высокий потенциал к спросу у бразильского покупателя. Более того, *Huawei* и *Xiaomi* через посредничество бразильских операторов связи предлагают бразильской стороне и необходимое оборудование для развертывания сети 5G [25, pp. 105-116]. Важное ограничение связано с огромным параллельным «серым» рынком, на котором те же самые модели смартфонов продаются по ценам вдвое ниже: в таком случае поставки напрямую из Китая остаются рентабельными [26].

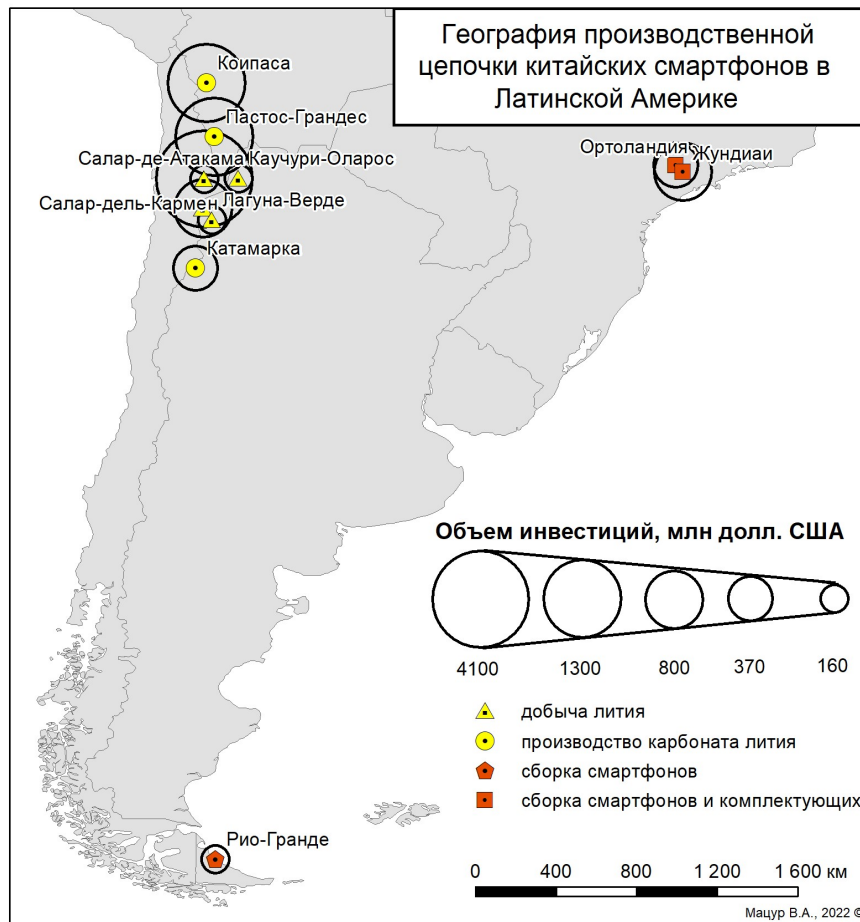
ГЕОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВА КИТАЙСКИХ СМАРТФОНОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Анализ всех стадий производства китайских смартфонов в странах Латинской Америки доказывает высокую степень географической концентрации (рисунок 3).

Если добыча лития привязана к месторождениям «литиевого треугольника», то дальнейшее производство смартфонов и связанных с ними компонентов регулируется институциональными условиями. В Аргентине это политика свободных экономических зон (СЭЗ). Успешное функционирование СЭЗ на Огненной земле привело к тому, что Рио-Гранде в настоящий момент — один из самых быстрорастущих городов страны, а численность его населения превысила количество жителей столицы провинции — Ушуайи. Физическая удаленность производства от крупных центров подготовки кадров, а также принцип технологической безопасности позволяют организовать только конечную сборку смартфонов.

Размещение производства китайских смартфонов и комплектующих в Бразилии соответствует высокотехнологичному кластеру в агломерации Сан-Паулу-Кампинаса, называемым также «Бразильской Кремниевой долиной». Бразильские требования к китайским инвесторам привели к организации производства по кластерному принципу американского экономиста М.Портера: с учетом географической близости объектов, наличия сопутствующих производств и образовательных учреждений [27]. Фактически устоявшаяся кластерная модель производства позволяет китайским компаниям в Бразилии усложнять технологии, расширять линейку производимой продукции, участвовать в развитии новых технологий, таких, как 5G, успешно конкурируя с западными компаниями.

Рис. 3. ГЕОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЦЕПОЧКИ КИТАЙСКИХ СМАРТФОНОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Географическое распределение китайских прямых инвестиций в разные стадии производства смартфонов отражает стратегическую ценность продуктов. Литий — важнейший ресурс для производства литий-ионных батарей, необходимых для наращивания объемов выпуска высокотехнологичной продукции, например, электромобилей. Конкурентные преимущества Китая в производстве подобной продукции обусловлены масштабными инвестициями в добычу и переработку лития в Аргентине, Боливии и Чили. Стратегическая ценность размещения китайских фабрик в Бразилии учитывает перспективу развития новых технологий. В то же время относительно небольшой объем прямых инвестиций в аргентинский Рио-Гранде свидетельствует об ограниченности потенциальных стратегических решений для китайских компаний в Аргентине.

Китайские бренды смартфонов стремительно проникают на рынки латиноамериканских стран. Вход на новые рынки обусловлен рядом факторов. Во-первых, из-за «догоняющей цифровизации» в странах региона возник избыточный спрос на смартфоны. Во-вторых, экспансия китайских компаний сопровождается тем, что они занимают новые ниши (смартфоны с поддержкой технологии 5G) и конкурируют с западными и корейскими производителями за счет дешевизны их продукции. Целью размещения компаниями КНР производства в латиноамериканских странах является поддержание этого конкурентного преимущества, нивелируемого протекционистской политикой латиноамериканских стран в области высоких технологий.

Производимые в Аргентине и Бразилии смартфоны экспортируются и в другие страны Латинской Америки. Выбор государств для входа на рынок региона обусловлен крупными объемами спроса и высокой покупательной способностью населения относительно стран-соседей. Сложившаяся производственная структура определяется институциональными условиями этих стран. В случае Аргентины производители извлекают выгоду из либеральных условий свободной экономической зоны Рио-Гранде. В Бразилии национальная протекционистская политика привела к организации высокотехнологичного промышленного кластера с перспективой налаживания производства более широкой линейки продукции, качественно иных продуктов.

Наконец, особое место в производственной цепочке китайских смартфонов занимает литий. Несмотря на все имеющиеся перспективы размещения производства смартфонов в странах Латинской Америки, ключевая роль региона для китайских производителей — ресурсно-сырьевая, что подтверждает территориальное распределение прямых инвестиций в разные стадии производства смартфонов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Counterpoint's Market Monitor Service, 2022 Available at: <https://www.counterpointresearch.com/services/market-monitor/> (accessed 20.05.2022).
2. Ревина С.Ю., Чаварри Гальвес Д.П. Перспективы развития цифровой экономики в странах Латинской Америки. *Вопросы инновационной экономики*. М., 2021, т. 11, № 2, сс. 849-868 [Revinova S.Y., Chavarri Galvez D.P. Perspektivy razvitiya tsifrovoy ekonomiki v stranah Latinskoy Ameriki [Prospects for the development of the digital economy in Latin America]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. Moscow, 2021, Vol. 11, N 2, pp. 849-868 (in Russ.).]
3. Gavrílova V.E. América Latina y Rusia en condiciones de digitalización del sistema monetario: cuestiones de teoría y práctica. *Iberoamérica*. Moscow, 2021, N 3, pp. 35-57. DOI: 10.37656/s20768400-2021-3-02
4. International Telecommunication Union Statistics, 2022. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (accessed 20.05.2022).
5. Санторо М. Политика Китая в Латинской Америке в XXI веке. *Иberoамериканские тетради*. М., 2020, № 8, сс. 24-34 [Santoro M. Politika Kitaya v Latinskoy Ameriki v XXI veke [Chinese politics in Latin America in the 21st century]. *Iberoamerikanske tetradi*. Moscow, 2020, N 8, pp. 24-34. (in Russ.) DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-24-34]
6. Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). Смоленск: Ойкумена. 2012, 348 с. [Gorkin A.P. Geografiya postindustrial'noy promyshlennosti (metodologiya i rezul'taty issledovaniy, 1973–2012 gody) [Geography of post-industrial industry (methodology and research results, 1973–2012)]. Smolensk: Ojkumena. 2012, 348 p. (in Russ.).]

7. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Роль машиностроения в процессе диверсификации экономики регионов. *Вопросы территориального развития*. Вологда, 2018, № 5, сс. 1-17 [Borisov V.N., Pochukaeva O.V., Pochukaev K.G. Rol' mashinostroeniya v processe diversifikacii ekonomiki regionov [The role of mechanical engineering in the process of regional economic diversification]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, Vologda, 2018, N 5, pp. 1-17 (In Russ.). DOI: 10.1 5838/tdi.2018.5.45.3
8. China Solar Stocks Are Surging After Xi's 2060 Carbon Pledge. Bloomberg, 8.10.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-08/china-s-solar-stocks-are-surging-after-xi-s-2060-carbon-pledge> (accessed 21.06.2021).
9. Цветкова Н.Н. Китай в мировом производстве и экспорте товаров ИКТ. *Восточная аналитика*, Институт востоковедения РАН. М., 2016, № 1, сс. 7-40. [Tsvetkova N.N. Kitaj v mirovom proizvodstve i eksporte tovarov IKT [China in the global production and export of ICT goods]. *Vostochnaya analitika*, Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, 2016, N 1, pp. 7-40.
10. Workman D. Cell Exports by Country. World's Top Exports, 2022. Available at: <https://www.worldstopexports.com/cellphone-exports-by-country/> (accessed 21.05.2022).
11. The Brazilian selling Chinese phones to Latin America. BBC, 2015. Available at: https://www.bbc.com/The_Brazilian_selling_Chinese_phones_to_Latin_America_-_BBC_Newsnews/world-latin-america-33302098 (accessed: 21.06.2021).
12. Mobile Vendor Market Share. Statcounter, 2022. Available at: <https://gs.statcounter.com/vendor-market-share/mobile/south-america> (accessed: 21.05.2022).
13. An Opportunity to Address China's Growing Influence over Latin America's Mineral Resources. Lawfare, 8.06.2022. Available at: <https://www.lawfareblog.com/opportunity-address-chinas-growing-influence-over-latin-americas-mineral-resources> (accessed: 12.06.2022).
14. Bolivia partnering with China's Xinjian TBEA for US\$2.3B lithium JV. S&P Global, 7.02.2019. Available at: https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/trending/sWn0LJgrw4A_uCus0xW2lw2 (accessed: 22.06.2021).
15. Боливия обсудит с Uranium One и еще пятью компаниями совместную работу по добыче лития. ТАСС, 16.06.2022. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/14924181> (accessed: 17.06.2022).
16. International Lithium sells remaining stake in Mariana project to Ganfeng. Mining.com, 21.09.2021. Available at: <https://www.mining.com/international-lithium-sells-remaining-stake-in-mariana-project-to-ganfeng/> (accessed: 22.01.2022).
17. Heavy Competition for the Lightest Metal. Wilson Center, 15.10.2021. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/heavy-competition-lightest-metal-0> (accessed: 22.01.2022).
18. Ultra Lithium Signs Definitive Partnership Agreement With Zangge Mining for Laguna Verde Brine Lithium Project in Argentina. Globenewswire, 20.06.2022. Available at: <https://www.globenewswire.com/en/news-release/2022/06/20/2465299/0/en/Ultra-Lithium-Signs-Definitive-Partnership-Agreement-With-Zangge-Mining-for-Laguna-Verde-Brine-Lithium-Project-in-Arentina.html> (accessed: 22.06.2022).
19. Chile adjudica 160.000 toneladas de litio a la empresa china BYD y a la firma local Servicios y Operaciones Mineras del Norte. El Periodico de la Energia, 13.01.2022. Available at: <https://elperiodicodelaenergia.com/chile-adjudica-160-000-toneladas-de-litio-a-la-empresa-china-byd-y-a-la-firma-local-servicios-y-operaciones-mineras-del-norte/> (accessed: 22.03.2022).
20. Tianqi Lithium's \$4.1 Billion Chilean Bet. Caixin Global, 19.02.2019. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2019-02-19/tianqi-lithiums-41-billion-chilean-bet-101381423.html> (accessed: 22.01.2022).
21. Zona Franca Rio Grande, Informe Final. Consejo Federal de Inversiones. 1996, 113 p.
22. Solnik amplía inversiones para fabricar celulares en Río Grande. Ambito, 31.03.2022. Available at: <https://www.ambito.com/economia/solnik-amplia-inversiones-fabricar-celulares-rio-grande-n5405672> (accessed: 24.04.2022).
23. Huawei Corporate Information. Available at: <https://www.huawei.com/en/corporate-information> (accessed: 24.06.2022).
24. Chinese ZTE investe em fábrica no Brasil e mira na chegada do 5G. O Globo, 1.07.2020. Available at: <https://oglobo.globo.com/economia/chinesa-zte-investe-em-fabrica-no-brasil-mira-na-chegada-do-5g-24508303> (accessed: 24.06.2021).
25. Симонова, Л. Н. Бразилия сегодня. Предвыборная риторика и реальная политика Ж. Болсонару. *Свободная мысль*. М., 2020, № 4, сс. 105-116. [Simonova L.N. Braziliya

Владимир Мацур

segonya. Predvybornaya ritorika i realnaya politika Zh.Bolsonaru [Brazil today. Pre- election rhetoric and real politics of J.Bolsonaro]. *Svobodnaya Zhizn*, Moscow, 2020, N 4, pp. 105-116 (In Russ.).

26. Xiaomi tem planos para fábrica no Brasil, mas ignora 'mercado cinza'. UOL, 8.04.2022. Available at: <https://www.uol.com.br/tilt/noticias/redacao/2022/04/08/xiaomi-ainda-tem-planos-para-fabrica-no-brasil-mas-ignora-mercado-cinza.htm> (accessed: 26.05.2022).

27. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998, 855 P.

Vladimir A.Matsur (m1434@yandex.ru)

Research Scientist, Center of Economic Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Chinese smartphones in Latin America. Geographical and institutional bases of production

Abstract. Latin America has been demonstrating steady growth of the smartphone market over the past two decades due to the “catching up digitalization” of the population. Against the background of this process, bypassing the classical stages of the development of telecommunication systems, financial technologies have flourished in the region, the 5G standard is being actively implemented. The low purchasing power of the population and the national business community contributes to the growing attractiveness of Chinese smartphone brands and production chains with Chinese participation. Thus, Latin America is the most important supplier of traditional metal resources for Chinese manufacturers of smartphones and their components. In recent years, there has been a trend with the placement of smartphone production directly in Latin American countries (Argentina, Brazil) in order to compete with brands from Japan, the Republic of Korea, the USA and Europe. Due to serious competition the penetration of Chinese manufacturers into a new market requires a new territorial organization of production. An analysis of the placement of Chinese smartphone assembly factories in Latin America over the past 10 years has shown two geographical production models. The Brazilian model assumes the placement of production facilities in densely populated industrial clusters with an emphasis on the use of skilled labor and the organization of a full production cycle directly by the Chinese brand. The Argentine model focuses on the preferences of free economic zones and only the final assembly of smartphones by local firms without an exclusive contract.

Key words: smartphones, electronic industry, China, high-tech cluster, free economic zone.

DOI: 10.31857/S0044748X0021675-1

Received 22.06.2022.

В.А.Дмитриева

Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе

В статье рассматривается современная гуманитарная дипломатия Мексики как один из инструментов внешней политики. Изучая ее эволюцию в контексте внутренней и внешней политики, на базе нормативных документов, институциональной системы гуманитарной дипломатии, места Мексики в системе официальной помощи развитию и ее позиции в отношении Концепции «Ответственность по защите» (*R2P*), автор выявляет особенности современной гуманитарной дипломатии страны. Отмечается главенство внутренних интересов Мексики над гуманитарной дипломатией и внешнеполитической деятельностью. Именно внутренние проблемы государства приводят к гуманитарной активности страны в Центральной Америке. Не обладая достаточным финансированием и концентрируясь на внутренних интересах, правительство в результате ограничивает потенциал гуманитарной дипломатии как инструмента. Президент А.М.Лопес Обрадор продолжает эту линию в отношении гуманитарной дипломатии, поэтому изменение географических приоритетов и отказ от выбранных ориентиров маловероятны.

Ключевые слова: Мексика, гуманитарная дипломатия, официальная помощь развитию, международное сотрудничество, новые доноры.

DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7

Статья поступила в редакцию 27.04.2022.

В 2018 г. на президентских выборах одержал победу Андрес Мануэль Лопес Обрадор (2018 г. — н/в), пообещавший во время избирательной кампании сконцентрироваться на решении внутренних проблем страны. Заявленные изменения внешнеполитического курса способствовали росту исследований подхода текущего правительства к позиционированию государства на международной арене. К 2018 г. было написано несколько серьезных работ по общей внешней политике страны. Перечислим некоторые

Валентина Андреевна Дмитриева — выпускница, магистр, факультет управления и политики, МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, Проспект Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-9202-6691>, valentina_dmitrieva@bk.ru).

из них: статья профессора Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Виктора Хейфеца и старшего преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения Арели Роблес Эррера [1]; коллективный труд сотрудников Института Латинской Америки Российской Академии Наук (ИЛА РАН) [2]; работа видных мексиканских ученых Аны Коваррубиас (Колехио де Мехико) и Хорхе Скьявона (Центр экономических исследований и обучения) [3]) и статьи по отдельным направлениям внешней политики Мексики, написанные А.Коваррубиас [4], Оксаной Катышевой, Ольгой Андриановой [5; 6], Лилией Хадорич [7] (СПбГУ), Екатериной Косевич (ВШЭ-ИЛА РАН) [8; 9]. После 2018 г. проводились исследования, связанные с текущим этапом развития внешней политики страны, направленные на сравнение заявленных в ходе избирательной кампании приоритетов и реальных результатов [10], определение целей внешней политики нового правительства [11]. Профессор Автономного университета Пуэблы Хуан Пабло Прадо Лальанде, в свою очередь, обратился к анализу значимости внешнеполитического курса для правительства А.М.Лопеса Обрадора [12].

Х.П.Прадо Лальанде отмечает, что внешняя политика государства связана с международным сотрудничеством в целях развития, в зависимости от отношений, установленных между двумя системами, уровня координации действий и подчинения [12]. Выявленную ученым связь можно обнаружить в ст. 89 (раздел X) Конституции страны, где указано, что внешняя политика Мексики основывается на принципах самоопределения народов, невмешательства во внутренние дела других государств, отказа от угроз или использования силы в международных отношениях, юридического равенства государств, содействия установлению мира и безопасности через мирное разрешение споров, а также на международном сотрудничестве в целях развития [13].

Отметим, что система международного сотрудничества в целях развития Мексики изучается, в основном, зарубежными исследователями [14; 15; 16]. В российской историографии замечен пробел в изучении данной сферы. В связи с этим автор данной статьи ставит целью определить особенности эволюции и текущего подхода Мексики к международному сотрудничеству в целях развития.

ПОНЯТИЕ «ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Сотрудничество в целях развития является частью международной гуманитарной кооперации. Оно превратилось в важный инструмент внешнеполитического влияния, так как на современном этапе возникает множество транснациональных гуманитарных вызовов, требующих совместной реакции разных стран [16; 17]. В рамках западного подхода гуманитарное сотрудничество трактуется узко: помощь в целях содействия развитию и гуманитарная помощь во время конфликтов, природных бедствий и крупных социальных катастроф (например, пандемий). В России, по оценке специалиста в области публичной дипломатии Анны Великой, гуманитарное сотрудничество понимается шире и включает в себя контакты в сфере науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций [17, с. 66]. Эти два подхода можно обозначить специальными понятиями: «гуманитарная ди-

пломатия» — более применимое на Западе, и «социально-гуманитарное сотрудничество» — термин, определяющий российский подход [18, с. 21].

Применительно к Мексике международное сотрудничество в целях развития трактуется практически, как на Западе, поэтому автор данной статьи предлагает характеризовать эту составляющую внешней политики как «гуманитарную дипломатию» Мексики. Само понятие гуманитарной дипломатии появилось в научных работах в 2000-х годах, но общего определения у этого понятия до сих пор нет. Согласно исследованию старшего советника по обучению Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Фелиппе Ренье, насчитывается 89 различных определений указанного термина [19, р. 1213]. Некоторые исследователи [16; 20; 21] говорят о существовании гуманитарной дипломатии государств, но консенсуса относительно целей ее применения нет. Так, российская исследовательница Елизавета Громогласова пишет об использовании данного инструмента для решения транснациональных гуманитарных вызовов [16, с. 6], а аспирантка Русенского университета им. Ангела Кынчева Джерен Уркан указывает на иные возможные причины применения гуманитарной дипломатии помимо гуманистического порыва правительства [22], тогда как доцент Университета Квинсленда Хасинта О'Хаган подчеркивает, что гуманитарная дипломатия способствует улучшению международной репутации и укреплению отношений между государствами [23].

В данной статье гуманитарная дипломатия рассматривается как инструмент внешней политики, позволяющий выразить международное сочувствие и солидарность, который способствует укреплению репутации государства и установлению двусторонних доверительных отношений. Автор использует этот термин, чтобы подчеркнуть, что Мексика является субъектом, осуществляющим гуманитарную дипломатию в отношении тех или иных стран, при этом сама оставаясь объектом воздействия дипломатии других государств.

Гуманитарная дипломатия Мексики рассматривается в контексте национальной внешней политики. Автор применяет метод кейсов для выявления особенностей использования страной данного инструмента на современном этапе. В статье рассмотрены элементы и характеристики системы гуманитарной дипломатии: особенности странового развития, влияющие на гуманитарную повестку государства; эволюция способов применения данного инструмента; нормативно-институциональное закрепление гуманитарной деятельности государства; место Мексики в системе официальной помощи развитию (ОПР) (является ли страна донором, реципиентом или же выполняет обе функции); основные направления ее деятельности в этой сфере; позиция страны в отношении спорной гуманитарной концепции «Ответственность по защите» (*Responsibility to Protect, R2P*).

МЕСТО ГУМАНИТАРНОЙ ПОВЕСТКИ В РАЗВИТИИ СТРАНЫ

Для Мексики еще с 1970-х годов серьезным вызовом остаются значительные миграционные потоки из нее и государств Центральной Америки в США [14, р. 18]. Внимание властей к данному вопросу обусловлено высокой миграционной нагрузкой на инфраструктуры Мексики, заметным

оттоком населения и влиянием этой проблемы на внешнюю политику США. Соединенные Штаты, где проживает мексиканская диаспора (97% всех живущих за рубежом мексиканцев) [24, р. 40], проводят жесткую миграционную политику, заставляющую официальный Мехико решительно действовать против миграционного потока, чтобы не допустить ухудшения двусторонних отношений с северным соседом. В то же время В.Л.Хейфец отмечает различия в подходе к миграционной проблеме: если США главным образом озабочены рисками для собственной безопасности, то власти Мексики указывают на слабый уровень социально-экономического развития стран Центральной Америки, поэтому последние считают необходимым обеспечить содействие международному развитию стран происхождения мигрантов для сокращения миграционных потоков [10, сс. 187-188].

В Мексике много и иных социально-экономических вызовов: высокий уровень организованной преступности и наркоторговли (в некоторых случаях наркокартели способны вытеснять официальные органы власти на отдельных территориях [25; 26]), региональное и социально-экономическое расслоение населения, коррупция, низкий уровень грамотности среди коренного населения. Эти вызовы приводят к росту бедности, появлению менее развитых регионов (в основном на юго-западе) и нарушению прав человека. Серьезной проблемой является тот факт, что Мексика находится в сейсмоактивном регионе. Относительная неспособность правительства адекватно реагировать на природные катастрофы ухудшает ситуацию, усиливая риск природных бедствий [27].

Географическая близость к США приводит к тому, что Мексика в периоды сближения с соседним государством не может абстрагироваться от гуманитарного дискурса: так, в начале XXI в. она занимала активную позицию по продвижению прав человека, следуя в фарватере внешней политики США, надеясь, что подобное сближение поможет ей выйти на уровень высокоразвитых соседей — США и Канады [1, с. 140].

Внутренние гуманитарные и социально-экономические вызовы и важность дискурса в сфере прав человека — не единственные причины активизации гуманитарной дипломатии Мексики. Зависимость от внешней политики Вашингтона, желание в то же время проводить политику невмешательства и уважения суверенитета (часто оборачивавшееся самоустранением от реальных проблем других регионов), «доктрина Тельо»* создавали Мехико проблемы в вопросах повышения статуса страны на международной арене традиционными путями (например, через систему ООН). Активизация в ООН дискурса о международном развитии Юга, по оценке Х.П.Прадо Лальянде и Л.Бильбао, стимулировала идею об увеличении престижа Мексики путем гуманитарной дипломатии [28, р. 40].

Гуманитарная дипломатия Мексики как внешнеполитический инструмент прошла несколько этапов развития. Хронологические рамки данных

* «Доктрина Тельо» — доктрина, разработанная постоянным представителем Мексики при ООН Мануэлем Тельо Барраудом. Предполагалось, что вхождение Мексики в Совет Безопасности ООН (СБ ООН) будет означать вовлечение страны в конфликты, представляющие маргинальный национальный интерес, который будет порождать спорные моменты в отношениях с США [2, с. 297].

этапов не идентичны ключевым этапам внутренней и внешней политики страны, так как указанный инструмент не используется правительством в качестве основного, следовательно, не подстраивается под все изменения внутренней и внешней политики государства.

На первом этапе (1970—1985 гг.) гуманитарная дипломатия начала оформляться как инструмент внешней политики. Если на международной арене к 1970 г. Мексика благодаря «доктрине Эстрады»* сохраняла отношения с социалистической Кубой, странами Восточного блока и рядом иных государств, то во внутренней политике правительство президента Луиса Эчеверриа Альвареса (1970—1976 гг.) столкнулось с масштабным политическим кризисом, теряя свое влияние среди населения ввиду распространения социальных протестов и активизации левой оппозиции. Продолжая вести «грязную войну» под предлогом борьбы с наркоторговлей [29], правительство разными способами пыталось повысить свою популярность: были открыты новые учебные классы, осуществлены инвестиции в кинематографическую сферу. Но все это не принесло желаемого результата. Правительство стремилось скрывать от внешнего мира пытки, убийства и похищения в рамках попыток физической ликвидации оппозиции и для этого запустило международную кампанию, нацеленную на повышение престижа и влияния Мексики [30, с. 318]. Благодаря этой кампании укрепились отношения с другими государствами, в том числе со странами «третьего мира». В 1971 г. в составе министерства иностранных дел появилась первая структура, занимавшаяся как входящими потоками средств от двусторонних партнеров и агентств, так и программой предоставления пакетов помощи самой Мексикой, — Генеральный директорат по международному сотрудничеству. Он занимался обсуждением и внедрением соглашений, координацией выдачи стипендий и технических и научных обменов [14, р. 22]. В этот период Мексика приняла тысячи уругвайских, аргентинских и чилийских эмигрантов, спасавшихся от реакционных диктатур [30, с. 318].

На втором этапе (1985—1998 гг.) Мексика начала выступать в качестве донора помощи содействия развитию. В Центральной Америке, где наблюдалось снижение уровня безопасности населения, гуманитарная дипломатия использовалась правительством Мексики для обеспечения национальных интересов и в качестве дополнительного инструмента борьбы с притоком беженцев [15]. В 1985 г. была учреждена должность Главы международного сотрудничества, а после землетрясения в Мехико был создан Международный комитет по координации гуманитарной помощи [31].

В 1988 г. в стране состоялись очередные выборы, принесшие формальную победу Карлосу Салинасу де Гортари (1988—1994 гг.), легитимность которой, однако, признавали не все сограждане. На фоне длительного экономического кризиса, коренных изменений на международной арене и увеличения влияния США власти страны начали проводить политику неолиберализма [30, с. 325]. В 1988 г. была внесена поправка в ст. 89 Кон-

* «Доктрина Эстрады» — доктрина, разработанная министром иностранных дел Хенаро Эстрадой в 1930-х годах, предполагает, что в случае смены правительства в другой стране власти Мексики не занимаются вопросами признания, а ограничиваются сохранением или разрывом дипломатических отношений [2, с. 296].

ституции, в которой было формализовано международное сотрудничество в качестве ведущего принципа внешней политики [14]. Страна сконцентрировалась на укреплении отношений с США и Канадой, в 1994 г. вступила в Североамериканскую зону свободной торговли (*Northern American Free Trade Association, NAFTA*), надеясь стимулировать экономическое развитие. Однако это сближение привело только к обострению внутривнутриполитической обстановки, усилению миграции и осложнению отношений с латиноамериканскими государствами [1, с. 140].

На третьем этапе (1998—2004 гг.) в МИД был учрежден новый децентрализованный орган — Мексиканский институт по сотрудничеству в целях развития, осуществлявший деятельность, схожую с работой Генерального директората. От Генерального директората вышеупомянутый институт отличался тем, что в нем было четыре отдела по сотрудничеству — техническому и научному, экономическому, в сфере культуры и образования, а также с Центральной Америкой и странами Карибского бассейна. В этот период был намечен курс на активизацию контактов со странами-соседами, отношения с которыми складывались не лучшим образом в период 1990-х годов. Однако в 2000 г. в результате прихода к власти Висенте Фокса Кесады (2000—2006 гг.), представлявшего оппозиционную Партию национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*) и объявившего о начале борьбы с коррупцией, Мексиканский институт по сотрудничеству в целях развития был расформирован, а его отделы перемещены в структуру МИД. На этот период пришелся пик перемен и во внешней политике, которую правительство В.Фокса стремилось осовременить. Страна отказалась от «доктрины Тельо» в пользу так называемой «доктрины Кастаньеды»* и вошла в СБ ООН в качестве непостоянного члена [2, с. 299]. Несмотря на активность в Совете Безопасности и попытки действовать отдельно от США, как отмечают В.Л.Хейфец и А.Роблес Эррера, правительство не было готово к разрушению отношений со своим северным партнером, поэтому ряд решений принимался с учетом потенциальной реакции Вашингтона [1, сс. 140-141]. В этот период наметился приоритет вопроса прав человека, важного для положительного отношения со стороны США [2, с. 298]. В контексте рассмотрения вопроса о развитии гуманитарной дипломатии следует подчеркнуть, что, несмотря на расформирование Мексиканского института, сотрудничеству с Центральной Америкой продолжало уделяться заметное внимание. Так, в 2001 г. был принят План «Пуэбла-Панама» (*Plan Puebla Panamá, PPP*) для развития стран Центральной Америки [2, с. 271]. Проекты для PPP финансировались Мексикой и другими партнерами. В 2002 г. в г. Монтеррей была проведена конференция по вопросам финансирования в целях развития [32, р. 35].

На четвертом этапе (2004—2011 гг.) противоречия со странами Латинской Америки продолжили усугубляться. В 2005 г. обострились отношения с Венесуэлой [1, с. 141]. В Мексике нарастали социально-экономические

* «Доктрина Кастаньеды» — внешнеполитическая линия, которую в 2000–2003 гг. осуществлял министр иностранных дел Хорхе Кастаньеда Гутман. Она заключалась в возросшей активности Мексики на международной арене и участии в международных форумах. По словам критиков, эта линия приводила к неоднозначным последствиям внутри страны [2, с. 299].

проблемы, правительство Ф.Кальдерона (2006—2012 гг.) объявило войну наркотрафику. Постепенное ухудшение отношений с другими странами, в особенности с соседями, подтолкнуло правительство к мысли о необходимости расширения региональных приоритетов. Мексика активизировала политику на Ближнем Востоке, выделив этот регион в качестве важной области внешней политики [6, с. 134]. В 2008 г. *PPP* был трансформирован в Проект интеграции и развития Месоамерики (*Proyecto de Integración y Desarrollo de Mesoamérica, PM*), в который вошло большее число стран региона. В МИД был создан отдел экономических отношений и международного сотрудничества, включивший в себя бывший Генеральный директорат. На этом этапе Мексика сотрудничала с США в деле борьбы с распространением вируса *H1N1* («свиной грипп») и оказания совместной помощи в зоне природных бедствий в странах Центральной Америки и Карибского бассейна [7, с. 43]. Мировой экономический кризис 2008—2009 гг., потерявшая значительную степень автономии внешняя политика, ухудшение отношений с латиноамериканскими соседями и внутренние социально-экономические проблемы государства подтолкнули правительство к изменению внешнеполитической линии. В 2009—2010 гг. Мексике вновь удалось занять место в СБ ООН; в это время также наметилась потребность в возвращении влияния страны не только в Центральной, но и в Латинской Америке [8, сс. 54-57].

Современный этап гуманитарной дипломатии Мексики начался в 2011 г. в результате принятия нового закона о международном сотрудничестве. В рамках этого этапа состоялись институционализация процесса оказания и получения помощи, трансформация и модернизация системы международного сотрудничества [14, pp. 36-40]. Эти изменения стали отправным пунктом реформы внешней политики после возвращения к власти Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) и начала президентского срока Энрике Пеньи Нето (2012—2018 гг.), который отмечал, что Мексика должна стать страной, участвующей в мировых делах «посредством идей и предложений». В 2013 г. наметился новый курс — постепенное сближение с КНР и расширение круга тем, важных для внешней политики Мексики. Страна активно участвовала в создании Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*) [7, с. 44]. Хотя Мексика усилила взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, государствами Ближнего Востока и продолжала выполнение обязательств в рамках проекта Месоамерики, внутренние проблемы (девальвация песо, продолжавшийся рост насилия и отсутствие экономического роста) привели к тому, что в 2013—2019 гг. она была вынуждена сократить объем гуманитарной помощи, официальной помощи развитию и взносов в международные организации. Так, в 2019 г. размер выделенных на гуманитарную дипломатию средств оказался более чем в пять раз ниже, чем в 2013 г. [33; 34, сс. 48-54].

Приход к власти в 2018 г. левого Движения национального возрождения (*Movimiento Regeneración Nacional, MORENA*) должен был привести к формированию нового подхода к использованию гуманитарной дипломатии. Однако этого не произошло: президент А.М.Лопес Обрадор объявил о необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах. Отмечается преемственность в вопросах принятия мигрантов и предоставления политического убежища: сохранялись лагеря для мигрантов [35], убежище по-

лучил экс-президент Боливии Эво Моралес (2006—2019 гг.) [36]. Стало окончательно ясно, что решение миграционного вопроса невозможно без содействия развитию депрессивным районам самой Мексики и странам Центральной Америки и без поддержки США [10, сс. 187-188], поэтому можно ожидать от правительства возвращения к гуманитарной дипломатии. Еще одним толчком к развитию стала пандемия коронавируса, в рамках которой Мексика получила шанс восстановить свое положение в Центральной Америке. Найдя возможность закупить несколько типов вакцин, страна организовала совместное с Аргентиной производство вакцин *AstraZeneca* для Центральной Америки, а также привлекла к сотрудничеству Японию, вместе с которой предоставила государствам региона средства индивидуальной защиты [24].

Несмотря на стремление сосредоточиться на внутренних проблемах, Мексика в 2021 г. вновь стала непостоянным членом СБ ООН (на два года), возглавив его [37], что свидетельствовало о том, что после пандемии Мехико намеревался сосредоточиться и на внешней политике. Страна продолжала следовать «доктрине Эстрады», не вмешиваясь в вопросы смены правительств, но при этом подчеркивая свое право сохранять или разрывать дипломатические отношения, например, с президентом Венесуэлы Николасом Мадуро (2013 г. — н/в) [10, с. 192], приглашенным на инаугурацию А.М.Лопеса Обрадора.

Гуманитарная дипломатия как инструмент внешней политики все эти годы зависела от внутреннего развития страны и внешнего влияния США и являлась средством восстановления дружеских отношений со странами, утратившими ранее доверие к Мексике. Этот инструмент является ключом не только к повышению авторитета страны, но и к разрешению внутренних гуманитарных проблем, поэтому в ближайшем будущем Мексика не планирует от него отказываться. Однако прогнозировать потенциальные изменения подхода к гуманитарной дипломатии в будущем не представляется возможным.

НОРМАТИВНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Для изучения гуманитарной дипломатии Мексики особое значение имеют два документа: Программа международного сотрудничества в целях развития (*Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo, PROCID*) 2021 г. и Закон о международном сотрудничестве в целях развития (*Ley de Cooperación Internacional para el Desarrollo, LCID*) 2011 г. В законе определены институциональные рамки гуманитарной дипломатии Мексики и ее теоретические аспекты. Страна определена и как донор, и как реципиент. Это подтверждается и тем фактом, что Мексика до сих пор фигурирует в списке реципиентов официальной помощи развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [38]. В законе международное сотрудничество в целях развития рассматривается широко: в него включено культурное сотрудничество [13], которое традиционно не входит в понимание гуманитарной дипломатии, а является частью социально-гуманитарного сотрудничества. Тем не менее кооперация в культурной сфере остается второстепенной для решения внутренних проблем государства, поэтому следует говорить о том, что Мексика в качестве инструмента внешней политики занимается именно гуманитарной дипломатией, отодвигая культурные

вопросы на задний план. В программе указаны 11 принципов международного сотрудничества в целях развития Мексики (см. рис. 1).

Рис. 1. **11 ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕКСИКИ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ**

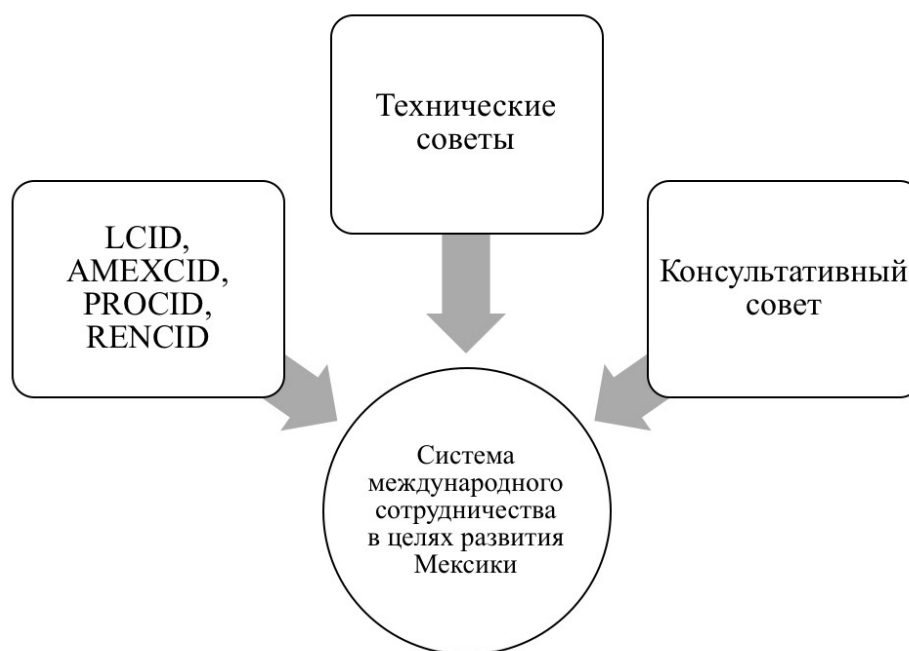
Источник: составлено автором на основе PROCID [13].

LCID закрепил институциональную систему гуманитарной дипломатии страны, состоящую из Мексиканского агентства по международному сотрудничеству в целях развития (*Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo, AMEXCID*); Национального регистра международного сотрудничества в целях развития (*Registro Nacional de Cooperación Internacional para el Desarrollo, RENCID*); Национального фонда международного сотрудничества в целях развития (*Fondo Nacional de Cooperación Internacional para el Desarrollo, FONCID*); PROCID. Последняя представляет собой систему международного сотрудничества Мексики в целях развития в следующем виде (см. рис. 2), определяя четыре столпа системы как правовой (LCID), институциональный (AMEXCID), стратегический (PROCID), статистический (RENCID) столпы [13].

Основным институтом гуманитарной дипломатии Мексики является децентрализованное AMEXCID. Агентство координирует действия по международному сотрудничеству в целях развития и создает необходимые инструменты для планирования, мониторинга и оценки такой кооперации [39]. AMEXCID занимается не только донорской деятельностью, но и контролирует получение

помощи и средств. Именно оно при участии МИД выполняет соглашения федеральных правительств, муниципалитетов, университетов, исследовательских институтов. Агентство также управляет *RENCID* и Информационной системой международного сотрудничества для развития [40].

Рис. 2. СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ МЕКСИКИ

Источник: составлено автором на основе *PROCID* [13].

По оценке ряда экспертов, принятие *LCID* является важным шагом для развития всей системы гуманитарной дипломатии [41]. Благодаря созданию специальных органов появляется возможность централизованно отправлять и получать все пакеты помощи [41]. Высока значимость этого документа для борьбы с коррупцией, так как при существовании единого органа сложнее использовать полученные средства в личных целях. В то же время любое расширение зон сотрудничества в будущем требует принятия поправок к закону, кроме того, система не предусматривает обязательного наблюдения за успехом внедряемых программ развития. Вопрос оценки результатов проекта необходимо проработать [41].

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: МЕСТО, НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Будучи членом ОЭСР с 1994 г., Мексика остается наблюдателем в Комитете по содействию развитию (КСР) и отправляет туда статистику по официальной

помощи [42]. Методология отчетности для *AMEXCID* была разработана при поддержке КСР ОЭСР. Мексика согласна с рекомендациями участников Совета по сотрудничеству в целях развития по управлению риском коррупции ОЭСР и рекомендациями участников Совета по согласованности политики для устойчивого развития ОЭСР. В 2019 г. страна принимала участие в диалоге стран Латинской Америки и Карибских островов в КСР ОЭСР [43].

Неготовность Мексики полностью присоединиться к КСР ОЭСР может быть обусловлена рекомендациями комитета в отношении оказания помощи: высокий процент несвязанной помощи (не ограничивающей закупки компаниями в стране-доноре или небольшой группе стран), как минимум 86% грант-элемента в предоставляемой помощи, пожертвования наиболее бедным странам, стандарты вовлечения гражданского общества [44]. Данные рекомендации могут создавать трудности в использовании гуманитарной дипломатии для продвижения национальных интересов, в особенности в регионе Центральной Америки.

Направления гуманитарной деятельности Мексики, закрепленные в *PROCID*, подтверждают ориентацию на внутренние проблемы государства. Это прослеживается в направлениях гуманитарной деятельности, отраженных в пяти приоритетных целях на 2021—2024 гг.:

- внести вклад в достижение общих целей внутренней политики в вопросах мира, демократического государства и верховенства закона, социального благополучия и экономического развития населения Мексики, используя полученную международную помощь;
- убедиться в том, что политика в сфере международного сотрудничества для развития способствует устойчивому человеческому развитию населения государств-партнеров, с приоритетом стран Центральной Америки и Карибского бассейна;
- внести вклад в выполнение региональных и глобальных повесток дня в целях развития через активное участие в форумах и механизмах сотрудничества;
- усилить эффективное управление международным сотрудничеством для развития через институционализацию инструментов, методов и возможностей услуг национальной системы международного сотрудничества для развития;
- продвигать страну через культурную дипломатию, а также ее экономику и туризм для усиления экономического роста и повышения авторитета Мексики [13].

Стремление внести вклад в достижение целей внутренней политики влияет на выбор приоритетных стран и видов оказания помощи. Так, ввиду заинтересованности в регионе Центральной Америки Мексика концентрируется на проектах Юг — Юг. В этом регионе для борьбы с высокими уровнями миграции и преступности реализуется ранее упомянутый проект *РМ*, охватывающий Мексику, Гватемалу, Гондурас и Сальвадор, Белиз, Колумбию, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму и Доминиканскую Республику. Большая часть проектов сконцентрирована на странах так называемого Северного треугольника — Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре, что связано с миграционными потоками из этих стран. Поскольку Мексика видит причины миграции в низком уровне социально-экономического развития, данные проекты затрагивают сферы инфраструктуры, образования, здравоохране-

ния, науки, технологий и инноваций. Другим вызовом в этом регионе являются природные бедствия, поэтому осуществляются проекты в сфере окружающей среды, борьбы с изменением климата и системы управления рисками природных катастроф [45]. Отсутствие средств и экономические трудности приводят к тому, что для разрешения проблем Мексика вынуждена прибегать к трехстороннему сотрудничеству*. В финансировании помогают кооперационные фонды: Фонд Мексики для международного сотрудничества для развития с Иберо-Америкой (*Fondo mexicano de Cooperación internacional para el desarrollo con Iberoamérica*); Мексиканско-испанский фонд (*Fondo México-España*); Мексиканско-уругвайский фонд (*Fondo México—Uruguay*); Мексиканско-чилийский фонд (*Fondo México—Chile*) и др. Мексика также сотрудничает со странами Северной Америки и государствами, входящими в АР, — Колумбией, Чили и Перу [13].

Как было отмечено выше, мексиканское правительство не уделяет серьезного внимания процессу усиления влияния страны в мире путем налаживания сотрудничества в таких сферах, как культура, экономика и туризм, поскольку это не направлено на решение внутренних проблем Мексики.

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ»: НАРУШЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА ИЛИ БУДУЩАЯ НОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА?

Концепция «Ответственность по защите» (*R2P*) в качестве принципа гуманитарной деятельности появилась в 2005 г. после принятия итогового документа Всемирного саммита ООН. Тем не менее ряд стран настроен скептически и не считает ее частью гуманитарной повестки.

Отношение Мексики к концепции часто рассматривается авторами в ретроспективе. Страна на протяжении веков придерживалась осторожной дипломатии, следуя так называемой доктрине Хуареса**. Это правило закрепились в Конституции в качестве ключевых принципов мексиканской внешней политики. Важно отметить, что, хотя в 1940-х годах и была возможность трансформировать закрепившийся статус-кво, Мексике не удалось этого сделать до начала XXI в. [32], так как страна руководствовалась «доктриной Тельо» и «доктриной Эстрады», предпочитая сохранять статус-кво в отношении центрального международного института — СБ ООН.

Изменение подхода к внешней политике было связано с переориентированием на США, приходом к власти *PAN* и отказом от «доктрины Тельо» и «доктрины Эстрады». Популяризация дискурса о правах человека не могла не затронуть вопрос гуманитарных интервенций и концепции *R2P*. В 2003 г. важный партнер страны, США, вторгся в Ирак, что привело к тому, что в СБ ООН Мексика оказалась в трудном положении: с одной стороны, принципы невмешательства, запрещающие гуманитарные интервенции, с

* Трехстороннее сотрудничество реализуется между двумя и более развивающимися странами (где одна является реципиентом, а другая — донором) и традиционным донором в лице развитого государства или международной организации.

** Суть доктрины Бенито Хуареса (президента Мексики в 1858—1872 гг.) — принцип невмешательства во внутренние дела, мирное разрешение конфликтов и мирное сосуществование.

другой — благосклонное отношение США, торговые обязательства и экономическое развитие. Ввиду предстоявших выборов имело значение общественное мнение, а население оказалось негативно настроено к действиям США и даже направило В.Фоксу петицию [46; 47; 48]. В итоге Мексика сохранила антивоенную позицию [18; 49].

Однако ввиду популяризации дискурса о правах человека, возникновения внутренних проблем, связанных с наркокартелями, Мексика постепенно начинает пересматривать отношение к гуманитарным интервенциям. Она представила свое видение концепции *R2P*, а в 2009 г. стала одним из 67 соавторов резолюции 63/308 Генеральной Ассамблеи «Ответственность по защите», в которой была поддержана концепция *R2P* и предложены конкретные способы ее продвижения. Мексика старалась подтвердить свою приверженность правам человека, при этом отвлечь внимание от подобных проблем внутри страны, утверждая, что эти нарушения совершаются исключительно наркокартелями. Для Мексики было важно противостоять влиянию в СБ ООН Бразилии, активно участвовавшей в дебатах о *R2P*. Параллельно с этим Мексика активно поддерживала миротворческие операции [32], а в 2016 г. приняла решение к ним присоединиться [7, с. 43]. Когда против Мексики подали заявление в Международный уголовный суд, страна сократила поддержку *R2P*, поддержала концепцию Бразилии, с которой ранее спорила. Однако полностью Мексика не отказалась от концепции, надеясь модифицировать ее таким образом, чтобы не стать ее жертвой [50].

Таким образом, можно сделать вывод, что гуманитарная дипломатия Мексики имеет несколько ключевых особенностей. Прежде всего, определяющим фактором для выбора стран и секторов помощи являются внутренние проблемы и национальные интересы Мексики. При этом главным вызовом для страны можно считать большие миграционные потоки из самой Мексики и стран «Северного треугольника» в США. Первоочередность решения внутривнутриполитических и социально-экономических проблем препятствует осуществлению культурного аспекта сотрудничества, закреплённого в качестве одного из приоритетов в *PROCID*, что приводит к ограничению использования гуманитарной дипломатии как инструмента внешней политики.

В ходе исследования показано, что гуманитарная дипломатия Мексики подкрепляется комплексной современной нормативно-институциональной базой, которая соответствует основным внутривнутриполитическим задачам и упрощает использование этого инструмента (противодействие коррупции, видимость всех входящих и исходящих потоков помощи). Тем не менее у существующей системы есть и недостатки, например, отсутствие возможности контролировать осуществление проектов и оценивать их эффективность после реализации, что свидетельствует о необходимости усовершенствования нормативно-институциональной базы.

Внутренние проблемы также являются одной из причин недостаточной гибкости гуманитарной дипломатии как инструмента. Так, социально-экономическое расслоение, существование более бедных регионов в стране и уязвимость перед природными катастрофами препятствуют отказу от роли реципиента гуманитарной помощи и помощи в целях содействия развитию. Недостаток финансирования ставит Мексику в зависимость от проектов трехстороннего

сотрудничества. Экономические проблемы в совокупности с использованием гуманитарной дипломатии для продвижения национальных интересов приводят к невозможности на нынешнем этапе присоединиться к КСР ОЭСР.

Очевидно, что одним из центральных пунктов курса Мексики можно считать права человека, что выражается в предоставлении политического убежища и участии в разработке концепции *R2P*. Однако повышенное внимание этому вопросу уделяется не из гуманистического порыва государства, а с целью отвлечь внимание международного сообщества от внутренних проблем.

В результате ориентация властей Мексики на решение внутренних проблем приводит к ограничению потенциала использования инструмента гуманитарной дипломатии для повышения влияния страны в мире. Однако в ближайшее время представляется маловероятным отказ от ориентиров, выработанных в связи с нуждами внутренней политики, и расширение географического потенциала стран ввиду ряда таких факторов, как политические цели правительства А.М.Лопеса Обрадора, нехватка финансовых средств и наличие внутренних проблем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Роблес Эррера А. Между США и миром: внешняя политика Мексики в XXI веке. *Актуальные проблемы экономики и управления*. СПб., 2014, №2 (2), сс. 139-146. [Jeifets V.L., Robles Herrera A. Mezhdru SShA i mirom: vneshnjaja politika Meksiki v XXI veke. [Between the USA and the world: Mexico's foreign policy in XXI century] *Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija*. St. Petersburg, 2014, N 2 (2), pp. 139-146 (In Russ.).]
2. Мексика: парадоксы глобализации. Под ред. В.М. Давыдова. М., ИЛА РАН, 2013, 336 с. [Meksika: paradoksy globalizacii. [Mexico: paradoxes of modernization] Ed. V.M. Davydov. Moscow, ILA RAN, 2013, 336 p.]
3. Covarrubias A., Schiavon. J.A. In search of international influence: Mexico as an entrepreneurial power. *International Journal. Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2018, Vol. 73(4), pp. 535-553.
4. Covarrubias A. Containing Brazil: Mexico's Response to the Rise of Brazil. *Bulletin of Latin American Research*, 2016, Vol. 35, N 1, pp. 49-63.
5. Катышева О.В., Андрианова О.В. Азиатско-тихоокеанский вектор внешней политики Мексики на современном этапе. *Латинская Америка*. М., 2015, №11, сс. 40-49. [Katysheva O.V., Andrianova O.V. Aziatsko-tihookeanskij vektor vneshnej politiki Meksiki na sovremennom jetape. [Asia-Pacific vector of Mexico's foreign policy at the present stage] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 11, pp. 40-49 (In Russ.).]
6. Катышева О.В. Ближний Восток и Мексика: персоналии или стратегия? *Клио*. СПб., 2016, №3(111), сс. 133-138. [Katysheva O.V. Blizhnij Vostok i Meksika: personalii ili strategija? [Middle East and Mexico: personalities or strategy?] *Klio*. St. Petersburg, 2016, N 3(111), pp. 133-138 (In Russ.).]
7. Катышева О.В., Хадорич Л.В. Североамериканское направление внешней политики Мексики в начале XXI века. *Латинская Америка*. М., 2018, №4, сс. 37-51. [Katysheva O.V., Khadorich L.V. Severoamerikanskoe napravlenie vneshnej politiki Meksiki v nachale XXI veka. [North American Dimension of Mexican Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 4, pp. 37-51 (In Russ.).]
8. Косевич Е.Ю. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке. *Латинская Америка*. М., 2018, №8, сс. 48-62. [Kosevich E. Yu. Novye podhody Meksiki k integracionnym processam v Latinskoj Amerike. [New approaches of Mexico to the integration processes in Latin America] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 8, pp. 48-62 (In Russ.).]
9. Косевич Е.Ю. Мексика и реформа Совета Безопасности ООН: традиции, преемственность и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. М., 2018, 8(5), сс. 84-92. [Kosevich E. Yu. Meksika i reforma Soveta Bezopasnosti OON: tradicii, preemstvennost' i perspektivy. [Mexico and reform of the United Nations Security Council: tradi-

tions, continuity and perspectives] *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. Moscow, 2018, N 8(5), pp. 84-92 (In Russ.).

10. Хейфец В.Л. Внешняя политика А.М. Лопеса Обрадора: декларации и реалии. *Вестник Московского Университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. М., 2021, №2, сс. 171-202. [Jeifets V.L. Vneshnjaja politika A.M. Lopesa Obradora: deklaracii i realii. [Foreign policy of A.M. López Obrador: Declarations and reality] *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. Moscow, 2021, N 2, pp. 171-202 (In Russ.).

11. Косевич Е.Ю. Новые ориентиры внешней политики Мексики. *Латинская Америка*. М., 2019, №9, сс. 23-37. [Kosevich E. Yu. Novye orientiry vneshnej politiki Meksiki. [New orientations of Mexico's foreign policy] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 9, pp. 23-37 (In Russ.).

12. Prado Lallande J.P. La política exterior Mexicana del presidente Andrés Manuel López Obrador: Ascendente relevancia vs estricta selectividad en tiempos de la 4-a transformación. *Латинская Америка*. М., 2021, № 7, pp. 53-68.

13. Programa de Cooperación Internacional para el Desarrollo 2021-2024. Secretaría de Relaciones Exteriores. 2021. Available at: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5639308&fecha=24/12/2021#gsc.tab=0 (accessed: 20.02.2022).

14. Calleja R., Prizzon A. Moving away from aid. The experience of Mexico. London, ODI, 2019, 55 p.

15. Prado Lallande J.P. La cooperación internacional para el desarrollo de México. Un análisis de sus acciones, institucionalización y percepciones. *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, septiembre-diciembre de 2014, pp. 51-86.

16. Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М., ИМЭМО РАН, 2018, 124 с. [Gromoglasova E.S. Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovaniya. [Humanitarian Diplomacy in Modern International Politics: A Systemic View] Moscow, IMEMO, 2018, 124 p.

17. Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов. *Право и управление. XXI век*. М., 2012, №3(24), сс. 63-72. [Velikaya A.A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: politicheskie aspekty otechestvennyh i zapadnyh podhodov. [International humanitarian cooperation: political aspects of Russian and Western approaches] *Pravo i upravlenie. XXI vek*. Moscow, 2012, N 3(24), pp. 63-72 (In Russ.).

18. Практика современной гуманитарной дипломатии. Под ред. Д.А. Кузнецова. М., Эдитус, 2022, 206 с. [Praktika sovremennoj gumanitarnoj diplomatii. [The modern humanitarian diplomacy practice] Ed. D.A. Kuznetsov. Moscow, Editus, 2022, 206 p.

19. Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, 2011, Vol. 93, No. 884, pp. 1211-1237.

20. Ипполитов С.С. Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. М., 2018, №2 (29), сс. 36-45. [Ippolitov S.S. Gumanitarnaja dejatel'nost' kak objekt kul'turologii: opredelenie, izuchenie, tendencii. [Humanitarian activity as an object of cultural studies: definition, study, trends] *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*. Moscow, 2018, N 2 (29), pp. 36-45 (In Russ.).

21. De Lauri A. Humanitarian Diplomacy: Research Agenda. CMI Brief. 2018. Available at: <https://www.cmi.no/publications/6536-humanitarian-diplomacy-a-new-research-agenda> (accessed: 20.01.2022).

22. Urcan C. The Changing Nature of Diplomacy: Rising Powers' Humanitarian Diplomacy Practices. *The 13th Edition of the International Conference. European Integration — Realities and Perspectives. Proceedings*. Galati, May 18 – May 19, 2018, pp. 244-250.

23. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*, 2016, Vol. 70, Issue 6, pp. 657-669.

24. La Estrategia Internacional De Mexico En La Pandemia de COVID-19: Marzo de 2020-Septiembre de 2021. Gobierno de México Relaciones Exteriores. 2021. Available at: <https://www.gob.mx/sre/documentos/la-estrategia-internacional-de-mexico-en-la-pandemia-decovid-19> (accessed: 22.01.2022).

25. Felbab-Brown V. Mexican cartels are providing COVID-19 assistance. Why that's not surprising. Brookings. 27.04.2020. Available at: [https://www.brookings.edu/blog/order-from-](https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/27/mexican-cartels-are-providing-covid-19-assistance-why-that-s-not-surprising/)

chaos/2020/04/27/mexican-cartels-are-providing-covid-19-assistance-why-thats-not-surprising/ (accessed: 07.01.2022).

26. Felbab-Brown V. How the Sinaloa Cartel rules. Brookings. 04.04.2022. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/how-the-sinaloa-cartel-rules/> (accessed: 07.04.2022).

27. Worldmap of Risk 2021. The WorldRiskReport. 2022. Available at: <https://weltrisikobericht.de/weltrisikobericht-2021-e/> (accessed: 10.05.2022).

28. Prado Lallande J.P., Bilbao L.O. El sistema de cooperación internacional para el desarrollo frente a la securitización y la crisis económica global. *Relaciones Internacionales de la UNAM*, México, 2009, núm. 105, pp. 37-61.

29. Романовский В.Г. «Грязные войны», права человека и проблема противодействия государственному терроризму в странах Латинской Америки. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2021, №1, сс. 32-46. [Romanovskiy V.G. «Grjaznye vojny», prava cheloveka i problema protivodejstviya gosudarstvennomu terrorizmu v stranah Latinskoj Ameriki. [“Dirty Wars”, human rights and the problem of countering state terrorism in Latin America] *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 2021, N 1, pp. 32-46 (In Russ.).

30. Новая краткая история Мексики. Под ред. А.Н. Боровкова. М., ИЛА РАН, «Весь мир», 2018, 352 с. [Novaja kratkaja istorija Meksiki. [New brief history of Mexico] Ed. A.N. Borovkov. Moscow, ILA RAN, “Ves' mir”, 2018, 352 p.

31. *Diario Oficial de la Federación*. México, 24.10.1985. Available at: https://dof.gob.mx/index_111.php?year=1985&month=10&day=24#gsc.tab=0 (accessed: 08.08.2020).

32. Sotomayor A.C. Mexico and the R2P Challenge: The Commitment Trap. *Global Responsibility to Protect*, 2016, No.8, pp. 29-50.

33. Cooperación Internacional para el Desarrollo otorgada por México en 2019. Gobierno de México. 2019. Available at: <https://infoamexcid.sre.gob.mx/amexcid/ccid2019/index.html> (accessed: 22.01.2022).

34. Косевич Е.Ю. Кризис президентского срока Энрике Пеньи Ньето. Причины превращения в «хромую утку» раньше времени. *Латинская Америка*. М., 2017, №4, сс. 45-58. [Kosevich E. Yu. Krizis prezidentskogo sroka Jenrike Pen'i N'eto. Prichiny prevrashheniya v «hromuju utku» ran'she vremeni. [The crisis of the Enrique Peña Nieto presidential term. The causes of transformation in "the lame duck" prematurely] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 4, pp. 45-58 (In Russ.).

35. Spagat E. Migrant Camps grow in Mexico amid uncertainty on US policy. ABC News. 18.11.2021. Available at: <https://abcnews.go.com/International/wireStory/migrant-camps-grow-mexico-amid-uncertainty-us-policy-81247591> (accessed: 08.12.2021).

36. Sharnak D. Why Mexico is a haven for political exiles like Bolivia's former president Evo Morales. *The Washington Post*. 8.12.2019.

37. Arrocha Olabuenaga P., de la Fuente J.R. Mexico's Priorities as an Elected Member to the Security Council for 2021-2022. Just Security. 07.07.2020. Available at: <https://www.justsecurity.org/71241/mexicos-priorities-as-an-elected-member-to-the-security-council-for-2021-2022/> (accessed: 08.08.2021).

38. DAC List of ODA Recipients Effective for reporting on 2022 and 2023 flows. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/DAC-List-of-ODA-Recipients-for-reporting-2022-23-flows.pdf> (accessed: 08.06.2022).

39. AMEXCID – Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo. Gobierno de México. 2022. Accessed at: <https://www.gob.mx/amexcid> (accessed: 22.01.2022).

40. Sistema Mexicano de Cooperación Internacional para el Desarrollo. Gobierno de México. 21.04.2016. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/acciones-y-programas/sistema-mexicano-de-cooperacion-internacional-para-el-desarrollo-29328> (accessed: 22.01.2022).

41. Interview with four experts on International Development Cooperation (IDC). Gobierno de México. 20.06.2012. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/articulos/interview-with-four-experts-on-international-development-cooperation-idc> (accessed: 08.08.2021).

42. Mexico Development Co-operation. OECD. 2022. Available at: <https://www.oecd.org/dac/dac-global-relations/mexicos-development-co-operation.htm> (accessed: 22.01.2022).

43. Mexico: Development Co-operation Profiles. OECD. 2021. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/397e2afcen/index.html?itemId=/content/component/397e2afcen> (accessed: 22.01.2022).

44. DAC Standards. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/dac-instruments-and-standards.htm> (accessed: 08.01.2022).
45. 1.ª Comisión Ejecutiva 2021 de Proyecto Mesoamérica. Gobierno de México. 2022. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/prensa/1-comision-ejecutiva-2021-de-proyecto-mesoamerica?idiom=es> (accessed: 22.01.2022).
46. Mexico shifts towards U.S. position on Iraq. *USA Today*. 26.02.2003. Available at: https://usatoday30.usatoday.com/news/world/iraq/2003-02-26-us-mexico-iraq_x.htm (accessed: 08.08.2021).
47. Mexico's Fox clings to neutrality on Iraq vote. CNN World. 10.03.2003. Available at: <http://edition.cnn.com/2003/WORLD/americas/03/09/iraq.mexico.reut/index.html> (accessed: 08.08.2021).
48. Kraul C. Iraq Puts Fox in a Hard Place. *Los Angeles Times*. 01.03.2003.
49. SC/7707. 27 MARCH 2003. Security Council Concludes Two-Day Debate On Military Action In Iraq; Need For Immediate Humanitarian Aid, Protection Of Civilians Stressed. UN. 2003. Available at: <https://press.un.org/en/2003/sc7707.doc.htm> (accessed: 08.08.2021).
50. Statement delivered by Mexico – Informal Interactive Dialogue on R2P, 6 September 2016. Available at: <https://s156658.gridserver.com/media/files/mexico-eng-1.pdf> (accessed: 08.08.2021).

Valentina A.Dmitrieva (valentina_dmitrieva@bk.ru)

Graduate, MA in International Relations, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),

Prospect Vernadskogo 76, 119454 Moscow, Russian Federation

The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico

Abstract: The article considers the modern humanitarian diplomacy of Mexico as a tool of its foreign policy. The author explores the specifics of Mexican modern humanitarian diplomacy while analyzing the evolution of humanitarian diplomacy in the context of national and foreign policy of Mexico, the regulatory documents, the institutional system of humanitarian diplomacy, the place of Mexico in the official development assistance system and the view of Mexico on the concept “Responsibility to Protect” (R2P). The author notes the preponderance of Mexican national interests over the humanitarian diplomacy and foreign activities of the state. It is domestic problems that foster humanitarian activity in Central American countries. Having low financial resources, Mexico focuses on domestic problems, and the government, as a result, limits the potential of humanitarian diplomacy as a tool. The author comes to conclusion that President A.M. Lopez Obrador maintains the humanitarian policy of the previous government, thus the change in geography of humanitarian diplomacy and a waiver from the chosen guidelines are unlikely.

Key words: Mexico, humanitarian diplomacy, official development assistance, international cooperation, new donors, Andres Manuel Lopez Obrador.

DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7

Received 27.04.2022.

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

О.В.Аверина

Государство и личность

Политика гендерного разнообразия в странах Латинской Америки

В статье рассматриваются ключевые аспекты политики гендерного разнообразия в странах Латинской Америки, а также философские теории, послужившие научным обоснованием деконструкции бинарной системы, депатологизации и нормализации гендерной дисфории. Особое место занимает анализ трансгендерного законодательства Аргентины, признанного международными организациями самым прогрессивным в мире. В результате исследования автор приходит к выводу, что на эффективность политики в области расширения прав ЛГБТИ+ оказывают влияние такие факторы, как уровень экономического развития государства, характер политической идеологии и степень секуляризации общества. Основным аспектом является активная деятельность социал-демократических режимов, являющихся драйверами подобных преобразований, несмотря на негативное отношение большей части населения. Целевая установка государства на положительную оценку гендерного разнообразия, реформирование образовательной системы, стигматизация психотерапии и замалчивание негативных последствий гендерного перехода привели к росту числа операций по коррекции пола, появлению широкого спектра идентичностей, а также к расколу общества и формированию широко-масштабного антигендерного движения. Содержание и выводы статьи, а также представленные в ней статистические данные могут представлять интерес не только для исследователей латиноамериканского региона, но и для специалистов в области медицины, занимающихся расстройствами половой идентификации.

Ключевые слова: гендерное разнообразие, право на гендерную идентичность, бинарная матрица, небинарные люди, трансгендер, коррекция пола, ЛГБТИ+.

DOI: 10.31857/S0044748X0021676-2

Статья поступила в редакцию 27.05.2022.

В современную эпоху постмодерна и глобализации мы являемся свидетелями трансформации гендерного фундамента понимания человека и общества, разрушения бинарной картины мира и традиционной системы ценностей. Казалось бы, еще вчера такие идентичности, как пол и гендер, вос-

Ольга Вячеславовна Аверина — научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (ПФ, 115035 Москва, Б. Ордынка, 21/16, с. 9, olaverina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3178-3250>).

принимались как данность, судьба. На основе простой и понятной констатации «я — женщина» или «я — мужчина» строился невероятно сложный аппарат самосознания личности. А современная концепция прав человека подразумевает мозаичность и флюидность гендера, людям предоставляется возможность самим выбирать и менять гендерную идентичность независимо от биологического пола. Даже в спорте, где разделение по половому признаку всегда было условием справедливой конкуренции, произошли коренные изменения. Международный олимпийский комитет в 2021 г. отменил обязательные замеры уровня тестостерона у спортсменов, позволив атлетам, участвующим в соревнованиях, свободно переходить из одной гендерной категории в другую [1].

В данной статье рассмотрены наиболее значимые меры государства, направленные на внедрение концепции гендерного разнообразия, а также результаты и последствия проведенных реформ. При этом трансгендерное законодательство Аргентины, признанное международными организациями самым прогрессивным в мире, рассматривается более подробно. Дополнительную содержательную основу статьи составляет краткий обзор гендерных теорий, послуживших научным обоснованием для деконструкции бинарной системы и построения нового гендерного порядка.

Методологической основой является комплексный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть взаимодействие политических и социальных явлений. Кроме того, междисциплинарность данного исследования и необходимость осмысления психологических аспектов синдрома «отвергания» пола потребовала обращения к работам из области медицины [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

Следует отметить, что в отечественной латиноамериканистике, в отличие от зарубежной [10, 11, 12], нет комплексных работ, посвященных феномену гендерного разнообразия. Во многом это обусловлено маргинализацией и стигматизацией тематики, связанной с изучением таких социальных явлений. В данной статье была предпринята попытка синтеза теоретических дискурсов, представленных в гендерных и междисциплинарных исследованиях, и практики реализации политики гендерного разнообразия в странах континента.

Латинская Америка в качестве примера была выбрана неслучайно. В латиноамериканском социуме, как и в российском, по-прежнему высока роль религии, в обществе преобладают традиционные и эссенциалистические представления о гендерном устройстве, семье, сексуальности и репродукции.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРА: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ БИНАРНОСТИ К «БЕСКОНЕЧНОМУ РАЗНООБРАЗИЮ»

Отправной точкой для понимания феномена гендерного разнообразия служит концепция американского психоаналитика Роберта Столлера о различении пола биологического как совокупности анатомо-физиологических характеристик человека и пола социального [13]. Именно Р.Столлер в 1960-х годах ввел в научный оборот термин «гендер», означающий совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Эта идея была подхвачена и развернута авторами феминистских исследований и обозначила выход на новый уровень осмысления социальных процессов.

Феминистская критика эссенциализма и биологического детерминизма стали основой теории социального конструирования гендера, получившей широкое распространение во второй половине 1980-х годов. По мнению российских социологов Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, тезис Симоны де Бовуар «женщиной не рождаются, женщиной становятся» был символом веры данного направления. Гендер стал восприниматься как конструируемый и не сводимый только к мужскому и женскому вариантам [14]. Неудивительно, что гендерные меньшинства, до этого лишенные голоса в публичном дискурсе феминизма, увидели в этой концепции возможность заявить о себе и своих правах.

Современный классик гендерных исследований, австралийский социолог Рэйвин Коннелл* в качестве цели преобразования гендерных отношений выделяла упразднение гендера как социальной структуры. По ее мнению, «логическим следствием демонтажа гендера станет бесконечное разнообразие», а «различие между полами будет просто взаимодополнительностью функций при воспроизводстве, а не вселенским разделением или социальным предназначением» [15, с. 387, 389].

Представительница постмодернистского феминизма, американский философ Джудит Батлер, в свою очередь, пришла к выводу, что не только гендер, но и биологический пол представляет собой искусственно созданную иллюзию, утвержденную властным дискурсом. Перформативная концепция пола, разработанная Д.Батлер [16], стала «классикой» постфеминизма, квир-теории и была принята ЛГБТИ+-сообществом, поскольку давала обоснование для отвержения бинарной матрицы пола и нормативной гетеросексуальности.

В результате основной идентификации стал широкий спектр идентичностей: фиксированные, нестабильные, пластичные, подвижные. Появились такие категории, как гендерквир, гендерфлюид, пангендер и пр. Знак «+», недавно появившийся в аббревиатуре ЛГБТИ, как раз и обозначает весь этот спектр. Как писала Р.Коннелл, «перестроенное человеческое общество будет способствовать росту в геометрической прогрессии возможностей экспериментирования и изобретения своего Я» [15, с. 392].

Однако этот философский дискурс о вариативности и креативности индивидов упирается в ту самую природу, «суровую судьбу», которую так отрицают теоретики постмодернизма. Человеческое тело становится препятствием на пути бесконечного полета фантазии. Разрешить эту, казалось бы, безвыходную ситуацию стало возможным благодаря развитию новых технологий в области медицины. Тела могут реконструироваться, переделываться в самых различных целях. По мнению основоположника отечественной школы психоэндокринологии А.И. Белкина, транссексуализм, при котором неудовлетворенность своей половой принадлежностью сращивается с маниакальным желанием ее анатомически изменить, есть прямое порождение научного прогресса [2].

* Рэйвин Коннелл (1944 г.р.) — транс-женщина, совершившая гендерный переход в начале 2000-х годов, будучи уже известным социологом, написавшим большое количество научных трудов. Поэтому работы, изданные до 2006 г., выходили под именем Роберт Коннелл. Р. Коннелл является советником инициатив ЮНЕСКО и ООН по вопросам гендерного равенства и миротворчества.

Первый национальный марш транс-сообщества Эквадора. 20 ноября 2020 г. Надпись на плакате: «В природе нет бинарности».

В современном дискурсе о возможностях и способах реализовать любую идентичность отсутствует психотерапевтический подход, а если он и упоминается, то только в негативном ключе. С чем это связано? Во-первых, значительное влияние на мировое сообщество в этом вопросе оказали теоретики постмодернизма (Мишель Фуко, Дж.Батлер и др.), рассматривавшие психиатрию как форму социального контроля государства над жизнью индивида. По мнению Р.Коннелл, в результате секуляризации власть, позволяющая диктовать условия для понимания вопросов гендера и сексуальности, перешла от церкви к врачам-психиатрам [15, с. 338]. Интеллектуалы, философы и социологи выступили против «медикализации» проблем эмоциональной жизни и межличностных отношений, сыграв в свое время стратегическую роль в формировании социальных интересов гей-движения, которое принудило ВОЗ в 1990 г. исключить гомосексуальность из списка психических заболеваний.

Во-вторых, сами трансгендеры отрицают психотерапевтическое вмешательство, считая этот метод угрозой своей идентичности, противоестественной мерой. Хирургическую же операцию они, наоборот, воспринимают как меру абсолютно естественную [3].

Опираясь на работы мыслителей постмодернизма, вдохновленные результативным опытом гей-движения, транс-активисты направили все усилия на депатологизацию трансгендерности. Как следствие, в проекте МКБ-11, представленным ВОЗ в 2018 г., рубрика F64 «Расстройства половой идентификации» была исключена из класса психических и поведенческих расстройств. По мнению российских специалистов, основанием для этого послужили не результаты научных исследований, а социальные последствия патологии, которые могут быть применимы к любым психическим расстройствам [4, с. 104].

МКБ-11 официально вступила в силу с 1 января 2022 г. Новые подходы к изучению и оценке феномена трансгендерности были приняты значительной частью мирового психиатрического сообщества, а также международными организациями. К примеру, в Мексике в 2019 г. при поддержке ООН было издано руководство для специалистов в области психического здоровья под названием «Нечего лечить» (*Nada Que Curar*) [5].

Подводя небольшой итог, можно сказать, что эволюция феминистских исследований, переосмысление понятия пола и гендера послужили обоснованием социальных изменений и коллективных действий ЛГБТИ+, направленных на нормализацию трансгендерности. Концепция гендерного разнообразия была принята мировым сообществом как прогрессивная, стала частью многочисленных программ международных организаций, вошла в повестку дня политических партий.

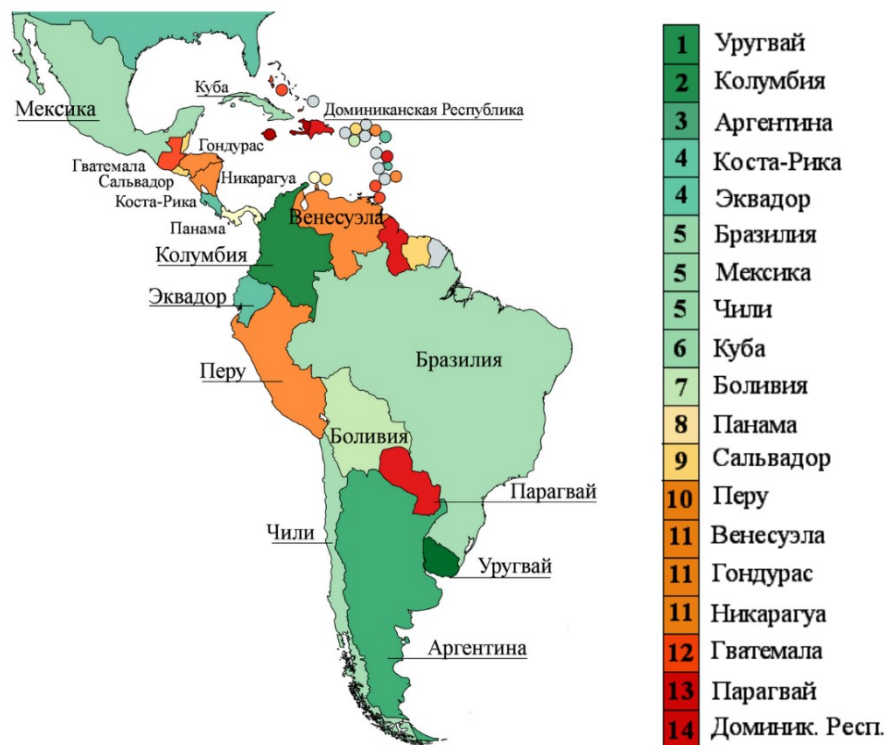
ПРАВО НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Современные феминистские теории позволили маргинализированным группам населения заявить о своих правах и потребовать от государства гарантий их реализации. В качестве основного требования транс-сообщества выдвигается право на гендерную идентичность, которое заключается в том, что человек, вне зависимости от физиологических признаков, имеет право на юридическое признание и свободное развитие гендерной идентичности.

Важным инструментом для определения обязательств государств по соблюдению, защите и реализации этого права стали «Джокьякартские принципы применения международно-правовых норм о правах человека в отношении сексуальной ориентации и гендерной идентичности» 2007 г. [17]. И хотя эти принципы не были приняты в качестве международного стандарта, они часто приводятся в органах ООН и национальных судах. Многие правительства, в том числе латиноамериканские, взяли их за основу при разработке политики в данной области.

За последние годы, несмотря на низкие показатели отдельных стран континента, в целом латиноамериканские страны значительно продвинулись в вопросе расширения прав ЛГБТИ+ [10; 11, pp. 281-282]. Весьма интересным в этом отношении является Индекс международного гей-справочника *Spartacus (Gay Travel Index)*, которым руководствуются представители ЛГБТИ+ при выборе страны посещения или проживания. Место в рейтинге определяется количеством набранных баллов по 17 категориям (легализация однополых браков, права трансгендеров и интерсекс-людей, ЛГБТИ+-маркетинг, влияние религии в обществе, уровень насилия и дискриминации и т.д.) и маркируется цветом из заданного диапазона: от темно-зеленого (наиболее благоприятные страны) до темно-красного (опасные страны). Согласно данным за 2021 г., Уругвай занимает 1-е место в регионе (см. карту) и 5-е — в мире наряду с Данией, Швецией и Великобританией, Колумбия — 14-е, Аргентина — 22-е. Парагвай и Доминиканская Республика, отмеченные красным цветом, находятся на 150 и 160 местах соответственно и не рекомендуются для посещения [18]. Так, если в Аргентине и Уругвае были приняты комплексные законы для транс-людей, то в Сальвадоре, Гондурасе и Никарагуа запрещено менять даже имя (см. таблицу 1).

РЕЙТИНГ ЛОЯЛЬНОСТИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ К ЛГБТИ+ (2021 г.)

Источник: Составлено автором на основе данных *Gay Travel Index 2021* [18, pp. 2-5].

По мнению ведущего российского специалиста в области гендерных исследований О.А. Ворониной, эффективность политики в вопросах достижения равенства женщин и мужчин гарантируется высоким уровнем экономического развития, социал-демократической идеологией и секуляризацией общества [19, с. 16]. Сохраняется ли влияние этих факторов при анализе политики гендерного разнообразия?

Права ЛГБТИ+ традиционно входят в повестку дня социал-демократических партий, которые наделяют государство функциями главного организатора и регулятора подобного рода преобразований. Так, законы о гендерной идентичности были приняты преимущественно, когда у власти находились лидеры левых партий: в Аргентине — Кристина Фернандес (2007—2015), в Боливии — Эво Моралес (2006—2019), в Уругвае — Табаре Васкес (2015—2020), в Эквадоре — Рафаэль Корреа (2007—2017), в Коста-Рике — Карлос Альварадо (2018—2022).

Не менее важным показателем является уровень светскости государства: чем он выше, тем больше вероятность принятия законов в поддержку ЛГБТИ+. В Уругвае доля религиозно неаффилированного населения составляет 37%, в Перу — 4%, а в Парагвае 1% [20, р. 14]. В данном случае Уругвай, скорее, является

исключением, т.к. в латиноамериканских государствах, в отличие от западных стран, модернизация не привела к секуляризации общества. Большинство населения континента по-прежнему очень религиозно (67% католиков и 20% протестантов), что позволяет церкви сохранять авторитет в вопросах конструирования дискурса о гендере и сексуальности.

Т а б л и ц а 1

ПРАВО НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРАНАХ ЛА

Страна	Законодательство	Смена имени и гендерного маркера в удостоверении личности (<i>Documento Nacional de Identidad, DNI</i>)
Аргентина	Закон о гендерной идентичности 26.743 (2012 г.) Закон о квотировании рабочих мест для транс-людей 14.783(2015 г.) - не менее 1% Закон 27.636 о содействии официальной занятости транжесты, транссексуалов и трансгендеров (2021 г.) Декрет №476/21 о возможности указывать небинарный гендерный маркер «Х» в <i>DNI</i> (2021 г.)	Возрастные ограничения: 18+ (до 18 лет с разрешения законных представителей или через суд)
Уругвай	Закон для транс-людей 19.684 (2018 г.), включает квотирование рабочих мест - не менее 1%	Возрастные ограничения: 14+ (до 14 лет с разрешения законных представителей или через суд)
Чили	Закон о гендерной идентичности 21.120 (2018 г.)	Возрастные ограничения: 18+ (с 14 до 18 лет: с разрешения законных представителей). Требования для смены гендера: справка об отсутствии брака
Боливия	Закон о гендерной идентичности 807 (2016 г.)	Возрастные ограничения: 18+ Требования для смены гендера: справка от психолога об осознании и добровольном принятии последствий своего решения; справка об отсутствии брака
Колумбия	Декрет 1227 о смене гендера в Гражданском реестре (2015 г.)	Возрастные ограничения: 18+ Смена гендера возможна 2 раза с интервалом 10 лет
Мексика	Реформа Гражданского кодекса в 14 штатах	Возрастные ограничения: 18+ (с 12 до 18 лет с согласия законных представителей) С 2021 г. разрешена смена имени и гендерного маркера в свидетельстве о рождении
Бразилия	Решение Высшего федерального суда (2018 г.)	Возрастные ограничения: 18+

Эквадор	Ст. 76 и 94 Закона об оформлении идентичности и гражданских данных (2016 г.)	Возрастные ограничения: 18+ Для трансгендеров в <i>DNI</i> маркер «пол» меняется на «гендер». Смена гендера возможна только 1 раз.
Коста-Рика	Декрет 2018 г.	Возрастные ограничения для смены имени: 18+ С 2018 г. в <i>DNI</i> нет маркера «пол»
Куба	—	Возрастные ограничения: 18+ Требования для смены гендера: хирургическая коррекция пола
Панама	Закон о гражданском реестре, ст. 120 (2006 г.)	Возрастные ограничения: 18+ Требования для смены гендера: хирургическая коррекция пол
Перу	—	Смена имени: да. Смена гендера: только через суд
Венесуэла	Закон о гражданском реестре, ст. 146 (2009 г.)	Смена имени: да Смена гендера: нет
Парагвай	—	Смена имени: да Смена гендера: нет
Доминик. Республика	—	Смена имени: да Смена гендера: нет
Гватемала	—	Смена имени: да Смена гендера: нет
Сальвадор	—	Нет
Гондурас	—	Нет
Никарагуа	—	Нет

Источник: составлено автором на основе данных [10, 12, 24, 25].

Позиция католической церкви в отношении трансгендерности опирается на параграф 2297 Катехизиса, согласно которому «сознательная и преднамеренная ампутация, калечение или стерилизация невинных людей, вне контекста медицинских предписаний исключительно терапевтического характера, противоречат нравственному закону» [21, с. 534]. Папа Франциск неоднократно выступал с осуждением «гендерной идеологии» [22]. Критической позиции придерживаются и протестанты. По данным *Pew Research Center*, они еще менее терпимы к представителям ЛГБТИ+, чем католики [20, pp. 69-75]. И страны, где значительная часть населения (более 40%) исповедует протестантизм (Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа), считаются неблагоприятными для сексуальных и гендерных меньшинств.

Таким образом, опыт стран Латинской Америки показывает, что описанные выше факторы хоть и содействуют продвижению прав ЛГБТИ+, но степень их влияния не всегда однозначна. В Уругвае левоцентристская политика государства в сочетании с самым высоким в регионе ВВП по ППС (17 688 долл. в 2019 г. [23]) и долей религиозно неаффилированного населения в 37% закономерно вывели страну в лидеры на континенте. В то же время довольно скромные показатели Боливии (3552 долл. и 4%) не помешали правительству Эво Моралеса в 2016 г. принять Закон о гендерной идентичности. Исходя из этого,

можно сделать вывод о том, что детерминантой продвижения концепции гендерного и сексуального разнообразия становится активная деятельность левых режимов, которые являются движущей силой социальных преобразований.

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В АРГЕНТИНЕ

Среди латиноамериканских стран Аргентина является пионером в области признания прав ЛГБТИ+. В 2010 г. по инициативе правительства К. Фернандес были легализованы однополые браки. В 2012 г. принят Закон 26.743 о гендерной идентичности, ставший образцом трансгендерного законодательства в мире [24]. В 2015 г. был принят Закон о квотировании рабочих мест для транс-людей, а в 2021 г. — Закон о содействии официальной занятости транссексуалов и трансгендеров [25].

Переломным моментом в формировании нового гендерного порядка в Латинской Америке стало подписание в 2021 г. президентом Альберто Фернандесом (2019 г. — н/в) Декрета №476/21 о включении в *DNI* небинарной гендерной категории «Х» [26]. На торжественной церемонии вручения первых удостоверений небинарным людям А. Фернандес, используя в своей речи гендерно-инклюзивный язык, произнес: «Человечество должно было преодолеть долгий путь, чтобы прийти к пониманию того, что есть *“todos, todas y todes”**. Идеал будет достигнут тогда, когда все мы станем *“todes”*, и никому не будет важен пол человека» [27].

По данным Национального реестра граждан (*Registro Nacional de las Personas, RENAPER*), за десять лет с момента принятия Закона о гендерной идентичности 12 655 аргентинцев воспользовались правом юридического признания гендера, что составляет 26 человек на каждые 100 тысяч населения [28]. При этом большинство изменений в *DNI* касалось перехода от мужского гендера к женскому М→F (см. график 1). Хотелось бы отметить высокую степень дифференциации показателей в разных возрастных группах (см. график 2). Если транс-люди старше 40 лет в основном меняют мужской гендер на женский М→F (87,8%), то молодые люди до 17 лет — наоборот F→M (72,4%). В этой группе также наиболее высокий процент выбора маркера «Х» (5,1%).

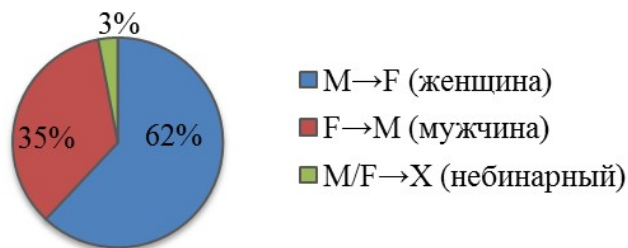
В чем заключается прогрессивность Закона 26.743? В отличие от многих стран мира, в Аргентине признание гендерной идентичности полностью основано на индивидуальной автономии субъекта. Замена *DNI* производится бесплатно на сайте правительства за 15 дней. В большинстве случаев процесс гендерного перехода этим не ограничивается. Статья 11 гарантирует доступ к медицинской коррекции для приведения своего тела в соответствие с желаемой гендерной идентичностью. Соответствующие процедуры входят в систему обязательного медицинского страхования и могут проводиться лицам в возрасте от 16 лет [6, pp. 75, 94].

* Как известно, в испанском языке существует два грамматических рода — мужской и женский (окончания «о» и «а» соответственно). При этом мужской род является немаркированным и используется при обозначении группы лиц обоих полов. В данном случае *todos* означает «все», включая и мужчин, и женщин. По правилам гендерно-инклюзивного языка такие конструкции следует разбивать, делая «видимым» каждый гендер — *“todos, todas, todes”*. Окончание «е» (или «х») служит для обозначения небинарных идентичностей.

Церемония вручения первых *DNI* с гендерным маркером «X» А. Фернандесом и главой министерства по делам женщин, гендеров и разнообразия Э. Гомес Алькорта, во время которой один из участников выразил протест против использования «X» для обозначения небинарности.

График 1. ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРА В *DNI*, АРГЕНТИНА (2012—2022, %)

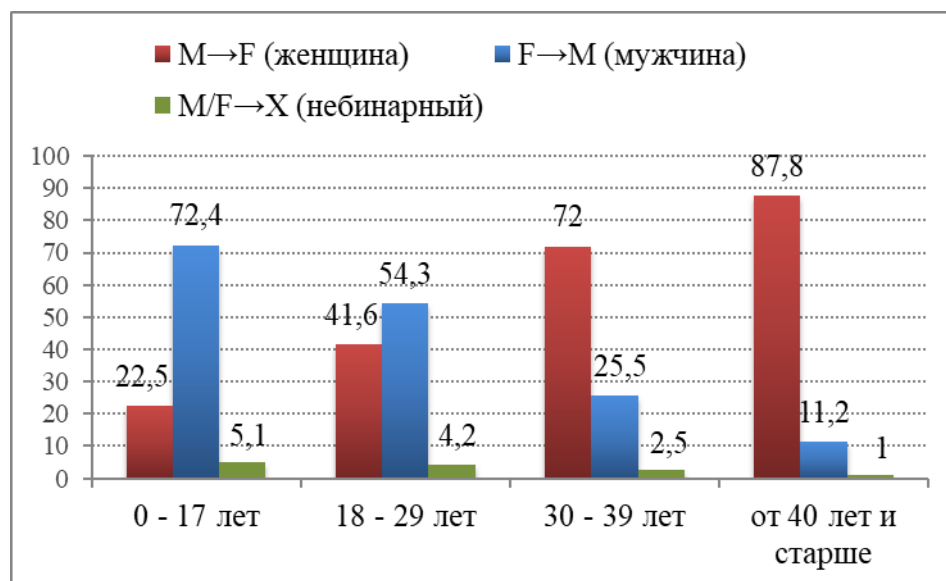

Источник: Составлено автором на основе данных *RENAPER* [28].

Заместительная гормонотерапия предусматривает пожизненный прием гормональных препаратов, у которых потенциально существуют серьезные побочные эффекты (тромбоэмболия, опухоли гипофиза головного мозга, повреждение печени и пр.), и требует постоянного мониторинга состояния пациента [7, сс. 128-134]. Хирургическая коррекция, в зависимости от желаемого результата, может включать целую серию операций от маммопластики и уменьшения размеров кадыка до удаления репродуктивных органов и реконструкции гениталий. Одним словом, процесс медицинского гендерного перехода — серьезный, финансово затратный, как правило безвозвратный шаг, который лишает человека возможности иметь потомство,

снижает не только качество жизни, но и ее продолжительность. По данным Межамериканской комиссии по правам человека (МКПЧ), средняя продолжительность жизни транс-женщин в Латинской Америке составляет 35 лет [29, p. 15], что в 2,1 раза ниже показателя по населению в целом.

График 2. ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРА В DNI ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ В АРГЕНТИНЕ (2012—2022, %)

Источник: Составлено автором на основе данных RENAPER [28].

Несмотря ни на что, число операций по смене пола растет. Своим правом, закрепленным в ст. 11, стремятся воспользоваться и небинарные люди. В 2005 г. на базе государственной больницы Буэнос-Айреса *Hospital Durand* была создана первая в стране Группа помощи трансгендерам (*Grupo de Atención a Personas Transgénero, GAPET*). По словам ведущего специалиста *GAPET* в области реконструктивной урогенитальной хирургии Хавьера Беленки, «с каждым днем в клинику обращаются все больше небинарных людей с запросом на комбинированную хирургическую коррекцию, которая бы соответствовала их самоощущению» [30]. С этим фактом соглашается и Адриан Хейлен, президент Совета по сексологии и разнообразию Ассоциации психиатров Аргентины (*Capítulo de Sexología y Diversidad Sexual de la Asociación de Psiquiatras Argentinos, APSA*), добавляя: «Таким образом вводится тема телесного разнообразия. Есть небинарные идентичности, также есть и небинарные тела. Это — новый запрос, новая глава в медицине» [30].

Согласно Закону 26.743, для доступа к медицинской коррекции пола не требуется никакого заключения эксперта, нужны лишь согласие и информированность пациента. К сожалению, об отрицательных последствиях исключения такого промежуточного звена, как консультация психиатра, зачастую умалчивается.

По данным российских исследователей, среди лиц с половой дисфорией 32% больны шизофренией и шизотипическим расстройством, что является противопоказанием к операции [8, сс. 146-148, 217]. То же касается и таких состояний, как фетишистский трансвестизм, аутогинефилия, подростковая дисморфомания и др. В отсутствие квалифицированной психиатрической помощи и при свободном доступе к информации гендерно-неконформные люди самодиагностиру-

ют трансгендерность и «назначают» себе операцию [7, с. 50]. Неудивительно, что около 20% из них не испытывают удовлетворения от смены пола, и после хирургической коррекции демонстрируют высокую распространенность психопатологии и суицидального поведения [9, с. 94].

Какова же судьба людей, испытывающих «послеоперационные сожаления» и чувство глубокой «гендерной безнадежности» в связи с тем, что вернуть прежний пол не представляется возможным? Британский психотерапевт Аз Хаким, в течение 12 лет руководивший специализированным центром по вопросам гендерной дисфории при Национальной службе здравоохранения Великобритании, пришел к выводу, что параллельно с ростом понимания и принятия в обществе гендерной дисфории, таким людям становится труднее признать, что они изменили пол, а затем передумали. В результате они образуют новую, еще более маргинализованную группу, отвергаемую всеми, в том числе и самим транс-сообществом [7, с. 172]. В этой связи особое беспокойство вызывает все та же ст. 11 Закона 26.743, позволяющая детям младше 18 лет воспользоваться правом доступа к гормональным и хирургическим вмешательствам, с одной лишь оговоркой: «с согласия законного представителя и компетентных судебных органов, учитывая развивающиеся способности и интересы ребенка» [24].

В 2016 г. на базе *GAPET* была создана Группа помощи детям и подросткам трансгендерам (*Grupo de Atención de la Niñez y Adolescencia Transgénero, GANAT*). По данным на 2020 г., к помощи специалистов этой организации обратились порядка 100 детей от 5 до 17 лет, идентифицирующих себя как транс-девочки, транс-мальчики, гендерфлюиды и небинарные. Руководитель *GANAT* А.Хейлен, подчеркивая важность безоговорочного принятия гендерной идентичности и ссылаясь на философскую теорию Дж. Батлер, резко критикует бинарную циснормативную систему, маркирующую людей розовым и голубым цветом: «Это — тюрьма, кото-

Воспитанники чилийской школы *Amaranta Gómez* с флагом трансгендерного сообщества

рую следует деконструировать, потому что всех нас с самого рождения толкают к этим цветам, в то время как в реальности у нас есть радуга разнообразия» [31].

По данным *RENAPER*, в Аргентине с 2012 по 2022 г. 525 детей (возрастная категория от 0 до 17 лет) воспользовались правом юридического признания гендера [28, р. 10]. В 2013 г. аргентинская девочка-транс Луана стала самым молодым трансгендером в мире, сменившим гендер и имя в *DNI* в возрасте шести лет. Свои «рекорды» есть и в других странах континента. В Уругвае девочка-транс София Ноэми получила новые документы в семь лет. А в Чили в 2018 г. открылась первая в Латинской Америке школа для трансгендеров — *Escuela Amaranta Gómez*.

Передовое законодательство Аргентины в области расширения прав трансгендерных людей вывело страну в региональные и мировые лидеры в этой сфере. Свобода личности в вопросах гендерного самоопределения и реконструкции тела практически безгранична, даже возрастные рамки весьма условны. Однако обратим внимание на интересный факт. Добившись депатологизации трансгендерности в области психиатрии, транслюди оказались в еще большей власти медицинских институтов и фармацевтических компаний, без которых «свободное» развитие идентичности не представляется возможным.

РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Задача построения нового гендерного порядка не ограничивается преобразованиями в политической и законодательной сферах, а подразумевает обширную программу по реформированию системы образования и созданию гендерно-чувствительной коммуникативной среды. К сожалению, жесткие рамки статьи позволяют лишь обозначить эти реформы, в то время как каждая из них заслуживает отдельного рассмотрения.

С точки зрения теоретиков феминизма язык является главным инструментом гендерной революции, играя ключевую роль в формировании культурных и социальных установок [14, с. 270]. Поэтому для преодоления гендерно-дискриминационных практик и для репрезентации в языке всей палитры гендерных идентичностей предлагается переосмыслить и изменить существующие языковые нормы. Справочники по гендерно-корректной речи были изданы правительственными учреждениями многих латиноамериканских стран. Так называемую гендерную чувствительность, как было показано выше, можно наблюдать и в выступлениях представителей высшей власти.

Еще одним стратегически важным направлением в деле построения нового гендерного порядка является сфера образования. В соответствии с рекомендациями ООН, ЮНЕСКО, МКПЧ, темы сексуального и гендерного разнообразия были включены в школьные программы большинства стран региона. При этом не акцентируется внимание ни на медицинской стороне вопроса, ни на последствиях, которые влечет за собой желание примерить иную гендерную идентичность.

Такая политика государства вызвала ответную негативную реакцию консервативно настроенной части общества. В 2016 г. в Перу возникло

Марш движения *Con mis hijos no te metas* в Перу. Надписи на плакатах: «Сохраним оригинальный образ жизни», «Наше тело не лжет. Оно говорит нам, кто мы — мужчины или женщины»

движение против гендерного образования «Не лезь к моим детям» (*Con mis hijos no te metas*), представители которого выступали за право родителей на воспитание детей в соответствии со своими нравственными и религиозными убеждениями. По мнению активистов движения, введение гендерного подхода в национальные учебные программы направлено на разрушение традиционной семьи, религии и общества. Антигендерное движение захватило практически все страны Латинской Америки и стало одним из самых многочисленных на континенте.

В ходе взаимодействия государства и индивида на первый план выдвигается проблема свободы личности. Выступая в роли контролирующего института, государство вмешивается в частную сферу, диктует условия для понимания вопросов гендера, телесности и сексуальности.

Постмодернистские исследователи не только подвергли критике государственные механизмы угнетения свободы личности, но и бросили вызов ортодоксальному видению реальности сквозь призму гендерной дихотомии. Теория о разнообразии гендерных идентичностей, гибридности и подвижности гендера была принята мировым сообществом как прогрессив-

ная и послужила обоснованием социальных изменений, направленных на нормализацию и популяризацию трансгендерности.

Анализ политики латиноамериканских стран, связанной с гендерными вопросами, показал, что детерминантой продвижения концепции гендерного разнообразия является активная деятельность левых режимов, выступающих в роли драйвера социальных преобразований. Однако при реализации политики в поддержку ЛГБТИ+ не принимается во внимание негативное отношение большей части латиноамериканского общества, обусловленное высокой степенью религиозности и преобладанием традиционных и эссенциалистических представлений о гендерном устройстве. Попытка кардинально изменить гендерное сознание населения привела к расколу общества и формированию на национальном и региональном уровнях широкомасштабного антигендерного движения.

Продвигаемая через институты образования и культуры концепция гендерного разнообразия преподносится в виде яркого образа радуги как символа некоего альтернативного общества будущего, где нет неравенства и дискриминации, где свобода личности возведена в абсолют и ничем не ограничена. Такая «радужная» картина мира особенно привлекательна для подростков, находящихся на одном из самых кризисных этапов становления личности, в рамках которого своеобразные болезненные переживания (телесное дисморфическое расстройство) сочетаются с реакциями эмансипации, протеста, отходом от сложившихся в обществе стереотипов. В результате количество людей, желающих прибегнуть к коррекции пола, с каждым годом только увеличивается. К этому приводят и целевая установка государства на исключительно положительную оценку гендерного разнообразия, и стигматизация психотерапевтической помощи, а также замалчивание негативных последствий гендерного перехода. К тому же в общественном дискурсе не акцентируется внимание на наличии иерархии как в среде ЛГБТИ+ (гей-центризм), так и в самом транс-сообществе, отвергающем всех тех, кто пожалел о смене пола. Любая критическая оценка заглушается обвинениями в гомо-, лесбо-, би- и трансфобии, а в ряде латиноамериканских стран преследуется по закону как разжигание ненависти в отношении ЛГБТИ+.

Таким образом, ничем не ограниченная свобода выбора гендерной идентичности, преподносимая как достижение прав человека, оборачивается пожизненной зависимостью человека, сменившего пол, от медицинских учреждений и фармацевтических компаний, а миф об альтернативном «радужном» обществе равенства, где царят любовь и уважение ко всему разнообразию, разбивается о факты дискриминации одних меньшинств другими.

Проведенный анализ основных аспектов политики гендерного разнообразия и происходящих в обществе социокультурных трансформаций показал особую актуальность и важность выбранной темы, незаслуженно оказавшейся на периферии научного знания, и выявил целый комплекс проблем, требующих более детального рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. IOC framework on fairness, inclusion and non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations. 16.11.2021. Available at: <https://stillmed.olympics.com/media/Documents/News/2021/11/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf> (accessed 14.04.2022).
2. Белкин А.И. Третий пол. М., Олимп, 2000, 429 с. [Belkin A.I. Tretii pol. [The Third Sex]. Moscow, Olimp, 2000, 429 p. (In Russ.)]
3. Матевосян С.Н. Половая идентичность и ее девиации (обзор психоаналитической литературы). *Психоаналитический вестник*. М., 2005, № 13, сс. 112-140. [Matevosyan S.N. Polovaya identichnost' i ee devitsii (obzor psikhoanaliticheskoi literatury) [Sexual identity and its deviations (review of psychoanalytic literature)]. *Psikhoanaliticheskii vestnik*, Moscow, 2005, N 13, pp. 112-140 (In Russ.).]
4. Введенский Г.Е., Матевосян С.Н. Сексуальные расстройства в проекте МКБ-11: методологические и клинические проблемы. *Социальная и клиническая психиатрия*. М., 2017, т. 27, № 3, сс. 102-105. [Vvedenskii G.E., Matevosyan S.N. Seksual'nye rasstroistva v proekte MKB-11: metodologicheskie i klinicheskie problemy [Sexual disorders in draft ICD-11: methodological and clinical problems]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*. Moscow, 2017, Vol. 27, N 3, pp. 102-105 (In Russ.).]
5. Nada que curar: guía de referencia para profesionales de la salud mental en el combate a los ECOSIG (Esfuerzos para Corregir la Orientación Sexual y la Identidad de Género). Ciudad de México, UNODOC, COPRED, UNAM, Yaaj. 2019, 79 p.
6. Atención de la salud integral de personas trans, travestis y no binarias. Guía para equipos de salud. Actualización 2020. Ministerio de Salud. Argentina, 113 p.
7. Аз Хаким. TRANS: Исследование гендерной идентичности и гендерной дисфории: Практическое руководство. М. Когито-Центр, 2020. 248 с. [Az Hakeem. TRANS: Issledovanie gendernoi identichnosti i gendernoi disforii: Prakticheskoe rukovodstvo. [TRANS: Exploring Gender Identity and Gender Dysphoria]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2020, 248 p. (In Russ.).]
8. Матевосян С.Н., Введенский Г.Е. Половая дисфория (клинико-феноменологические особенности и лечебно-реабилитационные аспекты синдрома «отвергания» пола). М., «Медицинское информационное агентство», 2012, 400 с. [Matevosyan S.N., Vvedenskii G.E. Polovaya disforiya (kliniko-fenomenologicheskie osobennosti i lechebno-reabilitatsionnye aspekty sindroma «otverganiya» pola). [Sexual dysphoria (clinical and phenomenological features and therapeutic and rehabilitative aspects of the syndrome of "rejection" of sex)]. Moscow, «Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo», 2012, 400 p. (In Russ.).]
9. Введенский Г.Е., Матевосян С.Н. Методологические проблемы стандартов оказания медицинской помощи лицам с расстройствами половой идентификации. *Социальная и клиническая психиатрия*, М., 2016, т. 26, № 3, сс. 92–95. [Vvedenskii G.E., Matevosyan S.N. Metodologicheskie problemy standartov okazaniya meditsinskoi pomoshchi litsam s rasstroistvami polovoi identifikatsii. [Methodological problems of standards of medical care for persons with sexual identification disorders]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, Moscow, 2016, Vol. 26, N 3, pp. 92–95 (In Russ.).]
10. Malta M., Cardoso R., Montenegro L. Sexual and gender minorities rights in Latin America and the Caribbean: a multi-country evaluation. *BMC International Health and Human Rights*, 2019, 19:31, pp. 1-16 DOI: 10.1186/s12914-019-0217-3.
11. Coleman E., Candelario-Pérez L. Traducción al español de las normas de atención de la asociación profesional mundial Para la salud del transgénero: Introducción. *International Journal of Transgenderism*, Vol. 19, N 3, pp. 280-286. DOI: 10.1080/15532739.2018.1498266. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15532739.2018.1498266?needAccess=true> (accessed 14.05.2022).
12. ILGA Mundo: Z. Chiam, S. Duffy, M. González Gil, L. Goodwin, N.T. Mpemba Patel, Informe de Mapeo Legal Trans 2019: Reconocimiento ante la ley. Ginebra, ILGA Mundo, 2020, 262 p.
13. Stoller R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. N.Y.: Science House, 1968, 383 p.
14. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015, 768 с.

[Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lektzii po gendernoi sotsiologii: uchebnoe posobie. [12 lectures on gender sociology: a textbook] St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, 768 p. (In Russ.).

15. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика. М., Новое литературное обозрение, 2015, 432 с. [Konnell R. Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika. [Gender and Power: Society, Personality and Gender policy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 432 p. (In Russ.).

16. Батлер Дж. Гендерное беспокойство. *Антология гендерной теории*. Отв.ред. Е.И Гапова. Минск, ПроPILEI, 2000. Сс. 297-346. [Butler J. Genderное bespokoistvo. [Gender Trouble]. *Antologiya gendernoi teorii*. Otv.red. E.I Gapova. Minsk, Propilei, 2000, pp. 297-346 (In Russ.).

17. Principios de Yogyakarta. 2007, 38 p. Available at: http://yogyakartaprinciples.org/wp-content/uploads/2016/08/principles_sp.pdf (accessed 02.05.2022).

18. Gay Travel Index 2021. *Spartacus*. Berlin, 31.03.2021. Available at: <https://spartacus.gayguide.travel/gaytravelindex.pdf> (accessed 10.05.2022).

19. Воронина О.А. Государственные механизмы обеспечения гендерного равенства. *Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов*. Отв. ред. Воронина О.А. М., МАКС Пресс, 2008, сс. 11-25 [Voronina O.A. Gosudarstvennye mekhanizmy obespecheniya genderного равенstva. [State mechanisms for ensuring gender equality]. *Genderное равенstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov*. Otv.red. Voronina O.A. Moscow, MAK Press, 2008, pp. 11-25. (In Russ.).

20. Religion in Latin America. Widespread Change in a Historically Catholic Region. Pew Research Center, Nov. 13, 2014, 310 p.

21. Катехизис Католической церкви, 4-е издание. М., «Типография Наука», 2002, 815 с. [Katekhizis Katolicheskoi tserkvi, 4-e izdanie [Catechism of the Catholic Church]. Moscow, «Tipografiya Nauka», 2002, 815 p. (In Russ.).

22. Papa Francisco pide no enseñar identidad de género en las escuelas. *CNN*, 03.10.2016. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2016/10/03/papa-francisco-pide-no-ensenar-identidad-de-genero-en-las-escuelas/> (accessed 10.04.2022).

23. PIB per cápita (US\$ a precios actuales) – Latina America&Caribbean. Banco Mundial. Available at: <https://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.PCAP.CD?end=2019&locations=ZJ&start=2019> (accessed 02.05.2022).

24. Ley 26.743 Identidad de Género, 23.05.2012. Available at: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/70106/20120524> (accessed 02.05.2022).

25. Ley 27.636 Ley de promoción del acceso al empleo formal para personas travestis, transexuales y transgénero “Diana Sacayán – Lohana Berkins”, 08.07.2021. Available at: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/246655/20210708> (accessed 02.05.2022).

26. Registro Nacional de las Personas. Decreto 476/2021, 20.07.2021. Available at: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/247092/20210721> (accessed 02.05.2022).

27. Alberto Fernández: “El ideal será cuando seamos todos y a nadie le importe el sexo de la gente”. *LA NACIÓN*. 21.07.2021. Available at: <https://www.lanacion.com.ar/politica/alberto-fernandez-el-ideal-sera-cuando-seamos-todos-y-a-nadie-le-importe-el-sexo-de-la-gente-nid21072021/> (accessed 10.05.2022).

28. Caracterización sociodemográfica de la personas que rectificaron sus datos identificatorios de acuerdo a la Ley de Identidad de Género. Argentina. Dirección Nacional de Población RENAPER. Abril 2022. Available at: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/2022/05/estudio_estadistico_cambio_de_identidad_de_genero_0.pdf (accessed 11.05.2022).

29. Violencia contra Personas Lesbianas, Gay, Bisexuales, Trans e Intersex en América. Comisión Interamericana de Derechos Humanos. 2015, 307 p.

30. Rodgers N. Cambio de sexo: qué son las cirugías de reasignación genital y cómo impactan en las personas. 25.09.2021. Available at: <https://www.infobae.com/tendencias/2021/09/25/cambio-de-sexo-que-son-las-cirugias-de-reasignacion-genital-y-como-cambian-la-vida-de-las-personas/> (accessed 10.05.2022).

31. Ayuso M. Adrián Helein: “Varón y mujer no son categorías que alcancen para entender la diversidad”. *LA NACIÓN*, 28.01.2020. Available at: <https://www.lanacion.com.ar/comunidad/adrian-helien-varon-mujer-no-son-categorias-nid2327895/> (accessed 18.05.2022).

Olga V. Averina (olaverina@yandex.ru)
Researcher at the Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

The state and the individual. The politics of gender diversity in Latin America

Abstract. The article examines the key aspects of gender diversity policy in Latin American countries, as well as philosophical theories that served as a scientific justification for the deconstruction of the binary system, depathologization and normalization of gender nonconformity. Special attention is paid to the analysis of the transgender legislation of Argentina that is recognized by international organizations as the most progressive in the world. The author comes to conclusion that the effectiveness of LGBTI+ rights policy is influenced by such factors as the level of economic development of the state, political ideology and the degree of secularization of society. The main determinant is the activity of social-democratic regimes, which act as drivers of such transformations despite the negative attitude of the majority of the population. Thus, the state's goal of a positive assessment of gender diversity, the reform of the educational system, the stigmatization of psychotherapy and the silencing of negative consequences of gender transition have led to an increase in the number of gender correction surgeries, the emergence of a wide range of identities, as well as to the split of society and the formation of a large-scale anti-gender movement. The content and conclusions of the article and the provided statistical data may be of interest not only for researchers in the Latin American region, but also for specialists in the field of medicine dealing with gender identity disorders.

Key words: gender diversity, the right to gender identity, binary matrix, non-binary people, transgender, gender correction, LGBTI+.

DOI: 10.31857/S0044748X0021676-2

Received 27.05.2022.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А.С.Андреев

Уругвай и СССР в 1945—1991 гг.: двусторонние отношения в контексте левого движения

В нынешних международных условиях векторы внешней политики России меняются. Москва все больше обращает внимание на страны Латинской Америки, видя в них своих политических и экономических партнеров. Однако российско-латиноамериканские связи имеют исторические традиции, формировавшиеся как в довоенный период, так и в годы холодной войны. Цель данной статьи — показать развитие отношений СССР и Уругвая во второй половине XX в. в контексте латиноамериканского левого движения. На основе архивных материалов, прессы, мемуаров показано, как контакты между левыми партиями Уругвая и КПСС влияли на связи между двумя государствами. Используя дипломатические источники, автор выявляет основные этапы и события этих международных процессов.

Ключевые слова: СССР, Коминтерн, левое движение Латинской Америки, советско-уругвайские отношения.

DOI: 10.31857/S0044748X0021677-3

Статья поступила в редакцию 20.04.2022.

Отношения СССР со странами Латинской Америки имеют исторические традиции, формировавшиеся на протяжении всего XX в. Историю советско-латиноамериканских связей принято делить на довоенный и послевоенный периоды, каждый из которых имел свои особенности, организационные структуры, а также дипломатические цели и задачи. Если в довоенный период в контактах между Москвой и латиноамериканскими государствами принимали участие структуры Коминтерна, то в послевоенные годы двусторонние связи стали более сложными, обрели новое содержание и новую дипломатическую форму. Как отмечает чилийский исследователь

Антон Сергеевич Андреев — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ, исследователь Центра ибероамериканских исследований СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, <https://orcid.org/0000-0002-6635-4077>, a.s.andreev@spbu.ru).

Статья подготовлена по гранту РНФ 19-18-00305-П «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Рафаэль Педемонте [1], интерес советских общественных наук к Латинской Америке то угасал, то возникал вновь, что было связано как с политическими событиями в регионе, так и с самим развитием советской латиноамериканистики.

Еще с 1920—1930-х годов отношения Советского Союза с латиноамериканскими государствами носили двойственный характер [2]. С одной стороны, Москве была важна идеологическая составляющая, которая выражалась в работе Коминтерна, его дочерних структур, финансовой и организационной поддержке компартий региона. С другой — государственные отношения СССР и стран Латинской Америки в целом имели прагматическую экономическую основу — развитие системы торговых представительств, деятельность Южамторга, заключение контрактов на поставку продукции химических производств, энергоносителей и т.д. [3]. Все это применимо, в частности, и к Восточной Республике Уругвай [4]. Специфическая двойственность — сочетание политических и геополитических интересов с экономическими — была свойственна всей латиноамериканской внешней политике СССР и в более поздний период.

Цель данной статьи — выявить особенности отношений СССР и Уругвая в послевоенные годы. Гипотеза исследования состоит в том, что эти отношения базировались на подходах, сформированных в эпоху Коминтерна, и были значительно шире, чем простое взаимодействие политических партий и торгово-инвестиционные контакты. С одной стороны, Уругвай никогда не рассматривался СССР в качестве ключевого союзника и партнера в Латинской Америке. С другой стороны, присутствовал неизменный интерес к событиям, происходившим в этой стране и к уругвайскому левому движению, что было связано, в том числе, конкретно с личностью лидера компартии Уругвая (*Partido Comunista del Uruguay*, PCU) Роднея Арисменди, находившегося долгое время в эмиграции в Москве и являвшегося в 1960—1970-е годы одним из континентальных лидеров левых Южной Америки. Советско-уругвайские контакты — пример отношений СССР со средними державами региона, не являвшимися ведущими в региональном левом движении, как, например Куба, но при этом обладавшими сильными политическими акторами левой направленности, включая развитую и активную компартию.

В советское время было издано немало работ, посвященных политической и экономической ситуации в Уругвае [5; 6; 7]. Однако они в значительной степени носили выраженный идеологический характер, будучи ориентированы на проблемы классовой борьбы и негативного влияния западных капиталистических государств на уругвайское общество. В эти же годы издавались переводы работ деятелей уругвайского левого движения — Р.Арисменди [8] и Франсиско Пинтоса [9], которые также были идеологизированы и не давали возможности объективно оценить политические процессы, происходившие в стране, и ее отношения с СССР. Были изданы сборники архивных документов по истории двусторонних отношений на русском [10] и испанском языках [11]. Система этих отношений, контакты на уровне общественных объединений, особенности межпартийных связей рассматривались лишь эпизодически либо вообще не рассматривались. Авторы некоторых работ, появившихся в 1990-е годы, также

опирались на уже опубликованные документы и лишь заново обосновывали сформулированные оценки двусторонних связей [12]. При этом существовали исследования, авторы которых пытались соединить историю советской дипломатии с деятельностью Коминтерна [13; 14]. Зарубежные ученые либо анализировали советскую внешнюю политику в Латинской Америке в целом, не анализируя контакты именно с Уругваем [15; 16], либо — историю левого движения страны, не затрагивая внешнюю политику [17]. В связи с этим рассмотрение развития двусторонних отношений в контексте левого движения является весьма актуальным.

ПОСЛЕ КОМИНТЕРНА (1940—1960 годы)

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Уругваем, прерванные по инициативе правого режима Монтевидео в 1935 г., были восстановлены в 1943 г. В этом же году Коминтерн был распущен. Эти обстоятельства изменили характер связей между двумя странами. Контакты компартии Уругвая и КПСС стали эпизодическими. Организационные связи, формировавшиеся в 1920—1930-е годы, были приостановлены. При этом само их содержание — работа в молодежном, спортивном, женском, профсоюзном движениях — сохранило свою актуальность. Отметим, что первым послом Уругвая в СССР после восстановления отношений был лидер Социалистической партии (*Partido Socialista del Uruguay, PSU*) Эмилио Фругони. При этом по возвращении в Монтевидео он неоднократно критиковал советский строй. В 1946 г. в Уругвае был создан Славянский союз — эмигрантская организация, члены которой неоднократно посещали Советский Союз. Но она не была просоветской. Как отмечает отечественный историк Александр Вячеславович Зайцев, многие члены союза в Уругвае выступали на стороне Иосипа Броз Тито в советско-югославском конфликте и скептически относились к происходившему в Москве [18].

Выступая на XVII съезде *PCU* в 1958 г., ее лидер Р.Арисменди подчеркивал, что «существование социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, обеспечивает возможность расширения равноправной торговли, получения сырья, строительства промышленных объектов и доступа к самым передовым технологиям для Латинской Америки» [19]. Как показывает уругвайский историк Ромео Перес Антон [20, р. 77], концепция внешней политики Уругвая была иной и отражала условия холодной войны. Официальный Монтевидео не был нацелен на развитие отношений с Москвой, а, скорее, напротив, предпринимал усилия для борьбы с коммунистами внутри страны.

При этом стоит отметить, что позиции традиционных партий Уругвая были различными. Правительства партии Колорадо (*Partido Colorado*), господствовавшие в официальной политике до 1959 г., были настроены решительно против левых партий, подозревая их в деятельности, определяемой влиянием Москвы. С приходом к власти Национальной партии (*Partido Nacional, Partido Blanco*), внешнеполитическая позиция Монтевидео изменилась. Новые власти видели в СССР возможный рынок сбыта уругвайских товаров и были готовы активизировать отношения с Москвой для преодоления финансового и экономического кризиса. Еще с 1956 г. в парламенте страны шли дебаты о ратификации Соглашения о торговле и

платежах с СССР, которая была проведена правительством *Partido Nacional* [21]. В 1956 и 1958 гг. состоялись взаимные визиты уругвайской делегации в Москву и советской делегации в Монтевидео, что стало важным фактором развития диалога. Интерес Советского Союза и стран Латинской Америки друг к другу был взаимным. К тому же в 1957 г. в Москве было проведено первое Международное совещание коммунистических и рабочих партий, в котором приняли участие представители 18 латиноамериканских коммунистических партий, что повлияло на межпартийный диалог между КПСС уругвайскими левыми [22].

PCU становилась значительным фактором двусторонних отношений. С одной стороны, СССР подчеркивал, что визит в Уругвай носит рабочий, а не идеологический характер, что было важно для уругвайских элит. С другой стороны, уругвайские коммунисты пытались оказывать влияние на ход двусторонних переговоров, имея депутатов в парламенте и принимая посильное участие в выработке как повестки переговоров, так и их итоговых решений [23]. Визит советской делегации широко освещался на страницах газеты «Правда», где был опубликован почти десяток тематических заметок и репортажей. Например, в заметке от 14 июля 1958 г. приводятся слова безымянного «сотрудника правительства» Уругвая: «Мы слишком тесно и крепко привязаны к североамериканскому рынку... Мы пытаемся найти другие рынки и других поставщиков» [24].

В 1958 г. меняется институциональная основа культурной дипломатии СССР в Латинской Америке: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Как отмечают российские исследовательницы С.В.Докучаева и О.Ю.Никонова, основной акцент в советской культурной дипломатии делался на научные, образовательные и культурные центры, в частности, в Монтевидео в это время действовал Уругвайско-советский институт культуры (*Instituto Cultural Uruguayo Soviético, ICUS*), через который развивался диалог между Уругваем и СССР [25]. Культурная дипломатия выражалась в обмене литературой, визитах делегаций деятелей науки и искусства Уругвая. В то же время развивались и связи на партийном уровне, в частности, делегации *PCU* посещали Советский Союз в 1963 и 1964 гг., в те же годы проходили и ответные визиты.

Стоит отметить, что отношения Москвы и Монтевидео выстраивались на двух уровнях — официальные государственные контакты и связи на партийном уровне. Отчасти они имели точки пересечения — *PCU* и *PSU*, которые имели контакты с КПСС и в то же время через своих депутатов в парламенте участвовали в определении внешней политики страны. В работах Р.Арисменди 1960-х годов главной идеей оставалась континентальная революция, борьба с американским империализмом. В партийном журнале *Estudios* анализировались идеология и деятельность КПСС, проблемы международного левого движения, которые помещались в контекст региональной латиноамериканской повестки. В первом номере журнала (1956 г.) Арисменди анализировал важность отношений Уругвая с СССР, подчеркивая, что наличие связей с Москвой — это преимущество уругвайской внешней политики, а советские цели — поддержка рабочего и антиимпериалистического движения по всему миру — соответствует целям и зада-

чам уругвайской компартии [26]. *PCU* формулировала свою программу и предвыборную стратегию под влиянием советских установок. Очевидно, что в 1950—1960-е годы она выполняла функцию своеобразного «двойного агента»: помогала правительству *Partido Nacional* активизировать контакты с Москвой для достижения торговых соглашений и в то же время транслировала взгляды и установки Москвы относительно политических и социально-экономических процессов в Латинской Америке, оказывая влияние на левое движение, профсоюзные, женские и молодежные организации.

ГОДЫ ДИКТАТУРЫ (1973—1984)

С принятием новой Конституции Уругвая в 1967 г. и возвращением к власти *Partido Colorado* началось охлаждение отношений Монтевидео и Москвы. Одним из факторов этого процесса стала активность радикально левой городской герильи Тупамарос (*Tupamaros*). Борьба правительства с партизанами оказала значительное влияние на состояние уругвайского левого движения. Проблема общественной безопасности, рост влияния полиции и военных, антикоммунистическая позиция *Partido Colorado* стали причинами установления в Уругвае военно-гражданского правления в 1973 г. Уже в 1974 г. был арестован Арисменди, который, будучи отпущенным на свободу под влиянием мировой общественности, был вынужден в 1975 г. эмигрировать в СССР.

Потеряв на время компартию как канал политического влияния, СССР искал иные способы участия в левом движении страны, находившемся под давлением правительства. При этом стоит отметить, что, несмотря на репрессии против левых организаций, официальные отношения между Москвой и Монтевидео не прерывались, а представители уругвайского парламента посещали СССР и в конце 1960-х годов, уже после смены правящей партии и в период роста правой реакции [27].

В 1971 г. в Уругвае была создана коалиция левых сил — Широкий фронт (*Frente Amplio, FA*), — что горячо приветствовалось в официальной советской прессе. Стоит отметить, что в отличие от эпохи Коминтерна, когда советские функционеры путались в названиях и идеологии уругвайских партий, в 1970-е годы в СССР хорошо представляли структуру левых сил Уругвая и партийную панораму страны в целом. Говоря о создании коалиции, советская пресса справедливо упоминала и христианских демократов (*Partido Demócrata Cristiano del Uruguay*), и Левый фронт освобождения (*Frente Izquierda de Liberación, FIDEL*), и левые группы внутри традиционных партий, подчеркивала важность студенческого и женского движения для развития прогрессивных сил Уругвая [28]. Однако в то же самое время советская внешняя политика в Уругвае в определенном смысле проводилась с опорой на некоторые традиции Коминтерна, в частности, отношение к некоммунистическим левым организациям было негативным.

Для сохранения связей с Уругваем СССР продолжал, прежде всего, реализовывать культурную дипломатию, для чего использовались структуры ССОД. В период диктатуры активизировалась деятельность Общества дружбы «СССР — Уругвай», основанного еще в конце 1960-х годов. Общество вело переписку с культурными учреждениями республики, подерживало постоянные связи с ее компартией. В марте 1973 г. прошла все-

союзная конференция Общества, на которой обсуждались вопросы культурных связей, визиты отдельных уругвайских деятелей в СССР, программы обмена литературой. Еще в 1960-е годы в Москве проходили выставки уругвайской гравюры и современных уругвайских художников, встречи с уругвайскими писателями [29]. Общество дружбы пыталось возобновить имевшую место ранее практику, но в условиях изменения политического режима в Уругвае все эти попытки не увенчались успехом.

При этом печальной оказалась судьба *ICUS*. 16 июля 1975 г. правительство Уругвая приняло резолюцию о запрете деятельности *ICUS*. Запрет был обоснован предыдущими постановлениями о деятельности Национального конвента трудящихся (*Convención Nacional de Trabajadores, CNT*) (Резолюция 1.102/973 от 13 июня 1973 г.) и деятельности *PCU* (Декрет 1.026/973 от 28 ноября 1973 г.), которая также была запрещена. Институт обвинялся в том, что имел тесные связи с атташе по культуре посольства СССР в Уругвае и активно участвовал в распространении левых идей, что представляло угрозу национальной безопасности [30].

В 1974 г. правительство Уругвая приняло ряд постановлений, направленных против марксистской идеологии. В это время в национальных газетах проходит кампания по антимарксистской агитации среди молодежи (вбрасываются, например, лозунги типа «Страна без марксизма!», публикуются материалы, направленные против левого студенческого движения («Вы должны решить, будет ли университет оставаться центром варварства и безнравственности или центром науки и развития нации!» и т.п.), в рамках которой благополучный и успешный уругвайский студент противопоставлялся революционным студентам других стран Латинской Америки [31, р. 112]. Была организована кампания по консервативному решению гендерных проблем и в поддержку традиционной для уругвайского общества семьи, в противовес марксистским представлениям о месте и роли женщины в обществе. В таком же ключе велась и антикоммунистическая пропаганда в профсоюзной среде.

Советский Союз последовательно отвечал на это давление, действуя в русле традиций Коминтерна. В условиях невозможности и опасности прямых контактов Москвы с *PCU*, находившейся на нелегальном положении, были предприняты попытки установления организационных связей с молодежным, женским и профсоюзным движением.

Женское движение курировалось через Комитет советских женщин, который в 1960—1970-е годы занимался, в том числе, установлением и развитием контактов с женскими организациями Уругвая [32]. Прежде всего речь шла о сборе информации о положении женщин в республике, помощи женским организациям в борьбе с диктатурой, проведении кампаний солидарности. Комитет курировал и вопросы детства. В частности, в 1979 г. было подготовлено «Воззвание к солидарности с уругвайскими детьми, живущими под гнетом фашизма». Эта работа приносила свои плоды. Еще 26 марта 1968 г. уругвайские женщины организовали марш по Монтевидео в поддержку мира и против притеснения левых организаций [33]. Выступления женщин неоднократно проводились и в годы диктатуры. Это во многом изменило положения женщин в уругвайской политике: если в традиционных правых партиях они не занимали руководящих должностей, то в условиях репрессий против левых организаций и арестов их лидеров жен-

щины в них часто принимали на себя организаторские и руководящие обязанности. Анализ документов показывает, что активность контактов Комитета советских женщин с женщинами Уругвая в годы диктатуры была незначительной, но в то же время сами эти контакты продолжали существовать.

Сохранялись, хотя и были сведены к минимуму, связи в области образования. Министерство просвещения СССР продолжало вести с иностранными правительствами, в том числе и с правительством Уругвая, переписку о научном и культурном сотрудничестве [34]. Сохранялись планы приглашения в СССР уругвайских студентов, хотя их реализация была затруднена антимарксистской позицией правительства в Монтевидео.

Как и в эпоху Коминтерна, важным направлением работы советских органов в Уругвае были профсоюзы. Еще в 1960-е годы Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) организовывал курсы для профсоюзных активистов, в том числе и из стран Латинской Америки. Профсоюзное движение было одной из основ противодействия диктатуре. Созданный еще в 1964 г. *CNT* ставил перед собой задачу борьбы с правой угрозой и планировал в случае установления диктатуры проведение массовой забастовки. Действительно, первые годы диктатуры были временем профсоюзной борьбы, стачек, демонстраций и забастовок, которые жестоко подавлялись властями. *CNT* играл роль модератора профсоюзных выступлений. При этом, как отмечал Арисменди, задачей *CNT* была не только политическая борьба, но и сохранение максимального количества профсоюзных ячеек и их активных членов. В связи с этим стратегия и тактика профсоюзного движения менялась, чтобы соответствовать текущей политической ситуации [35]. Во времена диктатуры профсоюзы продолжали работать, несмотря на уничтоженную инфраструктуру и репрессии. Важно отметить, что диктатура изменила идеологию левых сил страны: вместо борьбы за национальную и континентальную революцию уругвайские левые стали уделять большее внимание демократическим ценностям, восстановлению конституционных прав и свобод. В профсоюзной среде социально-экономические требования уступили место политической программе [36]. СССР следил за происходившим в профсоюзном движении Уругвая и выражал свою позицию на страницах центральных газет. При этом авторами текстов в них были и уругвайские журналисты, например, корреспондент газеты *El Popular* Рикардо Сакслунд [37]. Предметом публикаций становилась борьба объединенного левого движения страны с диктатурой.

С ростом давления на *PCU* партия утрачивала не только организационные, но и информационные связи с Москвой. В условиях отсутствия информации от уругвайских коммунистов о политическом и социально-экономическом положении в стране особую роль приобретали информационные агентства. В частности, многие материалы об Уругвае собирались представителями ТАСС, которые затем систематизировались и направлялись для анализа во внешнеполитические и партийные структуры. Справки ТАСС охватывают весь период диктатуры и содержат первичную информацию о происходивших в стране событиях [38].

Важным фактором двусторонних отношений были и личные контакты. С 1975 г. в Москве проживали Арисменди и другие руководители *PCU*. Например, уругвайский историк и писательница Мариса Сильва Шульце

утверждает, что ее отец Луис Сильва Рехерман, член ЦК *PCU*, находился в Москве, где и умер в 1978 г. [39]. М.С.Шульце справедливо утверждает, что сама личность Арисменди являлась важным фактором развития идеологии и практики советско-уругвайских отношений. По мнению исследовательницы, он был не просто сторонником СССР, но и значимым теоретиком революционных процессов в Латинской Америке и видел в марксизме реальный инструмент решения социально-экономических и политических проблем Уругвая [40]. Арисменди оказал влияние на дебаты Москвы, Пекина и Гаваны о партизанской борьбе в Латинской Америке и воспринимался в СССР как один из ярчайших теоретиков марксизма [41]. Находясь в Москве, он мог открывать Уругвай для советских политиков и исследователей, влиять на понимание руководством КПСС уругвайских процессов.

В годы диктатуры отношения СССР и Уругвая развивались крайне медленно. *PCU* как модератор этих процессов была исключена из официальной политической жизни страны. Москва продолжала поддерживать связи с Монтевидео через женское, профсоюзное движение, через работу посольств и информационных агентств. СССР поддержал создание *ФА*, но продолжал критически относиться к некоммунистическим левым группам, не допуская сотрудничество с ними коммунистов для решения тактических задач. В условиях невозможности использовать официальные каналы советского влияния особую роль играли общественные объединения и личные контакты, через которые осуществлялась связь между Москвой и уругвайскими левыми.

ВРЕМЯ КРИЗИСА И НАДЕЖД (1984—1991 ГОДЫ)

Восстановление демократического гражданского правления в Уругвае в 1984 г. стало фактором активизации двусторонних отношений. Во второй половине 1980-х годов между СССР и Уругваем было заключено несколько соглашений, например, в 1984 г. — Соглашение о сотрудничестве в ветеринарной сфере, в 1985 г. — Договор о поставке советских машин и оборудования, в 1987 г. — Соглашение о культурном и научном сотрудничестве. Отметим, что в текстах подписанных соглашений часто делались ссылки на договоренности, достигнутые еще в 1960-е годы.

Была восстановлена практика двусторонних визитов, совместной работы в международных организациях. Возвращение в Уругвай лидеров компартии, отмена репрессивных законов в отношении левых организаций, либерализация общественной жизни должны были стать факторами и восстановления отношений с СССР. Советская пресса подчеркивала, что избранный в 1984 г. на пост президента Хулио Мария Сангинетти (1985—1990, 1995—2000 гг.) высказывался за расширение торгово-экономических связей Уругвая с СССР, а также за сдержанную и рациональную внешнюю политику, в том числе за нормализацию диалога с социалистической Кубой [42]. В СССР обращали внимание на первые шаги нового президента во внутренней политике, например, освещали встречу Сангинетти с Арисменди, на которой, как подчеркивалось в прессе, обсуждались не только вопросы легализации партии, но и общие проблемы политического и социально-экономического развития страны [43]. *PCU* воспринималась Москвой не только как один из победителей диктатуры в составе *ФА*, но и как

серьезная политическая сила, способная вновь брать на себя переговорные функции. Фигура самого Сангинетти воспринималась в СССР сдержанно: подчеркивалась его связь с буржуазными группами и крупным капиталом, но при этом отмечалась его нацеленность на создание правительства народного единства, мирное урегулирование региональных конфликтов и отмену репрессий в отношении левых сил [44]. Отметим, что советская делегация под руководством заместителя Председателя Президиума Верховного совета Баллы Язкулиева по приглашению уругвайских властей участвовала в церемонии инаугурации Сангинетти [45]. Уже к 1985 г. была восстановлена работа *ICUS*, активизировалась деятельность Общества дружбы. Москва активно занималась культурной дипломатией, перепиской с учреждениями и деятелями культуры Уругвая [46].

В 1980-е годы перестройка происходила не только в СССР, но и в левом движении Уругвая. В 1988 г. закончилась эпоха Арисменди в *PCU*, генеральным секретарем партии стал Хайме Перес, что означало смену поколений в партии. В конце 1980 — начале 1990-х годов *PCU* пережила глубокий внутренний кризис, причиной которого стала, в том числе, и перестройка. Партия была вынуждена пересмотреть базовые постулаты своей идеологии: стало очевидно, что континентальная революция и скорый триумф коммунизма — это несбыточная мечта. Победа над диктатурой позволила *FA* стать полноправным участником политических процессов, но не привела к значительным электоральным успехам. Компартия и иные левые силы страны были вынуждены уходить от советских догматов и строить свою программу, исходя из национальных интересов страны и реальных процессов, происходивших в ней. Это привело к тому, что *PCU* стала постепенно выступать за развитие и стабилизацию рыночных отношений, за принципы демократии, за создание самых широких предвыборных коалиций и эволюционировала в своей идеологии к умеренной европейской социал-демократии.

И в СССР, и в Уругвае во второй половине 1980-х годов шла демократизация общественной и политической жизни, а в начале 1990-х была проведена «шоковая терапия» в экономике. В феврале 1991 г. состоялся последний визит уругвайской делегации в Советский Союз: Москву посетили депутаты Генеральной ассамблеи Уругвая, которые встречались с представителями Верховного Совета СССР [47]. При этом, несмотря на тяжелое экономическое положение обеих стран, между ними продолжали развиваться торговые и инвестиционные отношения. Например, СССР к 1991 г. имел свой капитал в уругвайском предприятии *Agro-Melio S.A.* [48].

Отношения Москвы и Монтевидео в 1984—1991 гг. носили прагматичный характер. Роль *PCU* и иных левых организаций как модераторов отношений и посредников в переговорах с Москвой постепенно снижалась. Для уругвайских левых идеологическая и организационная связь с КПСС потеряла актуальность: СССР был вынужден решать внутренние проблемы и не имел былых возможностей для оказания помощи латиноамериканским компартиям, а сама по себе связь с Москвой не давала уругвайским левым никаких электоральных преимуществ. Надежды на то, что восстановление демократического режима в Уругвае придаст дополнительную динамику двусторонним отношениям республики с СССР, не оправдались. С приходом к власти Луиса Альберто Лакалье де Эрреры (1990—1995 гг.) и *Partido*

Nacional в 1990 г. уругвайская экономика была переориентирована на региональные и полушарные связи, в которых уже не было места рушащемуся Советскому Союзу. Но и для СССР в 1990—1991 гг. Латинская Америка уже не была приоритетным направлением внешней политики.

МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ КОМИНТЕРНА И ТРАДИЦИЯМИ КПСС

История отношений СССР и Уругвая в период холодной войны переживала взлеты и падения. Уругвайские левые долгое время были соучастниками переговорного процесса, его модераторами и посредниками, обеспечивая связь между традиционными правыми правительствами в Монтевидео и Москвой. Сами организационные связи уругвайских левых с КПСС развивались поэтапно: 1940—1960-е годы была создана институциональная база этих связей, затем, в годы военной диктатуры, она была нарушена и ликвидирована, а в 1980-е годы предпринимались лишь отдельные попытки восстановить контакты в полном объеме.

Всю вторую половину XX в. Уругвай оставался в сфере влияния североамериканского капитала. Отношения с СССР были лишь «страховочным вариантом» для отдельных правительств и президентов страны, которые пытались диверсифицировать национальную экономику и торгово-экономические контакты. В связи с этим объем инвестиционных и торговых соглашений всегда был ограниченным. Намерения Уругвая по диверсификации экономики во многом остаются лишь намерениями и по сей день. Реальные экономические связи с Москвой не давали Монтевидео особых преимуществ, а сам Уругвай оставался в орбите влияния ведущих западных игроков. Это объясняется не только географией, но и политическими условиями: *Partido Nacional*, стремившаяся развивать отношения с Советским Союзом в 1950—1960-е годы, вернулась к власти в стране лишь в 1990 г. Ни гражданские, ни военные правительства *Partido Colorado* не рассматривали СССР в качестве стратегического партнера, а экономические отношения между странами не получали значительного развития на протяжении почти четверти века.

Следуя традициям Коминтерна, СССР делал ставку в первую очередь на компартию, и лишь затем на иные левые организации страны. При этом само левое движение в Уругвае также во многом сохраняло черты коминтерновской эпохи — разобщенность, тактические союзы, споры об идеологии, личностную борьбу внутри партий. Например, до начала диктатуры в стране сосуществовали *Partido Socialista del Uruguay* и отколовшееся от нее Социалистическое движение (*Movimiento socialista*), у которых были разные программы и разное отношение к власти в стране. Долгое время функционировали разнообразные профсоюзные центры, не имевшие единой идеологической позиции. СССР лучше, чем в эпоху Коминтерна, понимал структуру уругвайских левых, но отказывался от серьезных контактов с некоммунистическими организациями, продолжая поддерживать коммунистов и созданные при их участии общественные объединения.

PCU также испытывала на себе влияние наследия Коминтерна. Партия, с одной стороны, не могла отказаться от прямых связей с Москвой, но при этом была вынуждена формулировать собственные социально-экономические требования для участия в выборах. Арисменди был во многом са-

мостоятельным марксистским мыслителем, для которого на первом месте стояли не симпатии Москвы, а реальные политические процессы в стране и регионе. В то же время именно Арисменди был одним из символов уругвайских левых наравне с лидером *ФА* Либером Сереньи, а его нахождение в СССР использовалось для установления личных контактов между руководством КПСС и левых сил в Монтевидео, распространения советской пропаганды и развития марксистской теории.

На протяжении 1940—1980-х годов отношения СССР и Уругвая носили двойственный характер. Они сочетали контакты на официальном государственном уровне с контактами между КПСС и советскими общественными объединениями с уругвайскими левыми, которые до периода диктатуры были полноценными участниками процесса принятия решений государственными органами власти в Монтевидео. Деятельность *PCU* в 1950—1960-е годы была важным фактором развития двусторонних отношений.

События перестройки и распад СССР привели к фактическому сворачиванию контактов, которые были восстановлены уже в другом формате в начале XXI в., в том числе при содействии пришедшего к власти в 2005 г. *ФА*. Традиции Коминтерна — контакты Москвы с левыми силами, элементы антиамериканизма, как и традиции, сформировавшиеся в годы после Второй мировой войны, — экономический прагматизм, культурная дипломатия, поддержка *ФА* — стали базисом нынешних российско-уругвайских отношений, которые сегодня, безусловно, шире, чем были еще несколько десятилетий назад.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pedemonte R. Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría. *Historia Crítica*, Bogota, 2015, N 55, pp. 231-254.
2. Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: reflections on Russian diplomacy in the region, *Vestnik RUDN. International Relations*, Moscow, 2020, t. 20, N 3, pp. 521-533.
3. Хейфец Л.С., Андреев А.С. Латинская Америка во внешней политике СССР в 1920-1930-е годы (по материалам протоколов заседаний политбюро ЦК ВКП(б)), *Новейшая история России*, СПб, 2017, № 4 (21), сс.56–68 [Jeifets L.S., Andreev A.S. Latinskaya Amerika vo vneshnei politike SSSR v 1920-1930-e gody (po materialam protokolov zasedanii politbyuro TsK VKP(b)) [Latin America in the foreign policy of the USSR in the 1920-1930s (based on the minutes of the meetings of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks)]. *Noveishaya istoriya Rossii*, Saint-Petersburg, 2017, N 4 (21), pp. 56–68 (In Russ)].
4. Андреев А.С. Уругвай в довоенной внешней политике СССР, *Латинская Америка*, Москва, 2016, № 1, сс. 59–67. [Andreev A. S. Urugvai v dovoennoi vneshnei politike SSSR [Uruguay in the pre-war foreign policy of the USSR]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2016, N 1, pp.59–67 (In Russ)].
5. Моисеев А.Н. Уругвай на пути обновления. М., Знание, 1986, 64 с. [Moiseev A.N. Urugvai na puti obnoveniya [Uruguay on the way to renewal]. Moscow, Znanie, 1986, 64 p. (In Russ)].
6. Хачатуров К. Уругвай сегодня. М., Издательство ИМО, 1962, 176 с. [Khachaturov K. Urugvai segodnya [Uruguay today] Moscow, Izdatel'stvo IMO, 1962, 176 p. (In Russ)].
7. Волков А.В. Уругвай. М., Географгиз, 1950, 48 с. [Volkov A. V. Urugvai [Uruguay] Moscow, Geografiz, 1950, 48 p. (In Russ)].
8. Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., Госполитиздат, 1976, 571 с. [Arisemendi R. Lenin, revolyutsiya i Latinskaya Amerika [Lenin, Revolution and Latin America] Moscow, Gospolitizdat, 1976, 571 p. (In Russ)].
9. Пинтос Ф.Р. Профсоюзное движение в Уругвае. М., Профиздат, 1964, 391 с. [Pintos F. R. Profsoyuznoe dvizhenie v Urugvae [Trade union movement in Uruguay] Moscow, Profizdat, 1964, 391 p. (In Russ)].

10. СССР – Уругвай: 60 лет дипломатических отношений, 1926–1986: Документы и материалы». Министерство иностранных дел СССР; Министерство иностранных дел Уругвая. М., Международные отношения, 1988, 149 с. [SSSR – Urugvai: 60 let diplomaticheskikh otnoshenii, 1926–1986: Dokumenty i materialy [1988 USSR - Uruguay: 60 years of diplomatic relations, 1926-1986: Documents and materials] Ministerstvo inostrannykh del SSSR; Ministerstvo inostrannykh del Urugvaya, 1988, 149 p. (In Russ).
11. Uruguay-URSS: 60 años de relaciones diplomáticas, 1926-1986: documentos y materiales. Ministerio de Relaciones Exteriores del Uruguay, 1989.
12. Сизоненко А.И. Россия - Уругвай: 150 лет. *Латинская Америка*, Москва, 2007, №12, сс. 87–91 [Sizonenko A. I. Rossiya - Urugvai: 150 let [Russia - Uruguay: 150 years]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2007, N12, pp. 87–91. (In Russ).
13. Кутейщикова В.Н. Еще раз о первых советских полпредах в Мексике. *Латинская Америка*, Москва, 1994, № 1, сс. 97–106 [Kuteishchikova V.N. Eshche raz o pervykh sovetskikh polpredakh v Meksike [Once again about the first Soviet plenipotentiaries in Mexico]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 1994, N1, pp. 97–106 (In Russ).
14. Брилев С.Б. Страна-«заноза». К 80-летию разрыва отношений СССР и Уругвая. *Международная жизнь*, Москва, 2016, № 7, сс. 145–184. [Brilev S.B. Strana-«zanoza». K 80-letiyu razryva otnoshenii SSSR i Urugvaya [The country is a "splinter". On the 80th anniversary of the break in relations between the USSR and Uruguay]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, Moscow, 2016, N 7, pp. 145–184 (In Russ).
15. Blasier C., Vacs A.C. América Latina frente a la Unión Soviética. *Foro Internacional*, Mexico, 1983, vol. 24, N 2 (94), pp. 199–211.
16. Insulza J.M. La Unión Soviética y América del Sur. *Foro Internacional*. Mexico, 1988, vol.28, N 4(112), pp. 770-780.
17. Leibner G. Camaradas y compañeros. Una historia social y política de los comunistas del Uruguay. Montevideo, Trilce, 2011, 632 p.
18. Зайцев А.В. Советско-югославский конфликт и его последствия для организаций славянских эмигрантов (1948–1956 годы), *Новый исторический вестник*, Москва, 2021, № 3 (69), сс.26–43. [Zaitsev A. V. Sovetsko-yugoslavskii konflikt i ego posledstviya dlya organizatsii slavyanskikh emigrantov (1948–1956 gody) [The Soviet-Yugoslav conflict and its consequences for the organizations of Slavic emigrants (1948–1956)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, Moscow, 2021, N 3(69), pp. 26–43 (In Russ).
19. Informe al XVII congreso del PCU, 1958. Available at: <https://www.pcu.org.uy/index.php/resoluciones-y-declaraciones-pcu/resoluciones-y-declaraciones-2021/item/535-informe-al-xvii-congreso-del-pcu-1958> (accessed 15.06.2022).
20. Romeo P. A. Política exterior uruguaya del siglo XX. Montevideo, Ediciones de la Plaza, 2011, 124 p.
21. Ferreira R.G. “El asunto Mesutti”: anticomunismo y espionaje soviético en Uruguay. *Revista de historia iberoamericana*. Madrid, 2011, vol.4, N 2, pp. 84-111.
22. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн после Коминтерна. *Латинская Америка*, Москва, 2021, №10, сс. 17–40. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Komintern posle Kominterna [The Comintern after the Comintern]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2021, N 10, pp. 17–40 (In Russ).
23. Cámara de Representantes, Tratado de Comercio y “Los convenios con la URSS”. *El Popular*, 29.08.1958.
24. Краминов Д. Большие заботы маленькой страны. *Правда*, 14.07.1958 [Kraminov D. Bol'shie zaboty malen'koi strany [Big concerns of a small country]. *Pravda*, 14.07.1958. (In Russ).
25. Докучаева С.В., Никонова О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950—1960-е гг. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*, Челябинск, 2018, т.18, №1, сс.14—17. [Dokuchaeva S. V., Nikonova O. Yu. Institutsional'naya struktura i tselevye auditorii sovetskoi kul'turnoi diplomatii v stranakh Latinskoi Ameriki v 1950—1960-e gg. [Institutional Structure and Target Audiences of Soviet Cultural Diplomacy in Latin America in the 1950s—1960s]. *Vestnik YuUrGU, Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Chelyabinsk, 2018, t.18, N 1, pp. 14—17 (In Russ).
26. Arismendi R. Amplias perspectivas para la República. *Estudios*. Montevideo, 1956, N 1, pp. 17-19.
27. Материалы о пребывании в СССР вице-президента Генеральной Ассамблеи Восточной Республики Уругвай А. Абдала, 1968 г. - Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ф.Р9497, оп.4, д.86, л. 1-10. [Materialy o prebyvanii v SSSR vitse-prezidenta General'noi Assamblei Vos-

tochnoi Respubliki Urugvai A. Abdala, 1968 g. [Materials on the stay in the USSR of the Vice-President of the General Assembly of the Eastern Republic of Uruguay A. Abdala, 1968]. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). f. R9497, op.4, d.86, l. 1–10 (In Russ).

28. Декларация Фронта прогрессивных сил. *Правда*, 09.02.1971. [Deklaratsiya Fronta progressivnykh sil [Declaration of the Front of Progressive Forces]. *Pravda*. 09.02.1971 (In Russ).

29. Материалы выставки современной уругвайской гравюры, 1961 г. ГАРФ. Ф. Р9576, оп. 17, д. 175, л. 1–37. [Materialy vystavki sovremennoi urugvaiskoi gravyury, 1961 g. [Materials of the exhibition of modern Uruguayan prints, 1961]. GARF, f. R9576, op. 17, d. 175, l. 1–37 (In Russ).

30. Resolución N° 1157/975, Disolucion de la asociacion de hecho denominada Instituto Cultural Uruguayo Sovietico, 16.07.1975. Available at: <https://www.impco.com.uy/bases/resoluciones/1157-1975/1> (accessed 01.07.2022).

31. Despaux M. R. “Pánico moral” en el Uruguay autoritario: juventudes, sexualidades y géneros estigmatizados, *Historia visual del anticomunismo en Uruguay (1947-1985)*. Montevideo, Udelar, 2021, pp. 81-128.

32. Переписка с Союзом уругвайских женщин, 1961–1970. 1961. ГАРФ, ф. Р7928, оп. 3, д. 741, л. 1–16. [Perepiska s Soyuzom urugvaiskikh zhenshchin, 1961–1970 [Correspondence with the Union of Uruguayan Women, 1961–1970]. GARF, f. R7928, op. 3, d. 741, l. 1–16 (In Russ).

33. Schol M. I. Mujeres movilizadas en el 68 uruguayo: el movimiento femenino por la justicia y la paz social desde la teoría del Framing. *Revista de Estudios de Género. La ventana*. Jalisco, 2022, vol. VI, N 55, pp. 188-214.

34. Переписка о культурном и научном сотрудничестве в области просвещения со странами Латинской Америки, 1977. ГАРФ, ф. Р9563, оп. 1, д. 3168, л. 1–65 [Perepiska o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve v oblasti prosveshcheniya so stranami Latinskoï Ameriki, 1977 [Correspondence on cultural and scientific cooperation in the field of education with the countries of Latin America, 1977]. GARF, f. R9563, op. 1, d. 3168, l. 1–65 (In Russ).

35. Arismendi R. Documento histórico-político, 1955–1984. XXI Congreso del PCU. Available at: <https://www.pcu.org.uy/index.php/resoluciones-y-declaraciones-pcu/resoluciones-y-declaraciones-2021/item/350-documento-historico-politico-1955-1984-xxi-congreso> (accessed 05.07.2022).

36. Андреев А.С. Коминтерн и формирование идеологии левого движения Уругвая. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. Москва, 2021, т. 12, № 3(101), с. 1. [Andreev A. S. Komintern i formirovanie ideologii levogo dvizheniya Urugvaya [Comintern and the formation of the ideology of the left movement of Uruguay]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. Moscow, 2021, t. 12, N 3(101), pp. 1 (In Russ).

37. Уругвай после выборов. *Правда*, 04.05.1972. [Urugvai posle vyborov [Uruguay after the elections]. *Pravda*, 04.05.1972. (In Russ).

38. Досье служебного вестника иностранной общеполитической информации ТАСС, Уругвай, 1971 г. ГАРФ, ф. Р4459, оп. 43, д. 12283, л. 1–112. [Dos'e sluzhebnogo vestnika inostrannoi obshchepoliticheskoi informatsii TASS, Urugvai, 1971 g. [Dossier of the official bulletin of foreign general political information TASS, Uruguay, 1971] – GARF, f. R4459, op. 43, d. 12283, l. 1–112. (In Russ).

39. Интервью с М. Сильва Шульце, 10.09.2016. Личный архив автора. [Interview with M. Silva Schulze, 09.10.2016. Personal archive of the author.

40. Schultze M.S. El papel de Rodney Arismendi y la cultura de la unanimidad, *Sociedad Futura*, 14.06.2020. Available at: <https://sociedadfutura.com.ar/2020/06/14/el-papel-de-rodney-arismendi-y-la-cultura-de-la-unanimidad/> (accessed 01.07.2022).

41. Jeifets V., Jeifets L. Moscow, Beijing or Havana? The conflicts within the Latin American left around the insurrectional struggle. *Izquierdas*. Santiago, 2020, N 49, pp. 2752-2776.

42. Уругвай. Конструктивная позиция, *Известия*, 29.11.1984 [Urugvai. Konstruktivnaya pozitsiya [Uruguay. Constructive position]. *Izvestiya*, 29.11.1984. (In Russ).

43. Уругвай. Встреча с президентом. *Известия*. 13.12.1984 [Urugvai. Vstrecha s prezidentom [Uruguay. Meeting with the President], *Izvestiya*, 13.12.1984 (In Russ).

44. Кто есть кто. Хулио Мария Сангинетти. *Известия*. 15.12.1984 [Kto est' kto. Khulio Mariya Sanginetti [Who is who. Julio Maria Sanguinetti]. *Izvestiya*, 15.12.1984 (In Russ).

45. Официальные сообщения. *Известия*, 27.02.1985 [Ofitsial'nye soobshcheniya [Official communications]. *Izvestiya*, 27.02.1985 (In Russ).

46. Переписка с Уругвайско-советским институтом культуры, с организациями и гражданами Уругвая по вопросам культурных связей, 1985. ГАРФ, ф. Р9576, оп. 20, д. 4777. [Perepiska s Urugvaisko-sovetskim institutom kul'tury, s organizatsiyami i grazhdanami Urugvaya

po voprosam kul'turnykh svyazei, 1985 [Correspondence with the Uruguayan-Soviet Institute of Culture, with organizations and citizens of Uruguay on cultural relations, 1985]. GARF, f. R9576, op. 20, d. 4777 (In Russ).

47. Документы о пребывании в РСФСР делегации Генеральной Ассамблеи Восточной республики Уругвай (запись беседы с Р.И.Хасбулатовым, списки участников, справки о стране), 1991. ГАРФ. ф. 10026, оп. 5, д. 433, л. 1–39 [Dokumenty o prebyvanii v RSFSR delegatsii General'noi Assamblei Vostochnoi respubliki Urugvai (zapis' besedy s R. I. Khasbulatovym, spiski uchastnikov, spravki o strane), 1991 [Documents on the stay in the RSFSR of the delegation of the General Assembly of the Eastern Republic of Uruguay (recording of a conversation with R. I. Khasbulatov, lists of participants, information about the country), 1991]. GARF, f. 10026, op. 5, d. 433, l. 1–39 (In Russ).

48. Документы организаций, послужившие основанием для включения в «Реестр зарубежных предприятий с советским участием в капитале и органах управления» за 1990 год: /В-20/ Агро-Мелио С.А. (Уругвай). ГАРФ. ф. 10211, оп. 3, д. 338, л. 1–27. [Dokumenty organizatsii, posluzhivshie osnovaniem dlya vklucheniya v «Reestr zarubezhnykh predpriyatii s sovetским участием в капитале и organakh upravleniya» za 1990 god: /V-20/ Agro-Melio S.A. (Urugvai) [Documents of organizations that served as the basis for inclusion in the "Register of foreign enterprises with Soviet participation in capital and management bodies" for 1990: / V-20 / Agro-Melio S.A. (Uruguay)]. GARF, f. 10211, op. 3, d. 338, l. 1–27 (In Russ).

Anton S. Andreev (a.s.andreev@spbu.ru)

PhD, History, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations of Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, 190034 Saint Petersburg, Russian Federation

The article was prepared under the RSF grant 19-18-00305-P “Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

Uruguay and the USSR in 1945–1991: bilateral relations in the context of the left movement

Abstract. In modern international conditions Russia is forced to change the vectors of its foreign policy. Moscow paying attention to the countries of Latin America, seeing them as its political and economic partner. However, Russian-Latin American relations have historical traditions formed during the Cold War. The purpose of this article is to show the development of bilateral relations between the USSR and Uruguay in the second half of the 20th century in the context of the development of the Latin American left movement. Based on archival materials, press, memoirs, the article shows how contacts between the left parties of Uruguay and the CPSU influenced to the formation of relations between the two states. Using diplomatic documents, the author reveals the main stages and events of bilateral relations.

Key words: USSR, Comintern, leftist movement in Latin America, Soviet-Uruguayan relations.

DOI: 10.31857/S0044748X0021677-3

Received 20.04.2022.

И.Ю.Веселова

Мексиканский университетский антикоммунистический фронт (1955–1973)

**Влияние католической церкви и борьба за контроль
университетской среды**

В статье рассматривается история возникновения и деятельности Мексиканского университетского антикоммунистического фронта (*Frente Universitario Anticomunista, FUA*) — католической молодежной организации правого толка, сформировавшейся в Пуэбле. Опираясь на широкий спектр источников, автор ставит перед собой цель выявить идеологическую базу *FUA* и определить основные методы борьбы этой организации с идейными противниками. Основанный под покровительством церковных деятелей Пуэблы, *FUA* представлял собой гибридную общественную организацию, сочетавшую элементы открытого и секретного сообществ. Демонстративно эксплуатируя громкие лозунги о борьбе с коммунизмом, члены *FUA* ставили перед собой вполне практические цели, заключающиеся в установлении контроля над университетской средой и влиянии на политику в регионе. Однако в условиях постепенной либерализации и секуляризации университетского пространства Мексики середины XX в. стратегия борьбы *FUA* оказалась неэффективной.

Ключевые слова: Мексика, католическая церковь, университеты, власть, идеология.

DOI: 10.31857/S0044748X0021208-7

Статья поступила в редакцию 19.05.2022.

Веселова Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарно-социальных наук Российского университета дружбы народов (РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, veselova-iyu@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4392-7829>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00103 «Правый радикализм и фашизм в Латинской Америке в XX в.».

Рассматривая деятельность католической церкви в Мексике в XX в., отечественные историки обычно выделяют среди прочих сюжет о движении «кристерос» (1926—1929 гг.) [1; 2, сс. 7-20], обходя вниманием историю многочисленных католических молодежных организаций правого толка. Практически неизученной в России остается история этих сообществ во второй половине XX в. Однако мексиканские исследователи довольно подробно анализируют деятельность открытых организаций по типу Университетского антикоммунистического фронта (*Frente Universitario Anticomunista, FUA*) или Университетского движения обновленческой направленности (*Movimiento Universitario de Renovadora Orientación, MURO*), а также покровительствовавших им тайных католических организаций Лос Текос (*Los Tecos*) и Эль Юнке (*El Yunque*). Среди работ на эту тему следует выделить труды исследователя из Национального автономного университета Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM*), Луиса Анхеля Уртадо. В своем обзоре различных правых и ультраправых католических организаций, возникавших в Мексике на протяжении XX в., он дает подробную характеристику каждой из них, стараясь проследить их общие черты и определить различия между ними [3]. Другие мексиканские авторы, в частности, Альваро Дельгадо и Марио Вирхилио Сантьяго Хименес, сосредоточили свое внимание на деятельности упомянутых выше тайных католических организаций *Los Tecos* и *El Yunque*, пытаясь выявить механизмы их политического и социального влияния [4]. В исследовании, посвященном *MURO* (открытой организации, за которой стояла *El Yunque*), М.В.Сантьяго Хименес отметил ее преемственность по отношению к *FUA* [5]. Перечисленные работы важны для понимания исторического контекста, в котором возник и действовал *FUA*.

В этой статье впервые в отечественной историографии путем введения в научный оборот ряда новых исторических источников рассматриваются история возникновения и основные эпизоды деятельности *FUA* в контексте преемственности деятельности мексиканских правых католических организаций. Цель статьи — выявить особенности идеологической базы *FUA* и определить причины его поражения в борьбе с идейными противниками, опираясь на документы из личного архива бывшего члена *El Yunque* и второго президента *FUA* Мануэля Антонио Диаса Сиды, опубликованные Л.А.Уртадо, а также документы католической церкви, публикации в прессе и воспоминания современников событий.

В теоретическом плане статья базируется на концепции структуралистского конструктивизма Пьера Бурдьё, в рамках которой *FUA* рассматривается в качестве социальной структуры, сформированной отдельными социальными агентами, но при этом подчиняющей вступающих в него индивидов структурным правилам. Методологически данное исследование основано на историко-генетическом анализе, позволившем выявить преемственность идеологических основ *FUA*, а также историко-системном подходе, дающем представление о структуре и функциях *FUA* при их рассмотрении сквозь призму организации вертикальных и горизонтальных связей. Применение факторного анализа основных эпизодов деятельности *FUA* позволило определить его роль в развитии правого католического движения в Мексике.

В середине 1950-х годов вектор внутривнутриполитических процессов в Мексике во многом определялся холодной войной. Успех Кубинской революции 1959 г., установление тесных связей между правительством Фиделя Кастро и руководством СССР, а также активная пропаганда марксистско-ленинских принципов новым кубинским режимом вызвали сильное беспокойство у мексиканских правых сил. Несмотря на декларируемый политический плюрализм, все господствующие позиции в политической верхушке Мексики на тот момент занимали представители Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*). Установившиеся во второй половине 1940-х годов партийная и избирательная системы позволяли *PRI* прочно держаться у власти посредством контроля над избирательной комиссией [6, с. 33]. Фактическое сращивание партии и государственного аппарата до конца 1970-х годов не оставляло оппонентам *PRI* шансов для влияния на политический процесс. Системная оппозиция, представленная Социалистической народной партией (*Partido Popular Socialista, PPS*) и Подлинной партией мексиканской революции (*Partido Auténtico de la Revolución Mexicana, PARM*), лишь создавала видимость электоральной борьбы. В этих условиях мексиканские правые, представленные Партией национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*), оставались на политической периферии, а крайне правые силы, традиционно тесно связанные с католической церковью, в период с 1940 по 1988 г. вообще не проявляли себя открыто в политическом процессе, обладая слабым влиянием в обществе [7, р. 40]. Единственным пространством для реальной политической конкуренции в этой ситуации оставались органы местного самоуправления, университеты и профсоюзы.

Основными зонами активности правых в рассматриваемый период были регион Бахио, включающий территорию нескольких штатов в центральной части Мексики, а также штат Пуэбла, где они контролировали общественные организации, целью которых была борьба с коммунистическими и социалистическими идеями, а также идеями, противоречащими христианскому вероучению. Правые силы имели глубокие исторические корни именно в Бахио, где возникло радикальное право-католическое движение синаркистов*, способное провести массовую социальную мобилизацию низов под лозунгами католического фундаментализма, корпоративизма и испанского национализма [8]. В Пуэбле к концу 1930-х годов также укрепилась консервативная социальная модель, для которой был характерен союз местной политической элиты и церкви в сочетании с жестким корпоративным контролем не только над общественными организациями, но и многими институтами гражданского общества, в том числе над СМИ и

Сина́рхия (от греч. συναρχία — «совластие», «соуправление») — религиозно-философское понятие противоположное «анархии», предполагающее иерархический закон существования безупречного организма человечества; также является обозначением негласного правления узких элитарных кругов ряда стран первой половины XX в., в том числе и Мексики, а также широко распространяемой идеологии данных элит. Мексиканский синаркизм в 1930—1940-е годы представлял собой влиятельную силу, объединяя интегралистский католицизм, испанизм, традиционализм в идеологии и сочетание тоталитарных практик с отказом от борьбы за власть в политике. — *Прим. ред.*

университетом [9, p. 212]. Активность правых в Пуэбле была во многом обусловлена перманентной локальной борьбой с левыми: Коммунистическая партия Мексики (*Partido Comunista Mexicano, PCM*) с конца 1920-х годов пользовалась поддержкой среди местных крестьян [10, p. 47].

К середине XX в. в Мексике, на фоне общего социально-политического подъема, роста образовательной сферы и ее постепенной секуляризации, одной из наиболее уязвимых для проникновения левых идей оказалась университетская среда. После подавления профсоюзного рабочего движения в конце 1950-х годов новым полем борьбы между государством и народными движениями стали образовательные учреждения [10, p. 232]. Среди студентов, выступавших за демократизацию университетского пространства и уставших от традиционных, контролируемых сверху объединений, наблюдался запрос на организации, действительно независимые от государства и высших слоев общества. Католические правые реагировали на эти процессы созданием собственных объединений студентов, на которые можно было бы опереться в университетской среде.

На протяжении всего XX столетия в Мексике возникали различные открытые молодежные католические организации правого толка. В 1913 г. была основана Католическая ассоциация мексиканской молодежи (*Asociación Católica de la Juventud Mexicana, ACJM*), ставшая образцом для появлявшихся впоследствии объединений. Ее члены организовали в 1925 г. Национальную лигу защиты религиозной свободы (*La Liga Nacional Defensora de La Libertad Religiosa*) и активно участвовали в войне «кристерос». В 1931 г. был основан Национальный союз студентов-католиков (*Unión Nacional de Estudiantes Católicos, UNEC*), составивший конкуренцию *ACJM* в университетской среде. В отличие от *ACJM*, *UNEC* старался держать дистанцию с представителями церкви и избегать любого намека на секретность [3, p. 145]. Несмотря на то, что официально католическая церковь не приветствовала участие таких ассоциаций в политической деятельности, их члены все равно интересовались политикой. Более того, их церковные наставники поощряли этот интерес в частном порядке. В отличие от указанных выше организаций, Национальный синаркистский союз (*La Unión Nacional Sinarquista, UNS*), возникший в 1937 г., уже носил откровенно политический характер и находился в оппозиции правительству Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.) [3, p. 148]. За перечисленными объединениями, стремившимися поддерживать христианский социальный порядок, помимо представителей церкви часто стояли и члены тайных ультраправых католических групп. Ярким примером такого взаимодействия был и *FUA*.

Фронт возник в 1955 г. в Университете Пуэблы. О его инаугурационном заседании официально сообщила газета *El Sol de Puebla* [11, p. 1], ставшая впоследствии основным печатным органом объединения. По официальной версии идея создания католической студенческой организации принадлежала Рамону Плате Морено [12, p. 191]. Р.Плата Морено был лидером группы студентов, закончивших контролируемый иезуитами Институт Ориенте (*Instituto Oriente*) в Пуэбле и основавших в 1953 г. тайную антикоммунистическую католическую организацию, впоследствии получившую название *El Yunque* [5, p. 197]. *El Yunque*, как и возникшая ранее, в

1935 г., организация *Los Tecos*, представляли собой закрытые тайные сообщества со строгой иерархией, декларирующие в качестве основной цели защиту католической религии перед лицом коммунизма, масонства и еврейского заговора [13, pp. 59-60]. Костяк будущего *FUA*, помимо Платы Морено, составили Хосе Антонио Кинтана, Мануэль Родригес Конча, Мануэль Антонио Диас Сид, тоже являвшиеся членами *El Yunque*, а также Клаус Фледманн, Хесус Корро Феррер, Теодоро Терес, Хосе Антонио Аррубаррена, Давид Браво и Сид де Леон.

Мексиканские авторы выдвигают различные версии возникновения *FUA*. Сотрудник Института социальных исследований *UNAM* Фернандо Гонсалес, ссылаясь на заявления третьих лиц, в частности, иезуитов Мануэля Асвеса и Эстебана Паломеро Кироса, хорошо знакомых с верхушкой католического клира Пуэблы, полагает, что за этим молодежным объединением стояла группа *Los Tecos*, поскольку, по его словам, инициатива создания исходила не от самого Платы Морено, а от отца Мануэля Фигероа Луны [14, p. 250]. М.Фигероа, бывший наставником Платы Морено еще со времен учебы последнего в *Instituto Oriente*, с 1945 г. занимал должность ректора Института наук Иезуитской коллегии Гвадалахары (*Colegio Jesuita de Guadalajara*), а также являлся одним из советников *Los Tecos*.

М.В.Сантьяго Хименес полагает, что *FUA* возник как официальная «витрина» другой тайной католической организации — *El Yunque*, — нуждавшейся в вербовке боевиков и развитии публично-политической деятельности [5, p. 197]. Его коллега А.Дельгадо также отводит *El Yunque* главную роль в создании *FUA*, но уже как организации, которая должна была помочь достичь автономии в университетском образовании и препятствовать социалистическим реформам образования, исходившим от правительства Карденаса [4, p. 57]. Л.А.Уртадо, проанализировав концепции указанных выше авторов, приходит к заключению, что *FUA* служил прикрытием и для *El Yunque*, и для *Los Tecos* [3, p. 170]. С помощью *FUA* эти общества могли открыто вести общественную деятельность, а также вербовать новых членов. Фактически *FUA* представлял собой гибридную общественную организацию, сочетающую элементы открытого и закрытого, секретного сообществ. Он был организован студентами под покровительством церковных деятелей Пуэблы без прямого участия каких-либо официальных политических сил, к примеру, *PAN*.

ИДЕОЛОГИЯ *FUA*

Члены *FUA* рассматривали коммунизм как главного врага церкви. Однако это идеологическое противостояние имело более сложный контекст, заключавшийся в представлениях разных групп о том, как должно быть устроено общество. В личном архиве М.Диаса Сиды сохранилась листовка, которую сторонники Фронта раздавали в Пуэбле в 1955 г. Она начинается следующими словами: «В час кризиса, который переживает Человечество, в результате бесконечной череды идеологических отклонений, зафиксированных в прошлые века: после религиозного раскола XVI в., анархии и террора, происходящих из-за революций и вследствие великой утопии, порожденной либерализмом во всех его проявлениях, оно [Человечество]

оказывается теперь перед своим чудовищным творением — коммунизмом, разрушающим то, что христианская цивилизация считает своим основанием: Религию, Семью и Собственность; он [коммунизм] поставил человека в ложное положение, заставляя решать свою судьбу в крайне антагонистических полях спиритуализма и материализма» [15, р. 164]. Подобное неприятие социальных течений, подрывающих устоявшиеся понятия религии, семьи и собственности укладывалось в рамки «непримиримого социального католицизма», появившегося в Мексике еще в конце XIX в. в качестве ответа на усиливающуюся секуляризацию социального и политического мира светской и либеральной, а затем и революционной Мексики [16, р. 22]. В этом контексте, как подробнее будет рассмотрено далее, проявляется идейная преемственность *FUA* по отношению к предшествующим правым мексиканским католическим организациям.

Если в конце XIX в. основным врагом церкви был провозглашен социализм, то после российской Февральской революции 1917 г. его место занял коммунизм, неприязнь к которому в среде католических правых еще больше обострилась после Кубинской революции. Основная опасность коммунизма виделась правым в стирании классовых границ, что, по их мнению, подрывало христианский общественный порядок. В этом смысле члены *FUA* являлись продолжателями дела *АСЖМ*, основанной еще в 1913 г. *АСЖМ* и подобные ей молодежные католические организации изначально ориентировались на папские энциклики Льва XIII (1878—1903 гг.), содержавшие призыв к установлению так называемой христианской демократии, основные принципы которой были сформулированы в энциклике *Graves de communi*, изданной в 1901 г. Христианская демократия должна была «основываться на принципах божественной веры» и стремиться к «оздоровлению духа», ставя во главу угла «справедливость, которая предписывает сохранить в неприкосновенности право собственности, защищает многообразие классов, типичное для любого благоустроенного общества, и хочет, чтобы его форма была таковой, какой его видит сам Бог, его создатель» [17]. Подобное поддержание христианского общественного порядка, за который боролись *АСЖМ* и другие мексиканские молодежные католические организации, постулировалось и в качестве одной из целей деятельности *FUA*: «Выступать за реализацию подлинной социальной справедливости, основанной на признании частной собственности и уважении к семье как основной ячейке общества для лучшего распределения национального богатства» [15, р. 166].

В программе *FUA* также отразилась преемственность церковных идей о решении рабочего вопроса. Одна из целей предполагала «изучение социальных проблем во всех их аспектах для справедливого установления обязанностей и прав рабочих и предпринимателей, для укрепления гармоничного сотрудничества между капиталом и трудом» [15, р. 166]. Эта задача практически полностью перекликалась с установками, данным Ватиканом еще в энциклике от 1891 г. *Rerum Novarum*: «Церковь, может в значительной степени примирить друг друга и соединить богатых с пролетариями, то есть призвать оба класса к исполнению их соответствующих обязанностей» [18]. Признавая проблему положения рабочих, Папа Лев XIII критиковал стремление социалистов к отъему и перераспределению благ. В качестве альтернативы социалистическим профсоюзам предлагалось создавать католиче-

ские ассоциации, в которых представители мексиканского католического клира видели серьезную силу для реализации практических социальных задач.

Идея опоры церкви на католические ассоциации предполагала, что христианизация будет осуществляться через конфессиональные институты в образовательной, культурной, экономической и политической сферах, за счет чего будет создано пространство для новой «религиозной» католической среды и для христианизации секуляризованного общества [19, р. 36]. Поскольку для этого предполагалось использовать хорошо обученных мирян, то становится ясно, почему именно иезуиты сыграли такую важную роль в формировании *FUA*. Члены Ордена Иисуса, как наиболее прагматичные представители католической церкви, поощряли так называемое социальное служение, а также транслировали ключевые идеи церкви в Западное полушарие [19, р. 35].

Образовательная сфера стала важнейшим местом битвы за умы. Официальной целью *FUA* было «изгнать коммунизм из университета и вообще из всех учреждений культуры страны, раз и навсегда покончив с коварной проповедью ненависти и классовой борьбы» [15, р. 166]. Борьбу за умы молодежи предполагалось вести посредством идеологического и практического воспитания.

К особенностям *FUA* можно отнести опору на национальный дух при постулировании гармоничного сосуществования латиноамериканских народов. В листовках *FUA* первой целью организации была указана следующая: «Направляйте народ Мексики к его истинной миссии как нации, которая является частью великой латиноамериканской семьи» [15, р. 166]. Л.А.Уртадо приводит еще один важный документ из личного архива М.Диаса Сиды, в котором подчеркивается, что «Иберо-Америка — это единая великая нация, близкая к обретению единства судьбы в рамках гармонии наций» [20, р. 167]. Идея об общности пути развития всех латиноамериканских народов отчасти укладывалась в проекты латиноамериканской интеграции, но при условии сохранения национальных границ, что предполагало борьбу «за развитие национальной доктрины общепонятного народного величия, не препятствующей мирному сосуществованию народов, соответствующей природе и традициям нашей страны» [15, р. 167]. Коммунизм в этом контексте расценивался мексиканскими правыми как антинациональное явление.

Анализ идеологических основ *FUA* показывает, что они уходят корнями в идеи социального католицизма, предложенные Ватиканом еще на рубеже XIX—XX вв. Реализация исторического предназначения мексиканской нации виделась членам *FUA*, как и участникам предшествовавшей ему *АСЖМ*, в укреплении христианской демократии, что свидетельствует о преемственности идей среди молодежных католических организаций на протяжении первой и второй трети XX в.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ *FUA*

Вступление в *FUA* не требовало принесения присяги и было добровольным, поэтому покинуть организацию можно было абсолютно свободно. Однако по признанию М.Диаса Сиды, *FUA* можно было разделить на «ближний круг» и всех остальных [3, р. 169]. Это подчеркивало корпоративный характер, присущий католическим объединениям, и косвенно сви-

детельствовало о связи *FUA* с тайными католическими организациями, построенными по иерархическому принципу и предполагавшими допуск в ближайший круг только после тщательной проверки потенциального участника на надежность. Но помимо прикрытия деятельности *Los Tecos* и *El Yunque*, *FUA*, как впоследствии и *MURO*, выполнял функцию «фильтра», подбиравшего на работу нужных кандидатов, был учебной площадкой, а также помогал устанавливать связи с предпринимателями, оказывавшими финансовую поддержку правым, и журналистами, освещавшими деятельность организации в СМИ [21]. При этом деятельность *FUA* была ограничена сильным влиянием архиепископа Пуэблы.

Постепенно *FUA* приобрел большую значимость в штате Пуэбла. Этому способствовала общественно-политическая среда региона, для которой, как уже отмечалось выше, был характерен правый уклон. Распространяя листовки, проводя пропагандистские кампании, включающие публичные марши и митинги, *FUA* привлекал к себе внимание со стороны общественности и местных предпринимателей, многие из которых стали не только финансировать его деятельность, но и сами вступили в его ряды. Однако основным инструментом организации в борьбе за собственные идеи были не листовки и демонстрации, а открытые столкновения с идеологическими противниками, часто сопровождавшиеся применением насилия. Наиболее серьезные из этих столкновений произошли в борьбе за влияние в университетской среде Пуэблы в середине XX в.

События в университете Пуэблы, разворачивавшиеся во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, невозможно рассматривать вне контекста столкновения двух общественно-политических течений: католического консервативно-социального и светского социального [22, р. 211]. Первое было традиционно сильно в Пуэбле еще с 1930-х годов, однако во второй половине 1950-х его влияние в регионе и, в частности, в локальной университетской среде начало снижаться. Причиной потери влияния в образовательной сфере стали секуляризация профессорского состава, появление новых светских школ и рост числа иностранных студентов. Университет перестал быть пространством исключительно представителей местного среднего и высшего класса, воспитанных по католическим канонам.

Первым тревожным сигналом для правых стало вступление в 1947 г. в должность ректора сторонника светского образования Орасио Лабастиды Муньоса [22, р. 215]. Он ввел в университетскую программу научную и философскую мысль XX в. и дал возможность либеральному меньшинству закрепиться в университете. В 1952 г. правые смогли сместить его с поста ректора, но процесс уже был запущен.

Федерация студентов Пуэблы, в которой теперь были представлены сторонники различных политических взглядов, начала выступать с требованиями университетской автономии. Однако единого проекта того, как она должна быть организована, не было: для сторонников либерализма она представляла собой возможность образования политической оппозиции действующей консервативной власти, для коммунистов означала небольшую победу в классовой борьбе, а для католиков — возможность восстановить христианское образование [23, р. 94]. В рамках дискуссии между представителями перечисленных групп университетский конфликт приобрел

рел явный политический контекст. Но на тот момент дело решила действующая власть. В ноябре 1956 г. правые силы получили поддержку губернатора штата Пуэблы Рафаэля Авила Камачо в университетском вопросе. Он утвердил Органический закон Автономного университета Пуэблы, который предусматривал создание университетского Почетного совета, большинство членов которого были представителями консервативного крыла: сторонники *PAN*, *UNS*, *FUA* и Рыцарей Колумба (*Knights of Columbus, K of C*) [24, p. 5]. Таким образом, автономия университета оказалась, скорее, номинальной, поскольку все внутренние вопросы решал Почетный совет, не учитывавший мнения студентов и преподавателей.

Однако эта победа правых в университете оказалась кратковременной. Новый губернатор Фаусто Мануэль Ортега, занявший пост в 1957 г., дистанцировался от решений своего политического предшественника, перестав оказывать открытую поддержку *FUA* [5, p. 198]. Кроме того, укрепление позиции правых в университете привело к консолидации левых сил. Сторонники социалистических и либеральных идей стали все больше сближаться друг с другом. В 1958 г. были сформированы сразу две университетские молодежные организации левой направленности: Националистический университетский фронт (*Frente Nacionalista Universitario, FNU*) и Либеральный университетский блок (*Bloque Liberal Universitario, BLU*) [22, p. 218]. Они выступали не только за секуляризацию и либерализацию университетской среды, но и активно участвовали в социальных протестах, поддерживая рабочих. Либералы, объединенные во *FNU* и *BLU*, и связанные с *PCM* левые, только организовавшие в университете свои первые ячейки, быстро нашли точки соприкосновения в деле защиты народных интересов [25, p. 123]. Общими характеристиками для них стали требование провести глубокую университетскую реформу, непринятие войны во Вьетнаме (1955—1975 гг.) и поддержка Кубинской революции [26, pp. 57-58]. Именно благодаря успехам последней социалисты и коммунисты, до этого представленные в мексиканских образовательных учреждениях небольшими группами, получили возможность привлечь больше сторонников. Реагируя на эти тенденции, руководство Автономного университета Пуэблы продемонстрировало еще больший уклон вправо: первого ректора, оказывавшего негласную поддержку *FUA*, 5 декабря 1959 г. сменил на посту его приемник, Армандо Герра Фернандес, избранный Почетным советом за свои консервативные взгляды и уже открыто поддерживавший *FUA*.

К 1961 г. под влиянием событий на международной арене ситуация окончательно обострилась. В апреле США оказали логистическую помощь операции кубинских эмигрантов, намеревавшихся свергнуть правительство Фиделя Кастро (1959—2008 гг.), в заливе Плайя-Хирон. Операция, хоть и провалившаяся, вызвала серьезный международный резонанс. 17 апреля университетские либеральные и левые группы Пуэблы организовали демонстрацию в поддержку Кубинской революции, осудив американскую агрессию. Нападение демонстрантов на редакцию газеты *El Sol de Puebla*, занимавшей проамериканскую и антикоммунистическую позицию, вылилось в столкновения с полицией, пытавшейся не допустить перерастания митинга в уличные беспорядки. Результатом стали ранения 20 студентов и

10 полицейских [22, р. 221]. После этого более тысячи студентов вышли к муниципальному дворцу, чтобы осудить насилие со стороны властей.

Церковь немедленно выразила беспокойство по поводу демонстрации левых. Архиепископ диоцеза Пуэблы Октавиано Маркес и Торис четко обозначил позицию местного клира: «Нам не нужны экзотические доктрины из-за границы... Мексики нам достаточно. Мексики настоящей и верующей. Нельзя быть одновременно коммунистом и католиком» [27, р. 1]. На это заявление сторонники правых сил тут же отозвались действием. Когда М.Антонио Диас Сид возглавил *FUA*, организация призвала своих сторонников выйти 24 апреля на ответную демонстрацию против режима Ф.Кастро. На призыв *FUA* откликнулись не только ее члены, но и их единомышленники из числа обучающихся в частных католических школах и горожане, разделяющие правые взгляды. В свою очередь левые практически одновременно устроили новый марш, что закономерно вылилось в очередные, теперь уже прямые столкновения между непримиримыми противниками. Либералы и левые потерпели поражение в этой стычке с правыми и в качестве очередного ответного шага решили на следующий день собраться у стен Коллегии Бенаvente (*Colegio Benavente*), бывшей в то время воспитательным учреждением военизированного профиля, основанным сторонниками идей Фердинанда Лассалья, отрицавшими классовую борьбу и революцию, и являвшимся одним из основных центров *FUA* [5, р. 198]. Однако путь демонстрантам преградили военные, поэтому марш закончился лишь небольшим материальным ущербом для Коллегии в виде нескольких разбитых окон.

Поняв, что прежняя тактика не приносит успеха, либералы и левые предприняли иные меры. 26 апреля Комитет студенческого протеста — представительный орган студентов — сторонников левых идей — потребовал от ректора исключения из Свободного университета членов *FUA*. В ответ на эту инициативу университетские правые вместе с поддержавшими их местными предпринимателями создали Координационный совет горожан Пуэблы, в свою очередь потребовавший исключить своих идеологических противников из университета. Новый виток конфликта между правыми и левыми студентами привел к тому, что 1 мая Комитет студенческого протеста захватил главный корпус университета под названием *Carolino* («Каролино»), отчего членов Комитета стали называть «каролинос». Они требовали соблюдения ст. 3 Конституции, гарантировавшей доступ мексиканцев к светскому, бесплатному, качественному образованию, а также проведения университетской реформы и исключения из университета нескольких преподавателей правых взглядов и лидеров *FUA* [22, р. 224].

В этот момент в события вмешалась католическая церковь Пуэблы. 15 мая архиепископ Маркес и Торис обратился к членам городской общины с пастырским посланием, написанным им в ознаменование 70-летнего юбилея опубликования папской энциклики *Rerum Novarum*. Он снова четко обозначил антикоммунистическую позицию местного клира, подчеркнув, что события, разворачивающиеся в Пуэбле, — это не просто локальный студенческий конфликт: «У нас есть аргументы, позволяющие утверждать, что многое из того, что происходит на нашей родине, а в последнее время и в нашем городе Пуэбла, глубоко связано с международными заговорами, с общемировым планом уничтожения нашей христианской цивилизации, с

титаническими усилиями сил зла, чтобы захватить нашу страну и все народы... Мы говорим вам всей силой духа: взгляните на дьявольскую тактику врага. Из Советской России он присылает своих эмиссаров. Он распространяет их по всему миру, а теперь особенно в нашей Латинской Америке» [28, р.4]. Обращение архиепископа произвело большой эффект: предприниматели Пуэблы, объединившись с правыми студентами в Координационный совет горожан Пуэблы, с лозунгами «Христианству да! Коммунизму нет!» призвали жителей Пуэблы к общему сбору горожан в стенах городского собора 4 июля [25, р. 142]. Проведенное собрание укрепило образ церкви и правых сил как единого сплоченного фронта, но не принесло успеха в университетской среде.

Когда казалось, что новый виток противостояния между идеологическими противниками закончится массовой бойней, в конфликт наконец-то вмешались власти штата, которые в период между 21 и 24 июля отменили действующий Органический закон Автономного университета Пуэблы, лишив правых возможности контроля над Почетным советом, избравшим ректора. 24 июля правительством был принят новый Органический закон, по которому распускался Почетный совет, Университету Пуэблы предоставлялась полная автономия, а также запрещался любой прозелитизм в подрывных целях [22, р. 228]. Этот «красный закон», как его тут же прозвали правые, лишенные власти в совете, вызвал возмущение среди сторонников консервативных сил. Они обвиняли действующую власть в «кастроизации» университета [29, р. 78]. Опираясь на идеи, изложенные в пастырском послании архиепископа Маркеса и Ториса, студенты правых взглядов написали властям открытое письмо, в котором заявили, что отвергают возглавившую университет коммунистическую группу, и призвали подавить коммунистическое движение, указав на то, что «оно идет против наших традиций и мексиканской национальности» [30, с. 86]. Студенческое движение правого толка получило реальную поддержку со стороны местных предпринимателей, пригрозивших прекратить платить налоги правительству штата, которое вмешалось в университетскую автономию. Уже 3 августа более 200 студентов — сторонников *FUA*, возмущенных новым законом, вышли на улицы под предводительством Диаса Сиды [31, р. 109]. Конфликт накалялся все сильнее и сильнее, а власти все менее контролировали ситуацию в университете и на площадях, в связи с чем на следующий день в столицу штата — Ангелополис — были введены войска, которые силовым путем начали пресекать любые очаги сопротивления. Июльский Органический закон об университетской автономии был отменен, за исключением ряда статей [22, р. 229]. Однако из-за развернувшегося конфликта между правыми и левыми переработка закона была отложена, и университет Пуэблы фактически потерял независимость. Лишь спустя полтора года, после смены губернатора штата, 21 февраля 1963 г. был принят новый Органический закон, окончательно запретивший политическую и религиозную пропаганду в стенах университета.

После событий 1961 г. *FUA* не только утратил контроль над Почетным советом, но и поддержку в самом университете, поскольку, руководствуясь новыми законами, левые стали проводить целенаправленную политику по выдавливанию *FUA* из университетских стен [6, р. 200]. Существование *FUA* в те годы поддерживалось как за счет непостоянных союзов с город-

скими властями, так и благодаря сотрудничеству с католическим движением Дни христианской жизни (*Jornadas de Vida Cristiana*), через которое *FUA* хоть и весьма ограничено, но все же продолжал присутствовать в жизни университета. К концу 1960-х годов *FUA* в качестве активной католической организации был вытеснен *MURO* (1961—1981 гг.) и к 1973 г. прекратил свою деятельность.

FUA и схожие с ним организации были созданы правыми по образу и подобию католических молодежных организаций первой половины XX в. Их политические методы, часто сопровождавшиеся насилием, утратили свою актуальность к началу 1980-х годов в рамках общих изменений, происходящих внутри католической церкви, задававшей идеологический вектор подотчетным ей молодежным объединениям. Второй Ватиканский собор 1962 г. запустил процесс модернизации социальной доктрины католической церкви. В частности, доминировавший в верхушке католического клира дискурс борьбы с теологией освобождения сменился попытками взять ее сторонников «под опеку» [32, р. 30]. Теология освобождения предлагала концепцию построения общества в духе христианского социализма, исключая насильственное сопротивление. В условиях развития этих обновленческих тенденций внутри церкви потребность в таких организациях, как *FUA*, постепенно отпала.

1960-е годы стали эпохой глобальных перемен во всем мире, о чем свидетельствовали локальные конфликты периода холодной войны, процессы деколонизации, обновленческие тенденции в католической церкви и распространение новой молодежной культуры. В этом сложном глобальном контексте интеллектуалы пытались переосмыслить роль университета в качестве актора процесса социальных преобразований [33, р. 87]. Начавшееся еще в 1950-е годы проникновение левых в университетскую среду, превратившуюся в поле идеологической и политической борьбы, и их последующее столкновение с консервативными элементами вылилось в масштабные студенческие волнения, перетекшие в мировую молодежную революцию. 1968 г. стал знаковым для многих стран, в том числе и для Мексики, ознаменовав масштабный слом прежних социальных и культурных конструктов. К студенческим протестам присоединились представители интеллигенции, среднего класса и рабочих. Несмотря на то, что протесты против авторитаризма были жестко подавлены мексиканским правительством, они обнажили глубокий кризис действовавшей системы. В долгосрочной перспективе главным достижением мексиканского студенческого движения 1968 г. стал переход к новой политической культуре, действующей вне корпоративного контроля правительства, и создавшей условия для расцвета левого движения в стране [34, pp. 71-72].

В борьбе за университетскую автономию и образование правые силы потерпели поражение, поскольку на тот момент оказались не способны противопоставить что-либо конкурентоспособное идеям левых, требовавших демократических свобод и социальной справедливости. В этом контексте *FUA* вошел в историю как еще один пример молодежной католической организации, созданной для вовлечения студентов в идеологическую борьбу. В нем воплотились все ключевые элементы, свойственные мексиканским правым: сопротивление попыткам изменить устоявшийся обществен-

ный порядок, опора на католическую церковь и получение поддержки со стороны среднего и высшего классов [35, р. 96]. Как показывают рассмотренные события в Пуэбле, реальные цели *FUA*, скрытые за громкими лозунгами о борьбе с коммунизмом, носили вполне практический, свойственный многим политическим проектам характер, заключающийся в установлении контроля над университетской средой и влиянии на политику в регионе.

В середине XX столетия мексиканские правые католические силы Пуэблы, обеспокоенные меняющейся социально-политической обстановкой внутри страны и за ее пределами, предприняли попытку сохранить свое влияние в местной молодежной среде. *FUA* должен был стать инструментом сдерживания левых сил на локальном уровне, но организованный в идеологическом плане по образцу создававшихся ранее объединений, не смог предложить привлекательный для молодежи план решения накопившихся социальных проблем. Лозунги борьбы с коммунизмом и поддержки церкви не дали желаемого результата в условиях постепенной либерализации и секуляризации университетского пространства. Однако *FUA* все же внес свой вклад в трансформацию правого движения в Пуэбле, поскольку его неудачи продемонстрировали неэффективность насильственных методов и побудили правых впоследствии отказаться от их дальнейшего применения. Кроме того, внутривнутриполитические изменения в стране, произошедшие уже в 1970-х годах, а также изменения внутри самой католической церкви открыли для правых сил новые возможности и способы для расширения политического влияния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ларин Е.С. Борьба церкви с государством в Мексике. (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., Наука, 1965, 316 с. [Larin E.S. Bor'ba tserkvi s gosudarstvom v Meksike. (Vosstanie «kristeros» v 1926–1929 gg.). [The struggle between the church and the state in Mexico. (Cristeros Rebellion 1926–1929)]. Moscow, Nauka, 1965, 316 p. (In Russ.).]
2. Селиванова И.В. Идеология движения «кристерос» в Мексике. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019. № 24. сс. 7–20. [I.V. Selivanova. Ideologiya dvizheniya «kristeros» v Meksike [The ideology of the "cristeros" movement in Mexico]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Moscow., 2019, N24, pp. 7–20. (In Russ.).]
3. Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinizan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, 266 p.
4. Delgado A. El Yunque: la ultraderecha en el poder. México, Plaza y Janes, 2003, 115 p.
5. Santiago Jiménez M.V. Anticomunismo católico. Origen y desarrollo del movimiento universitario de renovadora orientación (MURO), 1962–1975. *Las derechas en el México contemporáneo*. México, 2015, pp. 187–254.
6. История Латинской Америки во второй половине XX века. М., Наука, 2004. 607 с. [Istoriya Latinskoi Ameriki vo vtoroi polovine KhKh veka. [Latin American history in the second half of the twentieth century]. Moscow, Nauka, 2004, 607 p. (In Russ.).]
7. Uribe M. La ultraderecha en México: el conservadurismo moderno. *El Cotidiano*, N149, mayo-junio, 2008, pp. 39–57.
8. Щелчков А.А. Консервативно-клерикальная утопия в Мексике: синаркистское движение. *История*. М., 11.12.2021. [Shchelchikov A.A. Konservativno-klerikal'naya utopiya v Meksike: sinarkistskoe dvizhenie. [Conservative-clerical utopia in Mexico: the Sinarcista movement]. *Istoriya*. Moscow, 23.02.2016. Available at: <https://history.jes.su/s207987840017600-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840017600-9 (accessed 30.06.2021) (In Russ.).]

9. Márque Carilloz J. Política, Reforma Universitaria y sociedad en Puebla (México), 1958-1965. *Debates por la historia*. Vol. 8, N1, enero-junio de 2020, pp.205-242.
10. Carr B. La izquierda mexicana a través del siglo XX. México, Era, 1996. 423 p.
11. *El Sol de Puebla*. Martes 19 de abril de 1955.
12. Hurtado Raza L.A. Las caras de El Yunque u Orquesta, un acercamiento al actuar de una sociedad reservada-secreta. *Historia y Grafía*, Universidad Iberoamericana, vol.22, N44, enero-junio 2015, pp.189-217.
13. Schmidt Nedvedovich S., Velázquez Caballero D.M. La judeofobia mexicana: raíces y consecuencias en la derecha política. *El Cotidiano*, N185, mayo-junio, 2014, pp. 47-62.
14. González F.M. Integralismo, persecución y secreto en algunos grupos católicos en México en el siglo XX. *El Estado mexicano: Herencias y cambios. sociedad civil y diversidad*. México, 2005, vol.3, pp. 229-276.
15. Frente Universitario Anticomunista, zona Puebla Oficinas centrales: Av.8 Ote. N203-Altos. Archivo Privado de Manuel Díaz Cid. – Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinizan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, pp.164-167.
16. Blancarte R. La doctrina social del episcopado católico mexicano. *El pensamiento social de los católicos mexicanos*. México, 1996, pp.19-38.
17. Graves de communi. Encíclica de LEÓN XIII. Sobre la Democracia Cristiana. Del 18 de enero de 1901. Available at: https://www.mercaba.org/LEON%20XIII/graves_de_communi.htm (accessed 16.01.2022).
18. Carta encíclica Rerum Novarum del sumo pontífice León XIII sobre la situación de los obreros. Available at: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/es/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (accessed 01.01.2022).
19. Bernardo Barranco V. Posiciones políticas en la historia de la Acción Católica Mexicana. *El pensamiento social de los católicos mexicanos*. México, FONDO DE CULTURA ECONÓMICA, 1996, pp. 39-70.
20. Ideario del Frente Universitario Anticomunista. Archivo Privado de Manuel Díaz. – Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinizan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, pp.167-168.
21. Santiago Jiménez M.V. El Yunque de México: del periodismo a la historia. *Las derechas en América latina en el siglo XX: problemas, desafíos y perspectivas*. Sección 2 – Derechas y extremas derechas. 2016. Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/68832?lang=pt> (accessed 03.03.2021).
22. Márquez Carillo J. Política regional y reforma universitaria en Puebla (México), 1958-1965. *Debates por la Historia*. Universidad Autónoma de Chihuahua, Chihuahua, 2020, vol. 8, N1, pp.205-242.
23. Santiago Jiménez M.V. La universidad como «campo de batalla». Tres escenarios de participación política de jóvenes católicos radicales anticomunistas en México 1934-1975. *Historia y problemas del siglo XX*. Departamento de Historia del Uruguay, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, Universidad de la República y Archivo General de la Universidad de la República. Enero-julio de 2020, vol.12, N11, pp.86-102.
24. *Política*. 15 de mayo de 1961.
25. Dávila Peralta N. Las santas batallas, el anticomunismo en Puebla. BUAP, 2003, 254 p.
26. Tirado Villegas G. A. ¡Cristianismo Sí, Comunismo No! Reforma Universitaria y violencia Universidad Autónoma de Puebla, 1961 (México). *Cuadernos de Marte*. Buenos Aires, 2019, N17, pp.55-82.
27. *El Sol de Puebla*. 22 de abril de 1961.
28. XV Carta Pastoral del Arzobispo de Puebla sobre el Comunismo Ateo, Arzobispado de Puebla, 15 de mayo de 1961, 7 p.
29. Louvrier Calderón J., Díaz Cid M. y Arrubarrena Aragón J.A. Autonomía universitaria, luchas de 1956 a 1991, génesis de la UPAEP, la versión de a ultraderecha poblana. México, 1991, 173 p.

Ирина Веселова

30. Archivo Histórico Universitario de la BUAP, (AHUBUAP), Ficha 10, Expediente 10, Fondo UAP, colección movimientos estudiantiles, foja 1. – Ronquillo Navarro J.P. El papel histórico de la Universidad Autónoma de Puebla de 1960 a 1973. Una lucha ideológica. Tesis de maestría. BUAP, 2017, 211 p.
31. González Ruiz E. MURO: memorias y testimonios, 1961-2002. Puebla, Gobierno del Estado de Puebla: Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, 2003, 587 p.
32. Богомазов В.М. Ватикан - Латинская Америка. Век XXI. М., Аванглион-Принт, 2016, 320 с. [Bogomazov V.M. Vatikan - Latinskaya Amerika. Vek XXI. [Vatican - Latin America. XXI Century]. Moscow, Avanglion-Print, 2016, 320 p. (In Russ.).]
33. Luciani L. Movimientos estudiantiles latinoamericanos en los años sesenta. *Historia y Memoria*. Universidad Nacional de Rosario, Rosario, 2019, pp.77-111.
34. Rivas Ontiveros J.R. Antecedentes, desarrollo y repercusiones del '68 mexicano. *Los 68 latinoamericanos: movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia*. CLACSO, Buenos Aires, 2018, pp.53-77.
35. Hurtado Raza L.A. La Derecha en el México moderno: propuesta de caracterización. *Estudios Políticos*. Universidad Nacional Autónoma de México, México, N29 (mayo-agosto, 2013), pp.89-113.

Irina Yu. Veselova (veselova-iyu@rudn.ru).

Candidate of the historical sciences, PhD in History (Universitat de les Illes Balears), associate professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

St. Miklukho-Maclay, 6, 117198 Moscow, Russian Federation

The Mexican university anti-communist front (1955—1973). The influence of the Catholic Church and the struggle for control of the university environment

Abstract. This article examines the history of the emergence and activities of the Mexican University Anti-Communist Front (Frente Universitario Anticomunista, FUA), a right-wing Catholic youth organization which was formed in Puebla. Based on sources from the personal archive of the second president of the FUA, Manuel Antonio Diaz Cid, as well as on the documents of the Catholic Church, publications in the press and memoirs of contemporaries of the events, the author of the article aims to identify the ideological base of the FUA and determine the main methods of struggle of this organization with ideological opponents. Founded under the patronage of church figures in Puebla, the FUA was a hybrid social organization, combining elements of an open and secret society. Using loud slogans about the fight against communism as a facade, FUA members set themselves quite practical goals, which consisted in establishing control over the university environment and influencing politics in the region. However, the FUA's strategies of struggle proved ineffective in the context of the gradual liberalization and secularization of university space that took place in Mexico in the middle of 20th century.

Key words: Mexico, catholic church, universities, power, ideology.

DOI: 10.31857/S0044748X0021208-7

Received 19.05.2022.

Н.А.Мязин

Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки

Данная статья представляет собой очерк о появлении и распространении пятидесятничества в Латинской Америке, в ней также сделан прогноз дальнейшего развития этого направления протестантизма на континенте. Научная новизна обусловлена недостаточной проработкой проблемы в исследовательской литературе в условиях значительного роста масштабов пятидесятнического движения в регионе, где традиционно господствовал католицизм. В XIX в. в большинстве стран церковь была отделена от государства, а границы открыты для иммигрантов из протестантских стран, и в конце XX в. широкое распространение получили наиболее многочисленные в протестантской среде пятидесятнические церкви. Проанализированы роль международных церквей в латиноамериканском пятидесятничестве, а также региональные особенности развития протестантизма; обозначено место пятидесятничества в протестантском движении. В последнее десятилетие вследствие секуляризации общества рост пятидесятничества замедлился. Сделан вывод о том, что большинство стран Латинской Америки останутся католическими, при этом многие жители региона будут рассматривать католицизм исключительно как часть культурной традиции.

Ключевые слова: христианство, католицизм, протестантизм, пятидесятничество, секуляризация.

DOI: 10.31857/S0044748X0017752-6

Статья поступила в редакцию 02.12.2021.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Религиозный ландшафт Латинской Америки в последние десятилетия претерпел существенные изменения. Доля католиков снизилась, существенно выросло число исповедующих протестантизм. Особенно быстро растут пятидесятнические церкви. В данной статье сделана попытка опи-

Николай Александрович Мязин — кандидат исторических наук, главный специалист министерства внутренней политики и массовых коммуникаций Калужской области (РФ, 248000 г. Калуга, пл. Старый Торг, д. 2, marknote@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>).

сать распространение пятидесятничества как составной части процесса экспансии протестантизма, изучить место пятидесятников — евангельских христиан (самоназвание)* — в современной религиозной жизни, выявить причины роста, рассмотреть перспективы дальнейшего развития этой конфессии. Участие пятидесятников в современной политической жизни и их роль в социально-экономическом развитии общества находятся вне рамок данного исследования.

Статья носит обзорный характер и основана преимущественно на зарубежной историографии. Значительное внимание уделено анализу статистических данных об изменении конфессиональной принадлежности населения стран Латинской Америки. Для анализа динамики последних двух десятилетий используются данные ежегодного опроса исследовательской службы *Latinobarómetro Corporation*. Анализируются региональные особенности распространения протестантизма.

Актуальность избранной темы обусловлена быстрым изменением конфессионального состава населения и сохранением значительной роли религии в жизни латиноамериканского общества. При написании статьи использовались историко-генетический и сравнительный методы. Латинская Америка рассматривается как один из формирующихся центров глобального христианства, что подтверждается избранием в 2013 г. первого в истории понтифика латиноамериканского происхождения, а также увеличением доли латиноамериканцев в мировом христианстве.

Христианство распространялось в Латинской Америке одновременно с иберийской колонизацией. По королевскому соглашению 1501 г. Папа Александр VI (1492—1503) и испанская монархия утвердили католицизм в качестве единственной религии, разрешенной в Америке. Все прочие вероисповедания были запрещены [1, р. 13].

В 1530 г. король объединенных Кастилии и Арагона Карл I (1516—1556) и император Священной Римской империи (Карл V, 1519—1556) запретил иностранным священникам доступ в свои американские владения без особого разрешения. Был установлен королевский патронат — контроль королевской власти над церковью. Союз королевской власти и католической церкви сложился еще в период Реконкисты. [2, с. 19] Ватикан был заинтересован в этом, так как, хотя власть Святого Престола и ограничивалась, он получал гарантию, что на контролируемые Испанией территории в Новом свете не смогут проникнуть адепты конфессий реформатского толка.

Ко второй половине XVIII в. вследствие широкого распространения идеологии Просвещения религиозность высших сословий ослабла. В это же время усилился государственный контроль над церковью. В 1767 г. из Латинской Америки были изгнаны иезуиты. Используя право патроната над церковью, испанские министры назначали епископов, прежде всего, исходя из лояльности, а не профессиональных качеств последних. Инквизиция все чаще использовалась для решения политических задач [3,

* Здесь и далее под «евангельскими христианами» будут подразумеваться исключительно пятидесятники. Это необходимо отметить, так как в России (в отличие от большинства стран пятидесятники называют себя «христианами веры евангельской», а баптисты — «евангельскими христианами».

сс. 293-294]. Следствиями этого стали разрыв католической церкви со значительной частью общества и рост антиклерикальных настроений, что подготовило почву для внедрения протестантизма; это стало возможным после завершения Войны за независимость 1808—1826 гг.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА

В течение XVII в. англичане и голландцы установили свое господство на островах Карибского моря — Ямайке, Барбадосе, Виргинских островах; на северо-востоке Южной Америки — в Суринаме и Гайане, а также в странах Центральной Америки — Белизе и части Никарагуа. Миссионерская работа среди африканских невольников и коренного населения была начата несколько позже благодаря миссии квакера Джона Фокса в 1671 г. К середине XVIII в. большего успеха удалось достичь последователям гуситского движения моравской церкви Братское единение (*Unitas Fratrum*) [4, с. 90]. Миссия осуществлялась только в колониальных владениях протестантских стран.

В 1806 г. Великобритания захватила Буэнос-Айрес, который в то время был столицей вице-королевства Рио-де-ла-Плата. Британские вооруженные силы оккупировали город на несколько месяцев, прежде чем были изгнаны силами местного сопротивления. Однако к этому времени некоторые английские офицеры женились на девушках из аргентинских аристократических семей и решили остаться в стране. Спустя 30 лет была основана первая методистская церковь [5, р. 2].

Приход к власти либеральной элиты после Войны за независимость 1808—1826 гг. привел к изменению восприятия католицизма в Новом Свете. Впервые в Латинской Америке светское государство было закреплено в Конституции Мексики 1857 г. Либералы первого поколения стремились подражать англосаксонским обществам (особенно североамериканской модели) и рассматривали протестантизм этих стран как религию прогресса. Либеральные лидеры открыли свои границы для протестантских иммигрантов, обладающих знаниями, которые они искали, что, в свою очередь, потребовало внедрения начал веротерпимости. Иммигранты основали первые протестантские церкви, которые изначально предназначались исключительно для удовлетворения собственных религиозных потребностей.

Реакция Римско-католической церкви, стремящейся защитить свое монопольное положение, привела к тому, что второе поколение либеральных лидеров еще больше урезало ее власть. К концу XIX в. в большинстве стран Латинской Америки католическая церковь была отделена от государства [6, pp. 220-221]. Тем не менее к началу XX в. число последователей протестантизма почти во всех странах региона оставалось ничтожным. Одной из наиболее протестантских стран Латинской Америки в начале XX в. была Бразилия, в которой к 1900 г. протестанты составляли всего лишь 1% населения [7, р. 49].

Латинская Америка не рассматривалась европейскими протестантами как территория миссии в классическом понимании. На Всемирной миссионерской конференции 1910 г. в Эдинбурге миссионерам, прибывшим из этой части света, было отказано в признании на основании того, что регион был христианизирован несколькими столетиями ранее. Европейские протестантские миссионеры действовали в своих колониальных империях, а

североамериканские сосредоточились на Вьетнаме, Корее, Филиппинах и странах Латинской Америки.

Более активно протестантские церкви стали распространяться в XX в., когда в протестантизм стали массово переходить местные жители, воспитанные в католической культуре. Исторические протестантские церкви — баптисты, методисты и пресвитериане — сблизилась в условиях враждебного католического окружения и мало отличались друг от друга, особенно на взгляд стороннего наблюдателя [5, р. 3]. Население Латинской Америки зачастую не видело большого различия между протестантами и католиками с доктринальной точки зрения. Например, в Колумбии протестантов иногда называли «католиками с Библией». Протестанты ассоциировались с либерализмом и нередко воспринимались как агенты американского империализма [8, р. 11]. Развитие национальных протестантских церквей, ориентированных в первую очередь на местных жителей — латиноамериканцев, подготовило почву для развития нового движения в протестантизме — пятидесятничества.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА

Пятидесятничество начало распространяться в Латинской Америке уже через несколько лет после возникновения — «пробуждения на Азузастрит» в США в 1906 г. В ходе «пробуждения» некоторые протестанты получили особый «мистический опыт», который проявился в обретении даров Святого Духа, самый известный из которых заключался в «говорении на иных языках» (глоссолалии). Отдельные группы протестантов из разных стран перенимали американский опыт и начинали практиковать новые формы служения. За это их изгоняли из традиционных протестантских церквей, и они основывали пятидесятнические общины. В 1908 г. «пробуждение» достигло стран Карибского бассейна, а в 1910 г. — наиболее развитых стран Латинской Америки — Аргентины, Бразилии и Чили.

В начале XX в. в США евангельские христиане были бедны и проповедовали среди бедноты. Структур, обладающих серьезным организационным ресурсом, еще не существовало. В отличие от традиционных протестантских церквей, проповедь пятидесятничества в Латинской Америке велась самостоятельно, за свой счет, без какой-либо поддержки извне. Миссионерами часто являлись бывшие эмигранты, обращенные в США. Миссионеры проповедовали в протестантских общинах. Через некоторое время их изгоняли. Те, кто добивался успеха, уводили вместе с собой часть прихожан и основывали новую общину, которая могла стать основой пятидесятнической церкви. Число евангельских христиан было крайне невелико: в конце 1930-х годов лишь один из сорока латиноамериканских протестантов являлся пятидесятником (протестанты составляли около 2% населения) [9, р. 14].

Послевоенные годы принесли пятидесятникам новые возможности. Это было связано с тем, что адепты евангельского христианства стали отказываться от духовной самоизоляции и все активнее включаться в общественную жизнь, а также с широким распространением новых технологий — радио, затем телевидения — и использованием их в миссионерской работе. Более активно стали действовать и иностранные миссионеры [10, р. 37].

После II Ватиканского Собора (1962—1965 гг.), господствующая в Латинской Америке католическая церковь смягчила отношение к протестантам, которые стали именоваться «разделенными братьями». Менялось к ним и отношение общества, новообращенные больше не боялись потерять работу, что способствовало устойчивому росту пятидесятничества во многих частях континента в 1960—1970-е годы [6, сс. 220-221].

В 1960-е годы начало распространяться харизматическое движение: в части общин внутри католической и традиционных протестантских церквей возникали группы верующих, практиковавших глоссологию. В отличие от пятидесятников, отделившихся от традиционного протестантизма в начале XX в., харизматы остались в своих деноминациях. Ватикан благосклонно отнесся к данному движению, был даже создан центр управления харизматическим движением [11, р. 78]. К настоящему времени харизматическое движение добилось изменений внутри традиционных церквей и постепенно угасло. В то же время часть новых церквей евангельских христиан предпочли не присоединяться к международному пятидесятническому движению и позиционируют себя в качестве независимых церквей.

В 1960-е годы усилилось взаимодействие между историческими протестантскими и пятидесятническими направлениями. Благодаря радио и телепередачам, модель пятидесятнического богослужения обрела популярность за пределами деноминационных границ. В свою очередь латиноамериканские пятидесятники эволюционировали от сектантских к традиционным конфессиональным формам [12, р. 153].

В 1969 г. все методистские церкви Латинской Америки получили автономию (церкви Бразилии и Мексики стали независимыми еще в 1930-е годы), что было связано как с их растущей самостоятельностью, так и с репутационными потерями США из-за войны во Вьетнаме и студенческой революции 1968 г. [5, р. 13]. Но обретение самостоятельности не помогло методистам составить конкуренцию растущему пятидесятничеству.

Для стран Латинской Америки характерны бедность и большое социальное неравенство населения. Ответ на этот вызов мог быть как политическим — путем распространения левой идеологии, так и духовным — через распространение новых форм христианства. Пятидесятничество интенсивно развивалось в эпоху экономических и социальных потрясений, когда люди теряли уверенность в завтрашнем дне. Духовный поиск нередко являлся ответом на жизненные сложности.

В 1960—1970-е годы среди католиков Латинской Америки широко распространялась теология освобождения — учение, возникшее после Второй мировой войны в католическом богословии, выступающее против социального неравенства и допускающее возможность установления социальной справедливости через революцию [13, сс. 1-2]. Вследствие распространения теологии освобождения правительства многих стран, в особенности правые режимы, стали с большей осторожностью относиться к католицизму [14, с. 75]. Пятидесятники считались неопасными и даже способными принести пользу, как проповедующие среди наиболее бедных слоев населения, благодаря чему они получили возможность беспрепятственно осуществлять миссионерскую работу и добиться значительного роста числа церквей [15, pp. 111-112].

В послевоенный период североамериканские пятидесятнические церкви активно действовали в Латинской Америке. Это были «Ассамблеи Бога» (*Assemblies of God*), «Церковь Бога» (*Church of God*) и «Международная церковь четырехугольного Евангелия» (*International Church of the Foursquare Gospel*) [7, pp. 86-87]. Присоединение к международным организациям евангельских христиан было в большей мере характерно для стран, в которых церкви были менее сильными. Те, кому хватало численности и ресурсов, чаще предпочитали независимость. В Бразилии из шести наиболее крупных пятидесятнических деноминаций две были основаны иностранцами в 1910-е годы: «Христианские конгрегации Бразилии» (*Congregação Cristã no Brasil*) и «Генеральная конвенция Ассамблеи Бога в Бразилии» (*Convenção Geral das Assembleias de Deus no Brasil*). В послевоенный период из четырех церквей три имели бразильское происхождение: «Бразилия за Христа» (*Igreja Evangelica Pentecostal o Brasil Para Cristo*, 1955 г.), «Бог есть любовь» (*Igreja Pentecostal Deus é Amor*, 1962 г.) и «Всемирная церковь «Царство Божие»» (*Igreja Universal do Reino de Deus*, 1977 г.). Только *International Church of the Foursquare Gospel* (1951 г.) была привнесена из США [12, pp. 145-146].

Распространению пятидесятничества также способствовало то, что в конце 1970-х исторические протестантские деноминации начали урезать финансирование зарубежных миссий (вероятно, в связи с экономическим кризисом) [16, p. 96]. Это дало толчок активизации движения евангельских христиан, которое в основном опиралось на внутренние ресурсы [17, pp. 343-344]. Максимальный же рост пятидесятничества в большинстве стран Латинской Америки происходил в 1990-е годы. В Большом Рио-де-Жанейро в 1990—1992 гг. ежедневно создавалась одна новая протестантская церковь, 91% из них были пятидесятническими. Распространенность протестантизма была обратно пропорциональна богатству населения: доля протестантов была в три раза выше в бедных (20%), чем в богатых районах (6%).

В самых бедных пригородах число протестантских церквей и молитвенных домов превосходило число католических церквей в соотношении семь к одному [12, pp. 145-146] (по всей видимости, учитывались и обычные помещения, в которых совершались коллективные богослужения). Тем не менее пятидесятничество стало господствовать в протестантской среде не во всех странах Латинской Америки. В Мексике, где протестанты не особенно многочисленны, более широко представлены традиционные протестантские церкви [7, p. 114].

Церкви евангельских христиан независимы и существуют на собственные средства [18, pp. 5-14]. По мере развития пятидесятничества независимость национальных церквей еще более укрепилась. Иностранцы составляли лишь незначительную часть миссионеров; при этом очень большое значение придавалось работе с индейцами. В странах с большой долей индейского населения акцент на них как на «более духовных» (или более бедных) мог быть оправданным, но в ряде случаев он носил гипертрофированный характер. Так, в Бразилии с середины 1960-х по 1980-е годы более трети иностранных миссионеров работали с индейцами, которые составляли всего 0,2% населения. Большее значение имела методическая помощь. В Бразилии в начале 1990-х все пятидесятнические телеканалы создавались национальными церквями, в тоже время 70% книг были переводными [17,

pp. 345-346], то есть в основе теологии лежали работы зарубежных авторов, но практическая работа была организована самими бразильцами с учетом их менталитета и мировоззрения. В последние годы большее значение уделяется использованию интернет-ресурсов для проповеди — вследствие распространения COVID-19 происходили многочисленные интернет-трансляции богослужений. Самое большое число подписчиков на видеохостинге YouTube имеют *Congregação Cristã no Brasil* (1,97 млн подписчиков) [19] и *Igreja Universal do Reino de Deus* (1,32 млн) [20].

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА

Распространение пятидесятничества оказалось более успешным в тех странах, где позиции католической церкви были слабыми, но при этом общая культура оставалась преимущественно религиозной. В тех государствах, где католическая церковь сохранила свои позиции (Колумбия) или произошла секуляризация (Венесуэла и Уругвай), евангельским христианам приходилось намного труднее. Пятидесятники весьма эффективно занимались прозелитизмом среди других христианских течений и миссионерством среди язычников, но, как правило, оказывались неспособными обратить атеистов и агностиков. Евангельских христиан отличало значительно более широкое участие в церковной жизни по сравнению с католиками: они чаще посещали церковные собрания и активнее участвовали в жизни церкви [7, p. 149], выступали в группах прославления, участвовали в благотворительной деятельности, организуемой церквями.

Теология латиноамериканских пятидесятников была построена с учетом предшествующего понимания христианства через Римско-католическую церковь [21, pp. 141-143]. Они заимствовали у католиков практику молитвенных прошений, которая перекликалась с практикой прошений к святым, оставляемых верующими в католических церквях. Пятидесятнические проповедники также использовали жесты, проклятия и другие атрибуты, схожие или косвенно заимствованные из языческого культа с целью победить и изгнать злых духов. Таким образом, практики евангельских христиан, афро-бразильских религий и харизматического католицизма оказались довольно близкими по форме [22, pp. 144-145].

Единого пятидесятнического движения Латинской Америки не существует. Многие молодые проповедники покидают общины в надежде достичь успеха в собственном служении и создать собственные церкви. Во многих латиноамериканских странах есть несколько основных национальных объединений евангельских христиан, таким образом, говорить о пятидесятничестве как о единой силе не представляется возможным [22, p. 152]. Это можно рассматривать и как сильную сторону пятидесятничества — слабые церкви быстрее заменяются новыми, в которые переходят прихожане старых. Отсутствие единства делает жизнь отдельных церквей короче, но благодаря «естественному отбору» придает большую устойчивость пятидесятническому движению в целом.

Движение евангельских христиан заняло свою нишу в качестве религии преимущественно низших классов. Пятидесятники более эффективно проповедуют в отдаленных сельских районах и пригородных фавелах, которые

редко посещаются католическими духовенством [23, с. 75]. Распространение новой веры происходит во многом благодаря активности обычных верующих, которые приглашают в свою церковь родственников, друзей и коллег [24]. Во многих пятидесятнических общинах женщины составляют до двух третей от общего числа прихожан, в церквях довольно много молодежи.

В некоторых латиноамериканских странах, таких, как Мексика и Уругвай, еще в 1990-е годы исследователи обнаружили постепенное замедление распространения пятидесятничества. Это было связано в первую очередь с ростом материалистических воззрений и становлением общества потребления. Согласно Максус Веберу, кальвинистская этика, сочетающая неустанное стремление к обогащению с бытовым аскетизмом, способствовала в XVI—XVII вв. становлению капиталистического общества. Когда капитализм одержал победу, он отбросил оказавшуюся уже ненужной опору [25, сс. 39-40]. Теология процветания содействовала развитию общества потребления, но подобное общество понижает значение религии в жизни человека.

Статистика

В статье использованы данные социологического опроса чилийской исследовательской службы *Latinobarómetro Corporation*, которые собираются по большинству латиноамериканских стран с 1995 г. Парные годы, начиная с 1995 г., используются для того, чтобы уменьшить статистическую погрешность, вызванную небольшой выборкой (в опросах участвовало около тысячи человек из каждой страны) [26].

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (%)

	Годы						
	1910	1950	1970*	1995— 1996	2000— 2001	2010— 2011	2018— 2020
Католики	94	94	92	80	77	73	63
Протестанты	1	3	4	8	10	16	19
Неверующие	1	1	1	6	7	9	14

* Примечание: [24].

До 1970 г. в Латинской Америке наблюдался постепенный рост числа протестантов. Преимущественно они были прихожанами исторических церквей, районы распространения этого христианского течения были привязаны к местам проживания мигрантов из протестантских стран Европы. С 1970-х годов быстрее росли пятидесятнические церкви, центр протестантизма переместился в крупные города [27, р. 134]. За следующие 25 лет доля протестантов удвоилась, а еще за 15 лет процесс удвоения повторился. В 2010-е годы рост протестантизма замедлился. По-прежнему происхо-

дил отток из католической церкви, но значительно большее число людей не переходило в протестантизм, а отказывалось от веры как таковой.

По данным *Latinobarómetro Corporation*, в 2020 г. протестанты составляли 19% населения Латинской Америки (113 млн человек). При этом половина всех протестантов — 56 млн — проживала в Бразилии, где они составляли 26% населения. Второе по населению государство Латинской Америки — Мексика — остается католической страной (78%) с существенно меньшей долей протестантов — 14 млн (11%). Сильные позиции (>70%) католическая церковь сохранила также в Колумбии, Перу и Эквадоре, еще значительнее доля католиков в Парагвае. Наибольшее развитие протестантизм получил в странах Центральной Америки.

ПРОТЕСТАНТЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (без учета Свидетелей Иеговы и мормонов, %)

Страны	Население (млн)	Годы			
		1995—1996	2000—2001	2010—2011	2018—2020
Аргентина	44,9	4,1	6,9	8,4	9,3
Боливия	11,5	8,3	16,4	16,2	19,5
Бразилия	211	9,4	15,4	21	26,1
Венесуэла	28,5	4,8	6	3,3	20,5
Гаити	11,3	0,4	0,5	1,4	—
Гватемала	16,6	26,8	29,4	37,2	41,9
Гондурас	9,7	17,2	28	36,6	44,1
Доминикана	10,7	—	15,8	12,8	22,8
Колумбия	50,3	3,7	9,5	13,8	15,9
Коста-Рика	5	11,3	14,9	20,3	27,5
Куба [29]	11,3	—	—	5	—
Мексика	127,6	6,1	5,6	7,5	11,2
Никарагуа	6,5	13,1	15,2	33,9	36,8
Панама	4,2	7,2	11,7	17,9	31,3
Парагвай	7	5,7	4,5	5,5	7,1
Перу	32,5	5	7,7	15	18,8
Сальвадор	6,5	19,6	22,8	31	33,7
Уругвай	3,5	5,7	5,3	5,8	8
Чили	19	10,7	13,8	17,5	11,9
Эквадор	17,4	4,6	6,5	10	16,5

Источник: [26], [28], [30].

С 2010 г. доля протестантов медленнее росла в Мексике, Аргентине и Парагвае и уменьшилась в Чили. Серьезный рост числа последователей протестантизма за последнее десятилетие произошел в Венесуэле; это, скорее всего, в первую очередь связано с жесточайшим экономическим кризисом. В Гватемале доля протестантов сравнялась с долей католиков (по 42%), а в Гондурасе протестантские деноминации стали преобладать над католиками (44% и 35%, соответственно).

Самые населенные страны Латинской Америки — Бразилия и Мексика — значительно отличаются по конфессиональному составу. Четверть населения Бразилии являются протестантами. Мексика остается преимущественно католической — доля протестантов, согласно переписи 2020 г., составила 11,2%. Можно привести три основные причины этого отличия:

— этнический фактор — черные и мулаты более склонны к переходу в протестантизм и, в особенности, в пятидесятничество. Они составляют половину населения Бразилии и лишь 1% населения Мексики;

— уровень дохода в Мексике на душу населения в 1,5 раза больше, чем в Бразилии. Основными причинами перемены веры являются сложная социальная обстановка и жизненные трудности, многие из которых вызваны бедностью;

— исторический фактор — католическая церковь Мексики во время Мексиканской революции (1910—1917 гг.) была лишена политического влияния, ее собственность конфискована, монастыри закрыты, многие священники изгнаны из страны, запрещены привлечение иностранного духовенства (это ударило и по протестантским миссионерам), религиозное обучение и проведение богослужений вне церкви. Преследование церкви привело к восстанию кристерос (1926—1929 гг.). К 1930-м годам была достигнута негласная договоренность, позволяющая католической церкви развивать свою религиозную повестку вне политической системы. Окончательно ограничения были сняты с нее только в 1992 г., но религиозные деятели по-прежнему не имеют право заниматься политической пропагандой, а также избираться [7, pp. 116-117]. Отделение церкви от государства позволило сохранить народный характер католической церкви и избежать ассоциирования ее с политической системой.

В Бразилии первой половины XX в. правительство во многом опиралось на моральный авторитет католической церкви. В годы правления военной диктатуры (1964—1985) среди рядовых католиков получила распространение теология освобождения, сторонники которой поддерживают социалистическое движение [7, pp. 47-48]. Это способствовало тому, что правительство не препятствовало распространению протестантских церквей, руководители которых проявляли лояльность в отношении правящего режима.

Определить численность евангельских христиан в Латинской Америке проблематично. Пятидесятничество и традиционный протестантизм преимущественно фундаменталистского направления в регионе достаточно близки. Вследствие этого чаще всего латиноамериканские протестанты воспринимают себя как единое сообщество и называют себя «евангеликами», а не пятидесятниками, баптистами или методистами. В опросе *Latino-barómetro Corporation* большинство протестантов назвали себя именно так. Исключением стала только Бразилия, в которой четверть протестантов обозначила себя именно как пятидесятников.

Специалисты исследовательского центра «Пью» (*Pew Research Center*) оценивали долю протестантов, относящих себя к пятидесятническим деноминациям в 55%. По этим данным наибольшая часть пятидесятников среди протестантов (60% и более) — в Бразилии и Доминиканской Республике, наименьшая (около 40%) — в Венесуэле, Перу, Уругвае и Боливии [31]. Приведенные выше данные о доле пятидесятников могут быть несколько

завышенными (к примеру, в Мексике, по оценкам *Pew Research Center*, пятидесятники составляют 46% протестантов, а по данным переписи населения 2000 г. — 22%) [32, р. 831]. По нашим оценкам, пятидесятники составляют до 40% латиноамериканских протестантов, т.е. до 8% населения Латинской Америки (50 млн человек). Наиболее крупными пятидесятническими церквями континента являются бразильские *Assemblies of God* (до 8,5 млн) и *Congregação Cristã no Brasil* (2,5 млн) [33, pp. 102-104].

Как уже указывалось выше, протестанты проявляют большую религиозную активность и чаще посещают церковные службы, чем католики. По данным *Pew Research Center*, протестанты в 2,5 раза чаще, чем католики сообщали, что религия занимает важное место в их жизни, они каждый день молились и еженедельно участвовали в богослужении. В большинстве стран Латинской Америки протестанты и, особенно, пятидесятники являются активным меньшинством, проявляющим большую религиозную активность по сравнению с католическим большинством. Отток верующих является серьезной проблемой для католической церкви. Каждый шестой, родившийся католиком, покинул церковь: перешел в протестантизм или отказался от веры. Протестанты или выросшие в неверующих семьях переходят в католицизм, но происходит это на порядок реже. В качестве причин перехода в протестантизм чаще всего называют поиск личных отношений с Богом (80%). Второе место занимает стиль богослужения в новой церкви (70%). Около 60% опрошенных указали на то, что им нравилось особое внимание к морали, помощь нуждающимся членам церкви, а также они были привлечены благодаря активной миссионерской работе: протестанты в два-три раза чаще рассказывали другим людям о своей вере, по сравнению с католиками [24]. Переход из католицизма происходил несмотря на то, что в Латинской Америке распространен протестантизм довольно фундаменталистского направления, который требует от верующего активнее участвовать в жизни церкви, чем это делает большинство католиков. Протестанты жертвуют церкви больше денег и чаще соблюдают пост [34].

Образовательный уровень и материальный достаток у протестантов и католиков отличаются от страны к стране. В целом эти показатели незначительно выше у католиков. Протестанты и католики отличаются и по мобильности. В 17 из 19 стран протестанты чаще меняют место жительства, чем католики [35]. Отрыв от родных, друзей и привычной среды часто служит предпосылкой перехода в протестантизм. К этому толкает не бедность, а одиночество. Протестантская церковь с активным взаимодействием между членами общины и многочисленными волонтерскими проектами позволяет решать эту проблему, актуальную для современности.

Пятидесятничество больше представлено среди черных и мулатов [17, pp. 343-344]. В конце 1990-х годов в Бразилии протестанты были беднее, менее образованы и обладали более темным цветом кожи, по сравнению с остальным населением. Евангельские христиане по этим показателям проигрывали остальным протестантам [12, pp. 145-146]. Тем не менее четких закономерностей между этническим и конфессиональным составом населения стран Латинской Америки выявить не удалось. Заметно отличаются от соседей только Аргентина и Чили (белые >85% населения). В этих странах доля католиков оказалась несколько ниже средней по Латинской Аме-

рике (55%), но при этом и протестантов было меньше (11%) и значительно больше неверующих (31%).

Следует отметить, что переход в протестантизм необязательно является завершением духовного поиска человека. Проведенное в начале 2000-х годов исследование 48 мексиканских протестантских церквей показало, что 40% верующих не оставались протестантами в течение всей своей жизни [7, р. 124]. Особенно велика доля сменивших конфессию была у обратившихся в мормонизм: 75% принявших мормонское крещение отошли от этой веры [36, pp. 66-67]. Большинство переходили в протестантизм вследствие жизненного кризиса. Дети и внуки протестантов часто уже не имели тех проблем, которые подтолкнули их родителей к переходу в это вероисповедание, и уходили из церкви. В большинстве случаев они не переходили в католицизм, а оставались протестантами лишь номинально или отходили от веры [7, р. 124]. Одной из причин снижения интереса к протестантизму является развитие экономики. По данным североамериканских миссионеров, потеря интереса к религии обычно происходит тогда, когда страны достигают высокого уровня экономического развития (индекс развития человеческого потенциала $\geq 0,8$ или выше) [36, р. 65].

В последние десятилетия в протестантизме получили распространение мегацеркви — религиозные организации, в которых тысячи человек собираются в одном здании. Самые крупные из них еженедельно посещают до 50 тыс. человек. Из десяти самых крупных церквей шесть относятся к пятидесятничеству, две неденоминационные харизматические церкви, одна баптистская и одна неденоминационная протестантская церковь. Три церкви относятся к международному движению евангелических христиан, представлены пятидесятническая церковь *Elim (Mision Cristiana Elim)*, *Assemblies of God* и *International Church of the Foursquare Gospel*. Остальные три пятидесятнические церкви неденоминационные [37].

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пятидесятничество появилось в Латинской Америке сто лет назад. Оно распространялось одновременно с традиционным протестантизмом, преимущественно фундаменталистского направления. Иностранные миссионеры принесли новую веру, которую в дальнейшем проповедовали местные жители. Движение евангельских христиан широко распространилось в Латинской Америке к 1990-м годам. Пятидесятнические церкви создавались и содержались на собственные средства. Активно развивались независимые латиноамериканские церкви, не являющиеся частью международных церквей. В большинстве случаев участие в их жизни братьев из США ограничивается изданием соответствующей литературы.

Распространение пятидесятничества происходило и из-за раскола католической церкви, связанного с распространением социально-религиозного учения теологии освобождения, сочетающего в себе элементы католицизма и марксизма. Пятидесятничество быстрее распространялось среди черного населения, а также среди низших слоев общества иной расовой принадлежности.

В настоящее время пятидесятничество является меньшинством, но меньшинством активным. В ряде стран число воцерковленных пятидесятников при-

ближается к числу воцерковленных католиков. Вместе с тем конкуренты перенимали многие эффективные методы обращения и работы с прихожанами, используемые пятидесятниками. Основные тенденции последнего времени — секуляризация общества и запрос на индивидуальную, а не коллективную религиозность. Возможно появление и распространение новых (помимо уже существующих) синкретических культов, которые также могут привлечь часть населения. Примером этого может служить широко распространившийся в последние десятилетия в Мексике культ Святой Смерти [38]. От руководителей пятидесятнических церквей зависит, смогут ли они подстраиваться под изменения, происходящие в обществе, продолжать привлекать новых людей в церковь и сохранять имеющихся прихожан.

Рост протестантизма замедлился в 2010-е. Римско-католическая церковь продолжила терять прихожан, но люди чаще принципиально отказывались от веры, чем переходили в протестантизм. В 2020 г. протестанты составили 18% населения латиноамериканских стран, в том числе около 8% населения исповедовали пятидесятничество. Вероятно, рост числа пятидесятников в Латинской Америке продолжит замедляться, а, возможно, и прекратится. Южная Америка (за некоторыми исключениями) останется католическим континентом. Число неверующих или верующих номинально будет возрастать, но многие из них будут рассматривать католицизм исключительно как часть своей культурной традиции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Garma C. Mexico: Religious Tensions in Latin America's First Secular State. *Hemisphere*, 2010, vol. 19, N 1, pp. 13-14.
2. Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М., Наука, 1977, 295 с. [Grigulevich I.R. Krest i mech. Katolicheskaja cerkov' v Ispanskoj Amerike, XVI–XVIII vv. [Cross and sword. Catholic Church in Spanish America, XVI–XVIII centuries]. Moscow, Nauka, 1977, 295 p. (In Russ.).]
3. Католическая энциклопедия. М., Издательство францисканцев, 2011, т.3. 1910 с. [Katolicheskaja jenciklopedija [Catholic Encyclopedia]. Moscow, Izdatel'stvo franciskancev, 2011, vol. 3, 1910 p.]
4. Галибина-Лебедева Е.С. Формирование евангелических христианских церквей. Афросообщества в США и странах Карибского бассейна. *Genesis: исторические исследования*, 2018, № 2, сс.87-99. [Galibina-Lebedeva E.S. Formirovanie evangelicheskikh hristianskih cerkvej. Afrosoobshhestva v SShA i stranah Karibskogo bassejna [The Formation of Evangelical Christian Churches. African communities in the United States and the Caribbean]. *Genesis: istoricheskie issledovanija*, 2018, N 2, pp. 87-99.]
5. Andinach P. Methodism in Latin America. *The Oxford handbook of Methodist studies*, 2010, 17 p. (eds. Kirby J.E., William J.A.). (doi: 10.1093/oxfordhb/9780199696116.013.0008).
6. Smith C.L. Pentecostal presence, power and politics in Latin America. *Journal of Beliefs & Values*, 2009, vol.30, N3, pp.219-229. (doi: 10.1080/13617670903371530).
7. Patterson E. Latin America's neo-reformation religion's influence on contemporary politics. New York & London. Routledge, Latin American studies social sciences and law, 2005, 184 p.
8. Ríos S. Religious diversity in Colombia. *Hemisphere*, 2010, vol. 19, N 1, pp. 11-12.
9. Smith K. Max Weber and Pentecostals in Latin America: The Protestant Ethic, Social Capital and Spiritual Capital. Thesis dissertation for the degree master of arts. Atlanta, Georgia State University, 2016, 76 p.
10. Pérez Guadalupe J.L. Evangelicals and Political Power in Latin America, Peru, Instituto de estudios social Cristianos, 2009, 192 p.
11. Клячков Е.А. Харизматическое движение в Католической Церкви. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Новосибирск, 2019,

№ 2, сс. 73-82. [Kljachenkov E.A. Harizmaticheskoe dvizhenie v Katolicheskoy Cerkvi [Charismatic Movement in the Catholic Church]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. Novosibirsk, 2019, N 2, pp. 73-82.

12. Freston P. «Neo-Pentecostalism» in Brazil: Problems of Definition and the Struggle for Hegemony. *Archives de sciences sociales des religions*. New York & London, Routledge, 1999, N 105, pp. 45-162.

13. Галибина-Лебедева Е.С. Политическая роль католической церкви и религии в Латинской Америке, XXI в. *Мировая политика*. М., 2018, № 3, сс. 1-24. [Galibina-Lebedeva E.S. Politicheskaja rol' katolicheskoy cerkvi i religii v Latinskoj Amerike XXI v. [The Political Role of the Catholic Church and Religion in Latin America 21-th Century]. *Mirovaja politika*. Moscow, 2018, N 3, pp. 1-24. (In Russ.).

14. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Латинская Америка: современные тенденции конфессионального развития. *Вестник ЗабГУ*. Чита, 2009, т. 124, № 9, сс. 67-79. [Gorohov S.A., Dmitriev R.V. Latinskaja Amerika: sovremennye tendencii konfessional'nogo razvitiya [Latin America: current trends in confessional development]. *Vestnik ZabGU*. Chita, 2009, vol. 124, N 9, pp. 67-79. (In Russ.).

15. Von Sinner R. Pentecostalism and Citizenship in Brazil: Between Escapism and Dominance. *International Journal of Public Theology*. 2012, vol. 6, N 1, pp. 99-117.

16. Gallaher C. The role of protestant missionaries in Mexico's indigenous awakening. *Bulletin of Latin American Research*, 2007, vol. 26, N 1, pp. 88-111 (doi: 10.1111/j.1470-9856.2007.00211.x).

17. Freston P. Pentecostalism in Latin America: characteristics and controversies. *Social compass*. 1998, vol. 45, N 3, pp. 335-358 (doi: 10.1177/003776898045003002).

18. Cleary E.L. Introduction: Pentecostals, Prominence and Politics. *Power, politics and Pentecostalism in Latin America*. New York & London, Routledge, 1998, pp. 1-24.

19. Congregação Cristã no Brasil. YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/c/Congrega%C3%A7%C3%A3oCrist%C3%A3noBrasil> (accessed 07.08.2022).

20. Igreja Universal. YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/igrejaUniversal> (accessed 07.08.2022).

21. Alvarez M. The south and the Latin American paradigm of the Pentecostal movement. *Asian Journal of Pentecostal Studies*, 2002, vol. 5, N 1, pp. 135-153.

22. Adeboye. O. Pentecostal Challenges in Africa and Latin America: A Comparative Focus on Nigeria and Brazil. *Afrika Zamani*, 2003-2004, N 11-12, pp. 136-159.

23. Галибина-Лебедева Е.С. Протестантские церкви и секты как новый субъект политики в Латинской Америке. *Мировая политика*. М., 2019, № 3, сс. 72-91. [Galibina-Lebedeva E.S. Protestantskie cerkvi i sekty kak novyj subjekt politiki v Latinskoj Amerike. [Protestant Churches and sects as a new subject of politics in Latin America]. *Mirovaja politika*. Moscow, 2019, N 3, pp. 72-91. (In Russ.).

24. Religion in Latin America. Widespread Change in a Historically Catholic Region. *Pew Research Center*. Washington, 13.11.2014. Available at: <https://www.pewforum.org/2014/11/13/religion-in-latin-america/> (accessed 26.10.2021).

25. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2017, 656 с. [Veber M. Izbrannoe: protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moscow, 2017, 656 p. (In Russ.).

26. ¿Cuál es su religión? Análisis Online. *Corporación Latinobarómetro*. Santiago. Available at: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (accessed 26.10.2021).

27. Potter J.E., Amaral E.F.L., Woodberry R.D. The Growth of Protestantism in Brazil and Its Impact on Male Earnings, 1970-2000. *Soc Forces*, 2014, vol.93, N 1, pp. 125-153 (doi:10.1093/sf/sou071).

28. Population total. *The world bank*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations> (accessed 27.10.2021).

29. Cuba. *Encyclopedia Britannica*. 2010. Available at: <https://www.britannica.com/place/Cuba/Soils#ref233417> (accessed 27.10.2021).

30. Presentación de resultados. Estados Unidos Mexicanos. De Poblacion y Vivienda 2020. Available at: https://pics.unison.mx/wp-content/uploads/2021/01/Censo2020_Principales_resultados_ejecutiva_EUM.pdf (accessed 27.10.2021).

31. Religion in Latin America. Chapter 4: Pentecostalism. *Pew Research Center*. Washington, 13.11.2014. Available at: <https://www.pewforum.org/2014/11/13/chapter-4-pentecostalism/> (accessed 27.10.2021).

32. Dow J.W. The expansion of Protestantism in Mexico: an anthropological view. *Anthropological Quarterly*. Washington, 2005, vol.78, N 4, pp. 827-851.
33. Von Sinner R. Pentecostalism and Citizenship in Brazil: Between Escapism and Dominance. *International Journal of Public Theology*. Leiden, 2012, vol. 6, N 1, pp. 99-117 (doi: 10.1163/156973212X617208).
34. Religion in Latin America. Chapter 2: Religious Commitment and Practice. *Pew Research Center*. Washington, 13.11.2014. Available at: <https://www.pewforum.org/2014/11/13/chapter-2-religious-commitment-and-practice/> (accessed 26.10.2021).
35. Religion in Latin America. Chapter 10: Demographic Profile of Religious Groups. *Pew Research Center*. Washington, 13.11.2014. Available at: <https://www.pewforum.org/2014/11/13/chapter-8-religion-and-science/> (accessed 26.10.2021).
36. Gooren H. Comparing Mormon and Adventist Growth Patterns in Latin America: The Chilean Case. *Dialogue: A Journal of Mormon Thought*. Farmington, 2013, vol. 46, N 3, pp. 45-77.
37. Bird W. 2021 Global Megachurches - world's largest churches. Available at: <https://leadnet.org/world/> (accessed 28.10.2021).
38. Мязин Н.А. Культ Святой Смерти в Мексике. М., *Латинская Америка*, 2022, № 4, сс. 89-99. [Miazin N.A. Kul't Svjatoj Smerti v Meksike] [The cult of the Santa Muerte in Mexico]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2022, N 4, pp. 89-99 (In Russ).

Nikolay A.Miazin (marknote@rambler.ru)

PhD, chief specialist of the ministry of domestic policy and mass communications of the Kaluga region

Pl. Staryi Torg, 2, 248000 Kaluga, Russian Federation

The spread of Pentecostalism in Latin America

Abstract. This article presents an essay on the emergence and spread of Pentecostalism in Latin America and forecasts the further spread of Pentecostalism on the continent. The scientific novelty is due to the lack of research literature on the issue when the Pentecostal movement grew significantly in a region traditionally dominated by Catholicism. The 19th century saw the separation of church and state in most countries and the opening of borders to immigrants from Protestant countries, and at the end of the 20th century the largest Protestant Pentecostal churches became widespread. The role of international churches in Latin American Pentecostalism is analyzed, as well as regional characteristics of Protestantism development; the place of Pentecostalism in the Protestant movement is outlined. In the last decade the growth of Pentecostalism has slowed due to the secularization of society. It concludes that most of Latin America will remain Catholic, with many in the region viewing Catholicism solely as part of a cultural tradition.

Key words: Christianity, Catholicism, Protestantism, Pentecostalism, secularization.

DOI: 10.31857/S0044748X0017752-6

Received 02.12.2021.

КУЛЬТУРА

Л.В.Ростоцкая

Советское кино 1920—1930-х годов и новое кино Латинской Америки: особенности влияния

В статье рассматриваются особенности творческих моделей двух крупных направлений мирового киноискусства — советского кино 1920—1930-х годов и нового кино Латинской Америки 1960—1970-х. Особое внимание уделяется методам, разработанным в области художественной формы советскими режиссерами (теории монтажа С.М.Эйзенштейна и «киноглаза» Д.Вертова). Сопоставление программных тезисов двух школ кино и анализ некоторых кинематографических и теоретических работ позволяют сделать вывод об их концептуальной близости в идеологическом и эстетическом аспектах.

Ключевые слова: советское кино 1920—1930-х годов, новое латиноамериканское кино, концептуальная близость, социально-политическая ангажированность, новые художественные формы.

DOI: 10.31857/S0044748X0021678-4

Статья поступила в редакцию 23.04.2022.

В мировом киноискусстве на протяжении его более чем вековой истории возникало множество различных направлений, школ, методов и стилей, но лишь немногие из них навсегда оставили в нем глубокий отпечаток. К таким неординарным явлениям, в значительной степени предопределившим дальнейший путь кинематографа, относится советское кино 1920—1930-х годов, о степени влияния которого на мировой кинопроцесс можно судить по тому, что его основные концептуальные положения до сих пор не утратили своей значимости. Оно, в частности, оказалось важной точкой отсчета, детерминирующей художественной моделью для формирования школы нового латиноамериканского кино 1960—1970-х годов. Целью статьи стало выявление степени влияния советского кинематографа на латиноамериканский. К выводу о несомненном творческом сходстве этих феноменов киноискусства помогло прийти использование компаративного метода исследования.

Лидия Владиславовна Ростоцкая — старший научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, li-ros@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1728-8074>).

Изучению истории и методологии раннего советского кино посвящено огромное число научных трудов, изданных во многих странах мира. Глубокий исследовательский интерес к нему всегда сохранялся и в нашей стране. Среди множества специальных работ нельзя не назвать такие значимые труды, как книга историка кино, профессора ВГИК Николая Алексеевича Лебедева «Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918—1934 годы» [1]; коллективная монография известных историков кино Александра Николаевича Грошева, Семена Сергеевича Гинзбурга и Иосифа Львовича Долинского «Краткая история советского кино» (1917—1967) [2]; учебное пособие для изучения истории кинематографа «История советского кино» Юлии Анатольевны Русиной [3].

Монография «История отечественного кино. XX век» [4] Неи Марковны Зоркой стала итоговым трудом выдающегося отечественного искусствоведа, обобщившей в ней свои многолетние фундаментальные исследования. Особенность авторского стиля Н.М.Зоркой состояла в умении сочетать богатство фактического материала с увлекательностью и нестандартностью изложения. Еще одна заметная работа последнего периода — «Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920—1960-х годов» [5] — принадлежит перу известного киноведа Евгения Яковлевича Марголита, применившего оригинальный способ постижения истории через кинематографические образы. Статьи о раннем советском кино печатались в таких профессиональных периодических изданиях, как «Искусство кино» и «Киноведческие записки».

Среди зарубежных научных работ, авторы которых уже почти столетие изучают разные аспекты творчества советских режиссеров, особый интерес вызывают те, что принадлежат перу их современников. Это — впервые изданная еще в 1933 г. книга «Кино как искусство» немецкого философа и психолога Рудольфа Арнхайма [6], связавшего открытия советских режиссеров с уникальными экспрессивными ресурсами образной структуры немого кино, а также статьи американского искусствоведа, первого директора Музея современного искусства в Нью-Йорке Альфреда Гамильтона Барра «ЛЕФ и советское искусство» и «Сергей Михайлович Эйзенштейн», написанные ученым после поездки в СССР и знакомства с Эйзенштейном в 1929 г. и включенные позднее в сборник «Дефиниция современного искусства» [7, pp. 157-160; 8, pp. 161-166].

Одним из важнейших пособий для изучения ведущих мировых школ кино стала совместная работа испанского историка, кинокритика Хоакина Ромагеры и уругвайского культуролога Омеро Альсины «Тексты и манифесты кино» [9]. Уникальная книга Хесуса Гонсалеса Рекены «С.М.Эйзенштейн» [10] представляет собой тщательный искусствоведческий анализ фильмографии великого режиссера. Особенности теории раннего советского кинематографа отведено почетное место в самых солидных энциклопедических изданиях, например, в знаменитой «Энциклопедии кино» [11] Роже Буссино, французского писателя, историка кино, сценариста и режиссера, а также во многих специализированных журналах: *Cine Cubano* (Гавана), *Cuadernos de cultura* (Буэнос-Айрес), *Cinema* (Париж), *Cahiers du cinema* (Париж), *Cuadro* (Кито) и др. И, безусловно, особое место в изучении наследия

советских кинематографистов занимают их собственные теоретические труды, до сих пор издающиеся на разных языках в качестве учебных пособий по режиссерскому мастерству.

Что же касается темы влияния советского кино на новое кино Латинской Америки, то она, по сути, почти не разрабатывалась в нашем искусствоведении, поэтому попытка сопоставления этих двух феноменов мирового кинопроцесса может представлять интерес для научного исследования.

«Все культуры составляют единое целое в общем наследии человека. Культурная самобытность народов обновляется и обогащается благодаря контактам с традициями и ценностями других народов. Культура — это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций; в изоляции она увядает и погибает» [12, с. 78], — это главный тезис Декларации, принятой в 1982 г. в Мехико на Всемирной конференции, посвященной культурной политике и необходимости взаимодействия в общекультурном мировом пространстве. Новое латиноамериканское кино*, безусловно, может быть успешным примером творческого взаимодействия и переосмысления некоторых моделей киноискусства.

Сам факт глубокого интереса молодых кинематографистов Латинской Америки 1960—1970-х годов к раннему советскому кино не удивляет: оба направления рождались на волне бурных исторических событий, были социально и политически ангажированы, обоим привлекали нестандартные художественные формы. Советское кино формировалось в атмосфере, охваченной творческими экспериментами, открытиями, изобретениями, нередко граничащими с эксцентрикой. Недаром тогда еще совсем молодые режиссеры Григорий Михайлович Козинцев и Леонид Захарович Трауберг назвали созданную ими в 1921 г. в Петрограде творческую группу ФЭКС — Фабрика эксцентрического актера, — девизом которой стал лозунг «Время, вперед!». Основанная в качестве театральной, в 1924 г. она превратилась в киномастерскую, в которой рождались самые невероятные замыслы. Буквально одержимые поисками новых форм «фэкссы», как их называли, использовали самые неожиданные приемы, стили и жанры, включая клоунаду и карнавал. Самым известным их фильмом стал «Новый Вавилон» (1929 г.), посвященный Парижской Коммуне и стилизованный под живопись импрессионистов. Музыку к нему написал Дмитрий Шостакович.

Отталкиваясь от метафоры известного киносценариста Евгения Александровича Григорьева, сравнившего раннее советское кино с «криком раскрепощенного человека» [13], Е.Я.Марголит назвал режиссеров тех лет «мальчишками, причем мальчишками с окраин, с периферии, для которых вдруг открылся невероятный диапазон возможностей, от которых дух захватывает. И они видят в революции ту самую высокую возможность рас-

* Термином «новое кино» стали называть уникальное направление кинематографии, возникшее в 1960-годы во многих странах Латинской Америки на волне национально-освободительного движения. Всех его создателей отличало пламенное стремление к социально-политическим преобразованиям, а также к формированию особой эстетики, собственного кинематографического языка.

крепощения человека, личностной самореализации. Они подходят к ней как художники. Потому что художник видит в реальности возможность художественного образа. Он не придумывает образ, он обнаруживает его возможности в реальности. У этих «мальчишек» был грандиозный образ будущего. Что мы и видим в их кино» [13].

Подобную мотивацию можно считать своего рода ключом к постижению неукротимого творческого духа знаменитых советских режиссеров — С.М.Эйзенштейна, Дзиги Вертова (псевдоним Давида Абелевича Кауфмана), Всеволода Илларионовича Пудовкина, Льва Владимировича Кулешова, Г.М.Козинцева. Известно, что открытия и изобретения советских кинорежиссеров в области художественной формы вошли в арсенал многих течений мирового киноискусства, став важнейшей частью его эстетики, но на более глубоком концептуальном уровне очевидные параллели обнаруживаются, прежде всего, при сопоставлении с новым кино Латинской Америки. Четко и последовательно декларируемая идея служения народу прослеживается в творчестве мастеров и советского, и латиноамериканского кино.

Необходимо отметить при этом, что латиноамериканские кинематографисты никогда не стремились к использованию готовых творческих моделей, будь то советское кино или итальянский неореализм. Пафос служения народу, ставший для них доминантой творчества, определил их особое положение даже в сравнении с близкими им по методу школам кино, например, с английским «свободным кино», не возводящим в абсолют идею жертвенного общественного служения.

В статье «Тридцать лет советского кинематографа и традиции русской культуры» С.М.Эйзенштейн писал: «Трудно найти другую мировую культуру, которая бы так же последовательно и неизменно была бы от самых основ своих напоена всегдашней пламенной идейностью; всегдашним желанием общественного служения; всегдашним горением за то, чтобы движением резца или кисти, звучностью слова или музыкального образа нести мысль; ратовать за идею; не развлекаться и не развлекать; но прежде всего «служить», служить своему народу. Служить тому, что, по мнению автора, являлось необходимейшим, нужнейшим, спасительным или ведущим, активно действенным, передовым или открыто революционным и прогрессивным для данного исторического этапа» [14, с. 192].

Под этой пламенной программной декларацией советского мастера мог бы подписаться и любой создатель нового латиноамериканского кино. Идея общественного служения, не отделимая от социально-политического аспекта ее реализации, стала фундаментом этого направления, объединяя даже тех кинематографистов — и советских, и латиноамериканских — у которых были творческие расхождения по другим позициям, прежде всего в области формы. Так, один из ведущих режиссеров нового кино боливец Хорхе Санхинес писал: «...революционное кино — это то, которое служит интересам народа, становится инструментом разоблачения...» [15, р. 38].

Поскольку хронологический отсчет советского кинематографа ведется от периода гражданской войны, его первостепенной задачей стало представление информации о главных событиях того времени: о ситуации на

фронте, а также внутри страны, в том числе и о негативных сторонах организации труда. Сила воздействия хроникальных и коротких игровых лент была невероятной, чему способствовала и идея использования так называемых агитационных кинопоездов и пароходов, оснащенных съемочным оборудованием и лабораториями. Группа кинематографистов во главе с Александром Ивановичем Медведкиным, по несколько месяцев находясь в пути, снимала небольшие ленты на самые актуальные темы, подмечая недостатки в работе шахт, сельском хозяйстве, критикуя бюрократию и семейственность в местных органах власти, а также предлагая более конструктивные методы работы и популяризируя научные и технические знания. Позже этот действенный способ пропаганды и просвещения успешно применили у себя кинематографисты Латинской Америки, где в начале 1970-х годов были созданы группы «Медведкино».

Талантливый кубинский режиссер и писатель Фернандо Перес дал лаконичное, но емкое и точное определение раннему советскому кино, назвав его «одновременно творческим феноменом и документом эпохи, поставившим себя на службу народным массам, благодаря своей культурной, социальной и политической значимости» [16, р. 113]. В статье «50 лет советского кино» он писал о том, что оно открыло для мирового кинематографа «самые важные эстетические основы, подчинив их выражению революционных идей» и что «Потемкин» стал лучшим образцом революционного искусства, а его показы превращались в наглядную манифестацию единения с советским народом. Что касается языка, то Эйзенштейн воплотил в «Потемкине», а позже — в «Октябре» свои приемы монтажа, используя самые оригинальные метафоры и ассоциации» [16].

Высоко оценивал фильм Эйзенштейна и выдающийся кубинский писатель Алехо Карпентьер, назвав «Броненосец Потемкин» «одним из самых великих свершений в кинематографе» [16, р. 121]. Хорошо знакомый с творчеством режиссера, а также с ним лично (они познакомились в 1930 г. в Париже), он писал о том, «что одно упоминание имени Сергея Эйзенштейна воскрешает в нем бурю образов из «Броненосца Потемкин»: восстание в Одессе, бегущие рабочие, гремящие в открытом море пушки, детская коляска, движущаяся под выстрелами батальона царских офицеров... А великолепные эпизоды из «Октября» Эйзенштейна! Вершина замечательного трио русских кинематографистов, которое дополняют Пудовкин и Вертов. Возможно, это самый великий кинематографист нашего времени!» [16].

«Творческий феномен и документ эпохи» — этот ключ к постижению концепции раннего советского кино стал ориентиром и в формировании латиноамериканской школы нового кино 1960—1970-х годов. Подтверждающие этот тезис высказывания можно обнаружить практически у всех его создателей, считающих советских мастеров своими учителями. Так, Х.Санхинес постоянно подчеркивал, что их творческие поиски направлены на «создание кинематографа, который принадлежал бы народу до самой глубины его души... Народная память, коллективная, революционная обрывается без помощи кино. Это — правда, но кино может помочь зафиксировать ее, упрочить и активизировать» [17, pp. 41-42]. По мнению Санхинеса, советское киноискусство 1920—1930-х годов, творчество Эйзен-

штейна, Пудовкина, Кулешова, Вертова оказали наибольшее влияние на формирование нового кино.

Нельзя не сказать о том, что латиноамериканские режиссеры далеко не всегда могли изучать эстетику советского кино непосредственно по кинематографическому материалу — зачастую лишь с помощью теоретических работ наших мастеров. Тем более что в некоторых странах долгое время существовал запрет на демонстрацию фильмов «Броненосец Потемкин», «Октябрь» и некоторых других.

Х.Санхинес снял фильм «Революция» (1963 г.), стилистика которого так очевидно ассоциировалась с «Броненосцем Потемкиным», что критики единодушно заговорили о явном воздействии советской картины на боливийского режиссера. Влияние на самом деле было, но не непосредственное — благодаря просмотру фильма С.М.Эйзенштейна, — а через книги и статьи советских режиссеров. Изучая их, боливийские кинематографисты пришли к выводу, что многие открытия этих режиссеров, в первую очередь связанные с невероятным потенциалом приемов монтажа, могут быть использованы и в собственном творчестве. «Мы восхищались теоретическими высказываниями Эйзенштейна в области киноискусства, — признавался Санхинес, — они заставляли нас думать. Надо иметь в виду и то, что влияние это так сильно отразилось на нашей работе потому, что мы уже воспринимали кино прежде всего как средство борьбы и способ выражения идей» [18, р. 3]. По мнению Санхинеса, «фильм «Революция» стал результатом духовного совпадения с ранним советским кино. Идея сделать фильм, способный стать средством общения многоязычного населения, не прибегая к помощи слов, позволяет использовать кино с точки зрения его максимальных экспрессивных, графических и образных возможностей» [19, с. 118].

Как и ленты советских режиссеров, фильм «Революция» демонстрировал возможности эстетики, использовавшей принципиально новые способы выражения, в первую очередь язык образов в отличие от прежнего документального кино, в котором широко применялся текст и, как правило, излишне декларативного и схематичного. «Революция», — писал о фильме Санхинеса Карлос Меса, известный боливийский политолог, филолог, бывший президент страны (2003—2005 гг.) — это начало новой эстетики, опирающейся на реальность и на острое предчувствие перемен, которое должно исходить от народа» [20, р. 39].

Х.Санхинес, как и многие его единомышленники, полностью разделял одно из основных положений теории Эйзенштейна о выдвижении на главную роль в своих работах коллективного героя, народа — очевидное противопоставление системе «звезд». «Революционная форма, — писал Эйзенштейн, — есть продукция правильно найденных технических приемов конкретизации нового взгляда и подхода к вещи и явлениям — новой классовой идеологии... Массовость — сознательный режиссерский трюк... Массовый материал выдвинут как способный наиболее рельефно утвердить идеологический способ подхода к форме» [21, сс. 111-112]. «Революция» Санхинеса — первый политический фильм в Боливии, завоевал премии на международных фестивалях (в Лейпциге в 1964 г., в Винья-дель-Мар в 1967 г., в Мериде в 1968 г.), — у себя в стране в те годы демонстрировался лишь нелегально.

Особое воздействие на формирование эстетики как советского, так и нового латиноамериканского кино оказал и режиссер Д.Вертов, творческое наследие которого до сих пор изучается во всех мировых киношколах. Д.Вертов стал создателем оригинального направления в документальном кино, основанном на художественном осмыслении подлинных фактов. Полагая, что «документальный экран должен не копировать обычное зрение, а осмысливать жизнь, прибегая к помощи профессиональных кинематографических методов, то есть определенных приемов съемки и монтажа», он назвал кино «возможностью делать видимым невидимое» или «киноглазом» [22, с. 58]. Д.Вертов писал о том, что он 15 лет «учился искусству письма не пером, а камерой. Меня беспокоило отсутствие кинематографической азбуки. Я пытался создать эту азбуку» [23].

В статье «Киноки. Переворот», впервые напечатанной в 1923 г. в журнале «ЛЕФ», он назвал главным принципом документального кино «киноощущение мира ...использование киноаппарата как киноглаза, более совершенного, чем глаз человеческий, для исследования хаоса зрительных явлений, наполняющих пространство» [24, с. 67]. «Вертов установил публицистическую и историческую ценность каждого кадра, — писал киноматематик, историк кино Михаил Юрьевич Блейман. — Он требовал фиксации на пленку не инсценированных и не сенсационных событий, во всей их парадоксальной и противоречивой пестроте» [22].

Программный фильм Вертова «Человек с киноаппаратом» (1929 г.) стал демонстрацией неисчерпаемых возможностей языка кино. В этой ленте использованы новаторские по тем временам приемы съемки (оператором фильма был брат режиссера Михаил Кауфман): необычные ракурсы, двойная экспозиция, ускоренная и покадровая съемка, скошенный угол, реверс, совмещение нескольких изображений в одном кадре. Креативные формы языка кино, открытые Вертовым, стали, по сути, фундаментом эстетики мирового киноискусства. Несомненная значимость его творческого вклада признавалась такими мэтрами, как французские историки кино Жорж Садуль, Леон Муссиак, Р.Буссино, а также многими деятелями искусства, среди которых — Бертольд Брехт, Чарли Чаплин и, наконец, молодые создатели нового кино, убежденные в том, что латиноамериканское кино, «борющееся за преобразование социальных структур, нашло и до сих пор находит в Дзиге Вертове теоретические и практические предпосылки огромной значимости» [16, с. 110].

Впрочем, Эйзенштейн, запальчиво порицая недостаточную эффективность метода Вертова как «способа борьбы», писал: «Киноглаз» — не только символ видения, но и символ созерцания. Нам же нужно не созерцать, а действовать. Не «Киноглаз» нам нужен, а «Кинокулак» [21, с. 46]. Гораздо более беспристрастно оценивал творчество Вертова Ж.Садуль, который в 1972 г. писал, что Вертов «еще 40 лет назад предвидел те возможности, которые принесут будущие технологические достижения» [16, с. 104].

Документалистика, ставшая своеобразным и значимым жанром мирового киноискусства прежде всего благодаря советским режиссерам 1920—1930-х годов, стала и органичной частью эстетики латиноамериканского нового кино. С 1960-х годов в Латинской Америке стремительно возросло

число режиссеров, тяготеющих как к чистой документалистике, так и сочетающих ее приемы с игровыми, неустанно генерируя новые художественные формы. Их четко декларируемая социально-политическая ангажированность определила преимущественное использование тех методов и приемов, которые позволяли бы мобильно реагировать на происходящее. Среди самых признанных латиноамериканских мастеров — бразильцы Глаубер Роша, Руй Герра, Карлус Диегис, Роберту Камаргу, аргентинцы Октавио Хетино и Фернандо Соланас, боливиец Х.Санхинес, чилиец Мигель Литтин, кубинские документалисты Сантьяго Альварес, Пастор Вега, Хосе Массип, Томас Гутьеррес Алеа, Хосе Гарсиа Эспиноса и многие другие.

Конечно, на формирование нового кино определенное воздействие оказывало не только советское кино, но и другие направления мирового киноискусства, прежде всего итальянский неореализм 1940—1950-х годов. Его гуманистическая направленность, пристальное внимание к жизни простых людей, протест против социальной несправедливости были близки ключевым идеям создателей нового кино. Латиноамериканские кинематографисты успешно использовали некоторые приемы неореализма: основой сюжета, как правило, были подлинные события; съемки проходили на месте действия; наряду с актерами снимали и непрофессионалов, настоящих участников произошедшего. Вместе с тем неотъемлемой частью того мирового опыта, который использовался самими итальянскими кинематографистами, было и раннее советское кино, которое изучалось ими так же, как и многими латиноамериканскими режиссерами, операторами, сценаристами в Римском экспериментальном киноцентре. Творческое наследие С.М.Эйзенштейна, Д.Вертова, Л.В.Кулешова, В.И.Пудовкина, А.П.Довженко и других создателей нашего кино признавалось новыми поколениями кинематографистов классической моделью, базовой точкой отсчета в работе.

Г.Роша отмечал, что «в области выразительных средств и приемов новое кино опирается на два направления в кинематографе: на достижения советского кино и итальянского неореализма начального периода. Эксперименты Дзиги Вертова, картины Эйзенштейна, Довженко, Росселини, Висконти... служили для нас примером, основой нашей теоретической базы» [25, сс. 176-177]. По всей видимости, есть основания говорить о концептуальной близости трех крупных направлений киноискусства, основанной на их четко декларируемой социальной и политической ангажированности и творческом методе, ориентированном на реалистические традиции мировой культуры. При этом метод реализма воспринимался их создателями «не как пассивное преклонение перед застывшей объективной истиной, а как творческая сила, фантазия, создающая историю событий и людей...» [26, с. 61].

Отметим, вместе с тем, что сколь бы значительна ни была роль советского послереволюционного кино и неореалистического кинематографа Италии в становлении нового кино, латиноамериканские кинематографисты были далеки от намерения подражать этим школам. Близкие их мировоззрению творческие принципы, преломляясь сквозь призму национального самосознания, традиций культуры, социально-исторического и поли-

тического контекста, обретали свое неповторимое воплощение, «звучание». Поискам собственного стиля, языка, адекватно отражающего наиболее острые проблемы, латиноамериканские кинематографисты придавали первостепенное значение. Одно из наиболее ярких подтверждений этого — уникальное творчество Г.Роши.

Высоко оценивая достижения раннего советского кино и некоторые методы работы итальянских мастеров, Роша никогда их не копировал, не подражал им, но глубоко переосмыслил сообразно реалиям бразильской действительности, бразильской культуры и собственного мироощущения. Завораживающая поэтика его кинематографа вобрала в себя и открытия советского кино, и богатство бразильской культуры. В напоминающих эпические полотна фильмах Роши — художника с мировым именем, неоднократно получавшего самые престижные кинематографические премии — фольклорные и карнавальные мотивы органично сочетаются с оригинальной авторской символикой.

Ведущий бразильский кинокритик Паулу Антониу Паранагуа, назвав фильм Роши «Бог и дьявол на земле солнца» (1963 г.) «лучшим примером стилистического новаторства и подлинно национальной художественной формы, отнюдь не означающей неприятия извне» [27, с. 33], так пояснил свое высказывание: «В этой ленте гармонично слиты многие разнородные элементы: техника монтажа Эйзенштейна и поэтика бразильских фолетос (своеобразный жанр народного творчества. — Л.Р.), насыщенность художественной ткани, не уступающая фильмам Висконти, и динамизм вестернов; присущее документальному кино обостренное внимание к социальной проблематике и особая пластика игры актеров в фильмах о самураях; психологическая глубина Станиславского и «эффект отчуждения» Брехта; многоголосие оперы, лиризм «Бразильских бахиан» Вила Лобоса и безыскусность народных мелодий; характерные приметы родного для Роши уголка страны и общая для всей Бразилии тема нищеты и отсталости» [27].

Латиноамериканцы, как и многие советские кинематографисты, декларировали свои творческие задачи и в теоретических работах. Наиболее полно и, вместе с тем, экспрессивно и образно они были сформулированы Рошей в книгах «Эстетика голода», «Эстетика насилия», «Революция нового кино». «Нашу культуру, — писал он, — смело можно назвать культурой голода; на этом зиждется трагическая оригинальность нового кино» [28, р. 62]. Любое высказывание мастера проникнуто бескомпромиссностью социально-политического пафоса: «Мы считаем, — подчеркивал Роша, — что кинематограф может быть важным инструментом познания бразильской действительности, осмысления этой реальности и даже ее изменения. Он может быть инструментом политической пропаганды. Именно благодаря этому принципу, главному, но допускающему многообразные эксперименты в соответствии с темпераментом каждого кинематографиста, и существует бразильское кино. Название «новое кино» обозначает то, что наше кино только родилось. То, что оно представляло раньше, было не чем иным как кустарным производством, лишенным как культурного, так и промышленного значения. Сейчас новое кино — это бразильское кино, и его история пишется по мере того, как пишутся наиболее важные главы

истории Бразилии. Традиции бразильской культуры крайне сложны и вмещают огромное многообразие стилей на основе общего фундамента» [29, р. 20]. Это, по сути, программное определение бразильского режиссера можно отнести к каждому национальному варианту нового кино Латинской Америки.

Сходные творческие принципы раннего советского и нового латиноамериканского кино, основанные на потребности служения народу, решения его самых насущных проблем и в то же время бережного сохранения своеобразия национальной культуры, предопределило то многообразие в единстве, которое отличало эти направления. Особая поэтика каждого из них рождалась в постоянном взаимодействии с традициями культуры — литературой, изобразительным и музыкальным искусством.

Созданию оригинального кинематографического языка латиноамериканские режиссеры, вслед за советскими, придавали первостепенное значение. Стремлением постичь уникальность своей культуры, максимально приблизиться к адекватным для нее художественным формам отмечено творчество боливийской киногруппы *Ukamau*. Высоко оценивая уроки советского кино 1920—1930-х годов и некоторые методы итальянского неореализма, члены группы во главе с Х.Санхинесом создали оригинальное направление, которое назвали «индейским кинематографом». «Нет одного единственного пути для латиноамериканского кино. Мы абсолютно уверены в том, что не может быть лучшего судьи для своего кинематографа, чем сами народы, — писал Х.Санхинес в статье «Наше главное предназначение» [17].

Отрицая элитарное искусство, кинематографисты группы *Ukamau* в своих художественных поисках шли по пути наибольшего сближения с культурой коренного населения. Пытаясь наиболее адекватно выразить его духовное мироощущение, они не только досконально воспроизводили особенности взаимоотношений внутри индейской общины, но и стилизовали свои ленты, намеренно придавая им не усложненные безыскусные формы, близкие восприятию простых людей: *¡Aisa!* («Айса!» в переводе с аймара «Обвал», 1965 г.), *Ukamau* («Укамау» в переводе с аймара «Вот так» 1966 г.), *Yawar Mallku* («Явар Малку» в переводе с кечуа «Кровь кондора», 1969 г.), *El enemigo principal* («Главный враг», 1973 г.), *¡Fuera de aquí!* («Прочь отсюда!», 1977 г.). Претворяя ключевую идею создателей нового кино о действенности искусства, о кинематографе как оружии, каждый свой фильм боливийские режиссеры рассматривали как часть политической борьбы против влияния североамериканских компаний.

Для мексиканского варианта нового кино особую роль сыграл приезд в страну Эйзенштейна, снимавшего там в начале 1930-х годов фильм «Да здравствует Мексика!». Снятые в Мексике материалы и сам процесс работы над ними группы советских мастеров (в нее входили оператор Эдуард Казимирович Тиссэ и Григорий Васильевич Александров) стали, по мнению Г.В.Александрова, «школой кинематографического мастерства для зарождавшегося тогда национального кино» [30, с. 157]. Родольфо Эчеверриа, мексиканский историк кино и автор уникальной многотомной энциклопедии, посвященной национальному кинематографу, так отзывался о фильме Эйзенштейна: «Талант одного из самых

великих киномастеров открыл всему миру душу нашего народа и облик нашей страны» [31, р. 205].

Поискам собственного пути, оригинальных творческих методов, отображающих и самобытность национальных культур, и глубину социально-политических проблем, латиноамериканские кинематографисты, как в свое время и советские, придавали первостепенную значимость. Они создавали новое искусство, не подражая и копируя, но креативно переосмысляя и трансформируя открытия советского кино и итальянского неореализма. Режиссеров нового кино — будь то Ф.Соланас и О.Хетино с их политическими фильмами-призывами; создатель «индейского» кинематографа Х.Санхинес или авторы эпических лент об истории Мексики Поль Ледук, Фелипе Касальс и Серхио Ольхович; наконец, уникальный мастер Г.Роша с его необыкновенными аллегорическими полотнами — всех их, несмотря на очевидную авторскую дифференциацию и стилевое разнообразие, объединяла неотъемлемая от их творчества идея служения народу.

Сочетание мощного социально-политического пафоса с неустанным генерированием новых художественных форм — суть базовой платформы латиноамериканского нового кино, приближающей его к программным декларациям раннего советского кино. Сопоставление ключевых аспектов творческих концепций таких значимых для мирового киноискусства направлений, как советское кино 1920—1930-х годов и новое кино Латинской Америки, позволяет сделать вывод о том, что они во многом совпадают на уровне основополагающих принципов, связанных как с их социально-политической ангажированностью, так и со стремлением к созиданию нового. И в обоих случаях можно с уверенностью говорить о незаменимом вкладе представителей этих киношкол в эстетику мировой культуры, поскольку многие их кинематографические и теоретические работы по праву считаются классическими моделями киноискусства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918-1934 годы. М., Искусство, 1965, 373 с. [Lebedev N. A. Ocherki istorii kino SSSR. Nemoe kino: 1918-1934, [Essays on the history of cinema of the USSR. Silent films: 1918-1934]. Moscow, Iskusstvo, 1965, 373 p. [in Russ.].
2. Грошев А.Н., Гинзбург С.С., Долинский И.Л. Краткая история советского кино (1917-1967), М., Искусство, 1969, 615 с. [Groshev A.N., Ginsburg S.S., Dolinskiy I.L. Kratkaya istoria sovetskogo kino (1917-1967) [A brief History of Soviet Cinema]. Moscow, Iskusstvo, 1969, 615 p. [in Russ.].
3. Русина Ю.А. История советского кино, Екатеринбург, Уральский университет, 2019, 104 с. [Rusina U.A. Istoria sovetskogo kino [History of Soviet Cinema]. Yekaterinburg, Ural University, 2019, 104 p.
4. Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М., Белый город, 2014, 512 с. [Zorkaya N.M. Istoria otechestvennogo kino [The history of Russian cinema. XX century]. Moscow, Belyi gorod, 2014, 512 p. [in Russ.].
5. Марголит Е. Я. Заметки к истории советского кино 1920-1960 годов. СПб, Сеанс, 2012, 224 с. [Margolit E.Y. Zametki k istorii sovetskogo kino 1920-1960 godov [The living and the dead. Notes on the History of Soviet cinema of 1920-1960]. St. Petersburg, Seans, 2012, 224 p. [in Russ.].
6. Arnheim R. El cine como arte. Barcelona, Ediciones Paidos, 1986, 176 p.

7. Barr A. H. El LEF y el arte soviético // La definición del arte moderno. Madrid, Alianza, 1989, 347 p.
8. Barr A.H. Sergei Michailovitch Eisenstein // La definición del arte moderno. Madrid, Alianza, 1989, 347 p.
9. Romaguera, J., Alsina, H. Textos y manifestos del cine. Madrid, Catedra, 1989, 572 p.
10. Requena G.J. S.M.Eisenstein. Madrid, Catedra, 1992, 391 p.
11. Boussinot R. L'Enciclopedia du cinema. Paris, Bordas, 1986, 1335 p.
12. Культуры. Диалог народов мира. *Сборник статей*. Отв. редактор Валитова Л.А. М., Юнеско, 152 с. [Kulturi. Dialog narodov mira. [Cultures. A Dialogue between the peoples of the world]. Moscow, Unesco, 152 p. [In Russ.].
13. Марголит Е.Я. Почему я ненавижу нынешнее кино? [Margolit E.Y. Pochemu ya nenavizu ninechnee kino? [Why do I hate the current cinema?]. Available at: <https://archives.colta.ru/docs/13592> (accessed 10.04.2022) [in Russ.].
14. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в 6 томах. М., Искусство, 1964, том 2, 567 с. [Eisenstein S.M. Isbrannie proizvedeniya v 6 tomakh [Selected works in 6 volumes, vol.2]. Moscow, Iskustvo, 1964, 567 p. [in Russ.].
15. Sanjines J. Teoría y práctica de un cine junto al pueblo. México, Siglo Veintiuno Editores, 1979, 250 p.
16. Pérez F. 50 años del cine soviético. *Cine Cubano*, 1972, La Habana, № 76-77, pp. 112-121.
17. Sanjines J. Nuestro principal destinatario. *Cine Cubano*, 1983, La Habana, № 105, pp. 40-45.
18. Sanjines J. El cine como lucha constante por los pueblos. *Granma*, La Habana, 7.XI.1977.
19. Санхинес Х. Кино должно служить народу. *Приглашение к диалогу. Латинская Америка: размышления о культуре континента. Коллективный сборник*. Отв. ред. Микоян С.А. Москва, Прогресс, 1986, сс. 296-304 [Sanjines J. Kino dolzno sluzit narodu [Cinema should serve the people] Priglasenie k dialogu. Latinskaya America: razmishleniya o culture kontinenta. Kollektivniy sbornik [Invitation to dialogue. Latin America: reflections on the culture of the continent. A collection of essays] Moscow, Progress, 1980, pp. 296-304 [in Russ.].
20. Mesa C. "Cine boliviano del realizador al crítico". La Paz, Editorial Gisbert, 1979, 297 p.
21. Эйзенштейн С. М. Избранные сочинения в 6 томах. М., Искусство, 1964, том 1, 696 с. [Eisenstein S.M. Isbrannie proizvedeniya v 6 tomakh [Selected works in 6 volumes, vol.1]. Moscow, Iskustvo, 1964, 696 p. [in Russ.].
22. Блейман М. Ю. История одной мечты. *Дзига Вертов в воспоминаниях современников. Сборник статей*. Отв. ред. Вертова -Свилова Е.И. М., Искусство, 1976, сс. 49-64 [Bleiman M.U. Istoria odnoi mechti. Dziga Vertov v vospominaniyakh sovremennikov. Sbornik statei. [The story of a dream. Dziga Vertov in the memoirs of contemporaries. Collection of articles]. Moscow, Iskustvo, 1976, pp. 49-64 [in Russ.].
23. Martínez-Salanova E. Dziga Vertov. El cine ojo. La necesidad de contar la verdad. Available at: https://educomunicacion.es/cineyeducacion/figuras_vertov.htm (accessed 29.04.2022).
24. Вертов Д. Киноки. Переворот. *ЛЕФ*, Москва, Государственное издательство, 1923, № 3, сс. 64-69 [Vertov D. Kinoki. Perevorot. [Kinoki. A Coup]. LEF, Moscow, 1923, № 3, pp. 64-69 [in Russ.].
25. Роша.Г. Мы находимся не в конце пути, а лишь в его начале. *Приглашение к диалогу. Латинская Америка: размышления о культуре континента. Коллективный сборник*. Отв. ред. Микоян С.А. Москва, Прогресс, 1986, сс. 173-178 [Rocha G. Mi najodimsa ne v konze puti, a lish v ego nachale [We are not at the end of the path, but only at its beginning] Priglasenie k dialogu. Latinskaya America: razmishleniya o culture kontinenta. Kollektivniy sbornik [Invitation to a dialogue. Latin America: reflections on the culture of the continent. A collection of essays]. Moscow, Progress, 1980, pp. 173-178 [in Russ.].
26. Аликата М., Де Сантис Д. Правда и поэзия: Верга и итальянское кино. *Кино Италии. Неореализм. Коллективная монография*. Отв. ред. Богемский Г.Д. Москва, Искусство, 1989, сс. 60-65 [Aliikata M., De Santis D. Pravda i poezia: Verga i italianskoye kino [Truth and Poetry:

Лидия Ростоцкая

Verga and Italian Cinema]. Kino Italii. Neorealism. Kollektivnaya monografiya [Cinema of Italy. Neorealism]. Moscow, Iskusstvo, 1989, pp. 60-65 [in Russ.].

27. Паранагуа П.А. Новое кино. *Курьер Юнеско*. Париж, Юнеско, 1987, январь, сс. 33-36 [Paranagua P.A. Novoe kino [New cinema]. *Kurier Unesco*, Unesco, Paris, 1987, January, pp. 33-36 [in Russ.].

28. Rocha G. La estética de la violencia. *Cine Cubano*, 1988, La Habana, № 120, pp. 61-67.

29. Marcorelles L. Elements pour un nouveau cinema. Paris, Unesco, 1970, 154 p.

30. Александров Г.В. Эпоха и кино. М., Издательство политической литературы, 1976, 336 с. [Aleksandrov G.V. Epokha i kino [Epoch and cinema]. Moscow, Publishing house of political literature, 1976, 336 p. [in Russ.].

31. García Riera E. Historia documental del cine mexicano. México, Era, 1970, t. II, 331 p.

Lidia V.Rostotskaya (li-ros@mail.ru)

Senior Researcher of Institute of Latin American of RAS

B.Ordyinka Str.21, 115035 Moscow, Russian Federation

Soviet cinema of 1920—1930 years and new cinema of Latin America: features of influence

Abstract. The article discusses the features of creative models of two major trend in world cinema: Soviet cinema of 1920—1930 and new cinema of Latin America 1960—1970. At the same time, emphasis is placed on the methods developed in the field of art form by Soviet directors: theories of editing by S.M.Eisenstein and “Kinoglaz” by D.Vertov. The comparison of the program theses of the two schools of cinema, the analysis of their cinematic and theoretical works allows us to conclude that they are conceptually close in two key aspects — ideological and aesthetic.

Key word: Soviet cinema of 1920-1930, new Latin American cinema, conceptual similarity, socio-political engagement, new artistic forms.

DOI: 10.31857/S0044748X0021678-4

Received 23.04.2022.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Давыдов В.М. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Rusia y España: el ciclo de incertidumbre pandémico. *Violetta Tayar, Eleonora Ermólieva* (coordinadoras).

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

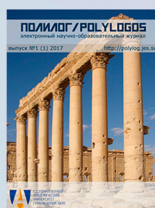
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2022 г. выпустить в свет следующие книги:

- Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред. *Ивановский З.В.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru